

ОГОНЁК

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА», МОСКВА

№ 22 МАЙ 1982

ИНФОРМАЦИОНН
о Пленуме Центра
Коммунистической пар

24 мая 1982 года состоялся очередной Пленум Центрального Комитета КПСС.

Пленум заслушал доклад Генерального секретаря ЦК КПСС, Председателя Президиума Верховного Совета СССР товарища Л. И. Брежнева «О Продовольственной программе СССР на период до 1990 года и мерах по ее реализации».

В прениях по докладу выступили: тт. В. В. Щербицкий — первый секретарь ЦК Компартии Украины, Д. А. Кунаев — первый секретарь ЦК Компартии Казахстана, В. В. Гришин— первый секретарь Московского горкома КПСС, Г. В. Романов — первый секретарь Ленинградского обкома КПСС, Д. К. Моторный—председатель колхоза имени Кирова, Херсонская область, М. С. Соломенцев — Председатель Совета Министров РСФСР, Т. Я. Киселев — первый секретарь ЦК Компартии Белоруссии, И. Г. Хмара — первый секретарь Староминского райкома КПСС, Краснодарский край, Ш. Р. Рашидов — первый секретарь ЦК Компартии Узбекистана, Г. А. Алиев — первый секретарь ЦК Компартии Азербайджана, Э. А. Шеварднадзе — первый секретарь ЦК Компартии Грузии, А. Э. Восс — первый секретарь ЦК Компартии Латвии, И. А. Бондаренко — первый секретарь Ростовского обкома КПСС, И. Е. Клименко — первый секретарь Смолен-

ПОСТАНОВЛЕНИЕ
О проекте Продовольст
на период д

Заслушав и обсудив доклад Генерального секретаря ЦК КПСС товарища Л. И. Брежнева «О Продовольственной программе СССР на период до 1990 года и мерах по ее реализации», Пленум ЦК КПСС постановляет:

1. Целиком и полностью одобрить предложения и выводы, изложенные в докладе товарища Л. И. Брежнева на настоящем Пленуме, положить их в основу практической деятельности партийных, государственных и хозяйственных органов, профсоюзных и комсомольских организаций по реализации Продовольственной программы, последовательному претворению в жизнь аграрной политики КПСС.

2. Одобрить Продовольственную программу СССР на период до 1990 года, разработанную в соответствии с решениями XXVI съезда КПСС.

Утвердить представленные Политбюро ЦК постановления ЦК КПСС и Совета Министров СССР:

«Об улучшении управления сельским хозяйством и другими отраслями агропромышленного комплекса»

«О мерах по совершенствованию экономического механизма и укреплению экономики колхозов и совхозов»

«О мерах по усилению материальной заинтересованности работников сельского хозяйства в увеличении производства продукции и повышении ее качества»

«О дополнительных мерах по закреплению в колхозах, совхозах и других сельскохозяйственных предприятиях работников, занятых в животноводстве»

«О мерах по дальнейшему улучшению жилищных, коммунально-бытовых и социально-культурных условий жизни сельского населения»

«О дальнейшем укреплении колхозов и совхозов руководящими кадрами и специалистами, повышении их роли и ответственности в развитии сельскохозяйственного производства».

3. Совету Министров СССР, Госплану СССР, министерствам и ведомствам, Советам Министров союзных республик обеспечить разработку годовых планов экономического и социального развития страны и проекта плана на двенадцатую пятилетку, исходя из заданий, установленных Продовольственной программой, и необходимости осуществить более глубокий поворот всех отраслей народного хозяйства к решению проблем дальнейшего подъема сельскохозяйственного производства и развития агропромышленного комплекса в целом с тем, чтобы в возможно более сжатые сроки решить задачу бесперебойного снабжения населения продовольствием.

4. ЦК компартий союзных республик, крайкомам, обкомам, окружкомам, горкомам и райкомам партии, союзным министерствам и ведомствам, советским и хозяйственным органам на местах, руководителям колхозов и совхозов, промышленных, строительных и транспортных предприятий, первичным партийным организациям развернуть активную организаторскую и политическую работу среди рабочих, колхозников и интеллигенции по реализации задач, вытекающих из доклада товарища Л. И. Брежнева на Пленуме, Продовольственной программы и принятых в связи с этим постановлений ЦК КПСС и Совета Министров СССР. В решение продовольственной проблемы — центральной задачи партии и государства в одиннадцатой и двенадцатой пятилетках — призваны внести максимальный вклад каждая республика, край, область, район, каждая отрасль народного хозяйства, все трудовые коллективы города и деревни.

ОЕ СООБЩЕНИЕ
льного Комитета
тии Советского Союза

ского обкома КПСС, М. П. Трунов — первый секретарь Белгородского обкома КПСС, М. З. Шакиров — первый секретарь Башкирского обкома КПСС, В. С. Костин — бригадир горнорабочих шахты «Зиминка», Кемеровская область, В. К. Месяц — министр сельского хозяйства СССР, Л. С. Куличенко — первый секретарь Волгоградского обкома КПСС, Ю. А. Овчинников — вице-президент Академии наук СССР, А. А. Ежевский — министр тракторного и сельскохозяйственного машиностроения.

Пленум ЦК КПСС единогласно принял постановление по этому вопросу, которое публикуется в печати.

Пленум ЦК КПСС рассмотрел организационные вопросы.

Пленум ЦК избрал секретарем ЦК КПСС члена Политбюро ЦК КПСС тов. Андропова Ю. В.

Пленум ЦК избрал секретаря ЦК КПСС тов. Долгих В. И. кандидатом в члены Политбюро ЦК КПСС.

Пленум ЦК перевел из кандидатов в члены ЦК КПСС тт. Шалаева С. А. — председателя ВЦСПС, Чазова Е. И. — академика, директора Всесоюзного кардиологического научного центра АМН СССР, Костина В. С. — бригадира горнорабочих шахты «Зиминка», Кемеровская область.

На этом Пленум ЦК КПСС закончил работу.

ПЛЕНУМА ЦК КПСС
венной программы СССР
о 1990 года

5. Пленум ЦК КПСС подчеркивает, что сейчас, когда государство идет на дальнейшее увеличение вложений в сельское хозяйство и его интенсификацию в целях более быстрого роста продовольствия в стране, особенно важно сосредоточить усилия на всемерном повышении культуры земледелия и животноводства, борьбе за улучшение использования земли, производственных фондов, материальных, трудовых и финансовых ресурсов, за повышение производительности труда и качества работы, устранение потерь, экономию и бережливость, снижение себестоимости продукции в колхозах и совхозах.

Возросшие масштабы производства, усложнившиеся экономические связи предъявляют новые требования к кадрам всех отраслей агропромышленного комплекса в деле совершенствования планирования, управления, материально-технического обеспечения сельского хозяйства. Необходимо на всех уровнях управления обеспечить тесную увязку и координацию деятельности подразделений этой сферы экономики, их высокую ответственность за достижение наилучших конечных результатов и заинтересованность в увеличении производства продуктов питания хорошего качества.

Ближайшая задача — добиться уже в этом году существенного повышения продуктивности земледелия и животноводства, обеспечить выполнение и перевыполнение государственных планов закупок зерна, мяса, молока и другой продукции, ее своевременную переработку и полную сохранность, создать надежную основу для более быстрого подъема сельскохозяйственного производства в последующие годы.

* * *

Пленум ЦК КПСС выражает твердую уверенность, что партийные, советские, профсоюзные, комсомольские организации, хозяйственные органы, колхозники и рабочие совхозов, специалисты и ученые, работники промышленности, все жители села и трудящиеся городов сделают все необходимое для выполнения решений настоящего Пленума ЦК, развернут всенародное социалистическое соревнование за достижение намеченных рубежей в увеличении продовольственных ресурсов как одного из главных условий неуклонного повышения благосостояния советских людей, укрепления экономического могущества нашей Родины.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ОГОНЁК

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Основан 1 апреля 1923 года

№ 22 (2863)

29 МАЯ 1982

Москва. Красная площадь 19 мая. Парад юных ленинцев страны.

Форум юности страны приветствуют воины Вооруженных Сил СССР. В зал внесли Знамя Победы.

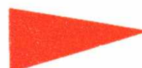
ПЕСНЯ, ВЕСНА, КОМСОМОЛ

Ю. КОЗЛОВ, А. ПОПОВ,
фото Дм. БАЛЬТЕРМАНЦА,
А. ГОСТЕВА,
специальные корреспонденты «Огонька»

Весна — молодое время года. Утром восемнадцатого мая древние кремлевские купола сияли так же ярко, как стеклянное, наполненное светом и воздухом здание Кремлевского Дворца съездов. Сегодня здесь хозяева — лучшие представители молодежи

В заключительный день работы XIX съезда ВЛКСМ.

Добровольцы Всесоюзного ударного комсомольского отряда имени XIX съезда ВЛКСМ на Красной площади.

МОЛОДЫЕ ХОЗЯЕВА СТРАНЫ

В течение четырех дней в Кремлевском Дворце съездов заседали делегаты XIX съезда ВЛКСМ.

В заключительный день работы съезда, 21 мая, делегаты и гости бурными, продолжительными аплодисментами встретили товарищей Л. И. Брежнева, Ю. В. Андропова, М. С. Горбачева, В. В. Гришина, А. А. Громыко, А. П. Кириленко, А. Я. Пельше, Д. Ф. Устинова, К. У. Черненко, Г. А. Алиева, П. Н. Демичева, В. В. Кузнецова, Б. Н. Пономарева, Ш. Р. Рашидова, М. С. Соломенцева, И. В. Капитонова, В. И. Долгих, М. В. Зимянина, К. В. Русакова.

С заключительным словом выступил Б. Н. Пастухов.

Съезд единогласно принял постановление, в котором одобрил деятельность Центрального Комитета ВЛКСМ по руководству комсомольскими организациями, повышению их роли в коммунистическом воспитании молодежи, мобилизации юношей и девушек на осуществление задач, выдвинутых XXVI съездом КПСС, выполнение решений XVIII съезда ВЛКСМ.

Съезд принял постановление о частичных изменениях в Уставе ВЛКСМ.

На вечернем заседании делегаты и гости торжественно проводили отряд имени XIX съезда ВЛКСМ на всесоюзные ударные комсомольские стройки страны.

Форум юности страны приветствовали воины Вооруженных Сил СССР.

XIX съезд Всесоюзного Ленинского Коммунистического Союза Молодежи объявляется закрытым. Делегаты и гости поют «Интернационал».

Вспыхивает овация. Звучат здравицы в честь советского народа, Коммунистической партии, ее ленинского Центрального Комитета, Политбюро ЦК КПСС, товарища Л. И. Брежнева.

страны, делегаты XIX съезда ВЛКСМ. Съезд начинал работу в одиннадцать, но как усидеть в гостинице, когда над Москвой такое синее, чистое небо, когда в Александровском саду полыхают тюльпаны, а в самом Кремле — прямо напротив входа во дворец — зацвели вишни... Как усидеть, когда ты так долго ждал этого майского утра, когда, кажется, шел к нему всю свою недолгую пока жизнь. А потом еще ехал через всю страну на поезде, плыл на пароходе, летел на самолете, а возможно, и шагал пешком от своей деревни до ближайшей станции — все ради того, чтобы именно сегодня оказаться здесь, в столице, в Кремле — на своем съезде! Что значит какой-то час в сравнении с этим ожиданием?

В десять утра Кремлевский Дворец съездов был полон.

Трудно подобрать слова, чтобы передать мгновения, предшествующие открытию съезда. То там, то здесь запевали песни — их подхватывали десятки, сотни молодых голосов. Ноги, казалось, сами пускались в пляс. Как сохранить спокойствие и серьезность, когда это не только твой съезд, но еще и твой праздник! Не верилось, что несколько дней назад они были незнакомы,—в таком согласии сейчас бились их сердца, такое выражение счастья читалось на всех без исключения лицах. Это был праздник не только молодости и весны, но еще и труда — у каждого из делегатов за спиной славные достижения,— праздник причастности к историческому событию, каким является съезд ВЛКСМ, ощущения безграничности собственных сил и возможностей, понимания, что каждый — и все вместе — самые настоящие творцы сегодняшней жизни, молодые хозяева земли! За ними будущее.

Но будущее — это еще и преемственность поколений. И мы не удивлялись, в окружении молодых встречая тех, кто уже стал легендой, составляет гордость страны, известен всем и каждому: народного академика, дважды Героя Социалистического Труда Терентия Мальцева, прославленного председателя костромского колхоза Прасковью Малинину, космонавта Алексея Леонова, трижды Героя Советского Союза, генерал-полковника авиации Ивана Кожедуба...

Одиннадцать. Съезд начинает работу...

— Что вам особенно запомнилось в речи товарища Брежнева? О чем вы думали, слушая эту речь? — с такими вопросами обратились мы к двум делегатам: Нине Захаровой и Владимиру Царику.

Нина Захарова из Ленинграда. Она тростильщица прядильно-ниточного комбината имени С. М. Кирова. Комбинат, кстати, находится недалеко от Смольного, и Нина с гордостью отметила, что работает рядом со штабом революции. И работает, судя по наградам, старательно, творчески. Награждена медалью «За трудовую доблесть». К съезду комсомола Нина обязалась выполнить полуторагодовое задание и выполнила! О комбинате говорит с теплотой, чувствуется, он ей как родной дом. Ведь Нина поступила в училище при комбинате сразу после восьмого класса.

— Меня особенно трогает, волнует неустанная, последовательная борьба нашей партии за мир на земле. На комбинате у нас коллектив в основном женский. Много молодых девчонок, но есть и люди, помнящие войну, блокаду. Когда слушаешь пожилых женщин, матерей, что́ им довелось пережить и выстрадать, то всем сердцем надеешься: такое не повторится! Мне очень хорошо запомнились слова Леонида Ильича Брежнева, сказанные на нашем съезде: «Мир — не дар с неба, его сохранение и упрочение требуют повседневной и трудной борьбы. Вам, молодым, выпало счастье вырасти и жить в условиях мира, не зная бедствий войны. Надо дорожить этим, сохранить это драгоценное достояние».

Владимир Царик из Крымской области. По обветренному, загорелому лицу, по натруженной, крепкой руке сразу чувствуется, что он крестьянин. Работает в овощеводческой бригаде колхоза «Знамя коммунизма» Первомайского района. Ему немного за двадцать, и судьба типичная для нынешнего молодого земледельца. После десятого класса остался в родном селе и сюда же вернулся, отслужив в армии. Сейчас вместе с отцом Михаилом Васильевичем работает на дождевальном агрегате. И в том, что бригада из года в год выращивает и собирает богатые урожаи овощей, немалая заслуга «семейного» экипажа.

— Очень своевременно коснулся в своей речи Леонид Ильич Брежнев,— сказал Владимир Царик,— такого вопроса, как ответственность за свой труд, рачительное, добросовестное отношение к народному добру на всех производственных участках. «Мы располагаем громадными ресурсами,— сказал Леонид Ильич.— Но беда в том, что зачастую машины и металл, хлеб и сырье, материалы и топливо используются недостаточно разумно, нерашливо, не по-хозяйски. Так продолжаться дальше не может». Действительно, не может. Ведь что, бывает, получается? Расскажу на примере нашей бригады. План по производству овощей мы выполняем на сто двадцать — сто тридцать процентов, вкладываем в дело всю свою душу, но что потом видим? Наша продукция — огурцы, помидоры, зеленый лук, перец — все то, чего люди ждут не дождутся в магазинах,— зачастую пропадает, портится, так и не добравшись до прилавка. Нет тары, не хватает автотранспорта, чтобы своевременно вывезти то, что мы вырастили. Склады плохо приспособлены для хранения свежих овощей. Сколько организаций здесь задействовано, но ни одна не несет ответственности за конечный результат — сколько было собрано, а в итоге сколько и какого качества попало на прилавок? И это в Крыму, где считается, что дело поставлено неплохо. Что же тогда в других местах происходит? Задача каждой комсомольской организации, каждого комсомольца и молодого жителя села и, конечно же, тех, кто работает в пищевой промышленности и в торговле,— сделать все возможное для успешного осуществления Продовольственной программы. Более важной задачи сейчас, на мой взгляд, нет!

...Съезд комсомола — настоящий смотр сил и достижений советской молодежи. Сюда приехали более четырех тысяч делегатов, представителей самых разных профессий, всех отраслей народного хозяйства, учащиеся, студенты, воины Советской Армии, молодые интеллигенты. И с кем бы мы ни разговаривали, с кем бы ни знакомились — очно или со слов товарищей,— всех отличала высокая принципиальность, непримиримость к недостаткам, боевитость, нацеленность на дело.

Съезд — это не только праздник. Прежде всего это работа, серьезный, порой нелицеприятный разговор о текущих делах, о том, что мешает комсомолу двигаться вперед, разговор о задачах на ближайшее время. Наконец, это и осмысление пройденного пути. В Отчетном докладе ЦК ВЛКСМ, с которым выступил товарищ Б. Н. Пастухов, намечена конкретная программа действий не только для всего Ленинского комсомола, но и для каждого комсомольца.

Пример, каким должен быть настоящий комсомолец, уже сейчас, сегодня подают многие делегаты. Вглядимся в некоторые судьбы.

Калие Токтогуловой из Фрунзе двадцать три года. Она каменщица на строительстве высотных домов. Когда впервые пришла на стройку, над ней подшучивали: дойдем до седьмого-восьмого этажа — испугаешься, голова закружится от высоты. Потом с удивлением увидели — не боится. Тогда и узнали, что Калия — член сборной команды республики по парашютному спорту, что к высоте ей, как говорится, не привыкать.

И действительно, есть чему удивляться: как эта девушка успевает совмещать работу, депутатскую деятельность, комсомольские обязанности, занятия во Фрунзенском клубе ДОСААФ. Семь лет Калия занимается в парашютной секции. Уже четвертый год работает инструктором аэроклуба, набирает группы девушек-парашютисток, тренирует их, сама выступает на соревнованиях.

А ведь нередко еще бывает, как заметил в Отчетном докладе товарищ Пастухов, что «...в армию приходят парни, не способные подтянуться на перекладине, не умеющие стрелять, подчинить себя строгим нормам солдатской жизни». Что ж, значит, бывает так, что и в мужском деле — умении защитить Родину — парням не худо поучиться у девушек! У таких, как Калия Токтогулова из Фрунзе.

Учиться никогда не поздно. Не только в техникуме, институте, но учиться жить и работать: бережно относиться к народному имуществу, накапливать и приумножать опыт старших поколений. Характерна судьба делегата из Курганской области Сергея Показаньева. Сейчас он студент агрономического факультета Курганского сельскохозяйственного института. Сергей по праву считает себя учеником народного академика Терентия Мальцева. Его хлеборобским кредо стали слова Терентия Семеновича о том, что молодому человеку следует научиться четырем «надо»: надо знать, надо уметь, надо желать, надо действовать.

Дух активного вмешательства в жизнь, стремление решить все наболевшие вопросы и проблемы — вот что еще отличало работу XIX съезда ВЛКСМ.

...Мы не случайно начали репортаж с описания весеннего московского утра. Молодость всегда молодость. Время дерзать, свершать, время узнавать жизнь. У многих делегатов сами съездовские дни: Москва, Кремль, насыщенная программа встреч с руководителями производства, деятелями искусства и культуры, посещения исторических мест, дорогих сердцу каждого советского человека,— все это оставило неизгладимый след. А впечатляющий парад пионерии в день ее 60-летия на Красной площади! А обращение к молодежи мира: «Не дадим взорвать мир!» Жизнь как бы открылась с некой вершины, откуда отчетливо видится большое и светлое, а мелкое, второстепенное отходит на второй план...

Мы старались, рассказывая о съезде и его делегатах, избегать громких слов. Но слова эти в их устах почему-то не воспринимались как громкие. Так всегда бывает, когда люди искренне верят в то, что говорят, когда слова выражают их духовную сущность. На вопрос: «Что для вас главное в жизни?» — все без исключения отвечали: «Прежде всего хочу быть полезным Родине!» Не случайно именно в день открытия съезда в Москву прибыли и участники Всесоюзного ударного комсомольского отряда имени XIX съезда ВЛКСМ. Две с половиной тысячи человек поехали в самые «горячие» точки страны — в Западную Сибирь, на КАТЭК, «Атоммаш», БАМ, в Нечерноземье...

В день закрытия съезда комсомольцы-добровольцы отправились по адресам, указанным им Родиной...

Встреча на аэродроме. Фото А. Гостева

С ОФИЦИАЛЬНЫМ ВИЗИТОМ

По приглашению Президиума Верховного Совета СССР 25 мая в Москву с официальным визитом прибыл Федеральный президент Австрийской Республики Рудольф Кирхшлегер.

На Внуковском аэродроме Р. Кирхшлегера встречали Генеральный секретарь ЦК КПСС, Председатель Президиума Верховного Совета СССР Л. И. Брежнев, министр иностранных дел СССР А. А. Громыко, другие официальные лица.

В числе встречавших находились посол Австрии в СССР Х. Лидерман, представители трудящихся Москвы.

К СОБЫТИЯМ В ЮЖНОЙ АТЛАНТИКЕ

Вооруженный конфликт в Южной Атлантике приобрел угрожающие масштабы. Сосредоточив в этом районе военно-морскую армаду с общей численностью воинского состава почти в 25 тысяч человек, Англия развернула операцию по захвату Фолклендских (Мальвинских) островов.

Морские и воздушные сражения развернулись за 8 тысяч миль от берегов Британии. Но их всполохи отбрасывают зловещую тень на обстановку в стране. Тон шовинистической кампании задает само правительство М. Тэтчер, для которого спор с Аргентиной — это уникальная возможность отвлечь внимание англичан от провалов его социально-экономической политики. Откликаясь на воинственные речи премьер-министра, бульварные газеты вроде «Сан» и «Дейли мейл» травят парламентариев и журналистов, которые осмелились протестовать против войны. От желтой прессы недалеко отстала степенная «Таймс», которая из номера в номер потчует читателя рассуждениями о том, что у Лондона будто бы просто не осталось никакого выхода, кроме как обрушить на аргентинцев всю мощь королевского флота. В поисках аргументов рупор британского истэблишмента углубился в историю и набрел на высказывание Фридриха Великого, утверждавшего, что дипломатия без оружия — это все равно что музыка без музыкальных инструментов.

Ссылка на давно усопшего прусского монарха понадобилась, понятно, для того, чтобы оправдать курс на военное решение спора, которого с самого начала придерживался Уайтхолл. Читая редакционные статьи «Таймс», невольно задаешься вопросом: уж не забыли ли здешние государственные мужи, что на дворе двадцатый, а не девятнадцатый или восемнадцатый век? Ведь если в те времена использование оружия в межгосударственных отношениях считалось нормой, то в наши дни оно осуждено основополагающими документами международного права. На это было ясно указано Великобритании во время обсуждения вопроса в Совете Безопасности ООН.

Однако правительство тори не желает считаться с мнением международного сообщества. Командующий британской армадой контр-адмирал Дж. Вудворд получил приказ взять штурмом административный центр архипелага Порт Стэнли в кратчайший срок. Компромиссные предложения, которые еще на прошлой неделе рассматривались в ООН под эгидой генерального секретаря Х. Переса де Куэльяра, Англия объявила неприемлемыми. Как отмечают здешние обозреватели, Лондон ставит своей целью восстановить власть британского губернатора на Фолклендских (Мальвинских) островах в полном объеме — иными словами, вернуть острова под свой колониальный контроль. Пытаясь оправдать эту откровенно империалистическую стратегию, в Лондоне твердят о необходимости обеспечить 1800 жителям архипелага право на самоопределение. Этот довод звучит цинично, если вспомнить о том, что вплоть до начала вооруженной конфронтации с Аргентиной Британия рассматривала большинство фолклендцев как граждан второго сорта, не имеющих даже права на свободный въезд на территорию Соединенного Королевства. В соответствии с законом о национальности, одобренным парламентом в прошлом году, только те островитяне, чьи деды родились в Англии, считались полноправными британцами.

Не волновали Лондон и условия жизни фолклендцев. 46 процентов территории и половина поголовья овец, на которых держится благосостояние жителей архипелага, принадлежат «Компании Фолклендских островов». Эта фирма является как бы миниатюрной копией Ост-Индской компании, грабившей когда-то английские колонии на востоке. Весь смысл ее деятельности состоял в том, чтобы росли прибыли британских акционеров, на нужды местной экономики она выделяла лишь крохи. Практическую же помощь островитянам оказывала не Англия, а Аргентина.

События в Южной Атлантике оказали заметное воздействие на расстановку сил на английской политической арене. Внутри правящей партии еще больше усилилось влияние крайне правого крыла. Такие деятели, как Уинстон Черчилль, внук покойного премьер-министра, или Дж. Эмери, требуют еще больше усилить военные приготовления, увеличить военный бюджет. Даунинг-стрит благосклонно внимает призывам самых дремучих реакционеров в рядах тори.

Что касается руководства лейбористов, то оно хотя и подвергло критике милитаристскую политику консерваторов, но в целом заняло колеблющуюся позицию. В партии вновь вспыхнули разногласия. Председатель партии Дж. Харт и лидер левого крыла А. Бенн стали инициаторами движения против войны в Южной Атлантике. В этом движении активно участвуют коммунисты, организации сторонников мира. И, несмотря на разгул милитаристского психоза, оно набирает силу. На днях, например, на митинге в Лондоне в поддержку мирного урегулирования конфликта собрались 10 тысяч человек. Манифестации состоялись и в других городах.

Здравомыслящие англичане отдают себе отчет в бесперспективности кровопролитной авантюры, затеянной консерваторами. Передача островов под аргентинский суверенитет отвечает национальным чаяниям аргентинцев. «И они не поступятся своими правами, каков бы ни был исход сражений,— признает обозреватель газеты «Гардиан» П. Дженкинс.— В итоге нам либо придется в течение многих лет держать мощный гарнизон у берегов Латинской Америки, либо пойти на попятную». При любом варианте, предупреждает обозреватель, Англия окажется в проигрышной ситуации.

В. СКОСЫРЕВ,
соб. корр. «Известий»

Специально для «Огонька»

ЛОНДОН
(по телефону).

Туркменская ССР

ГОДЫ И СВЕРШЕНИЯ

ПЛОЩАДЬ — 488,1 ТЫСЯЧИ КВАДРАТНЫХ КИЛОМЕТРОВ.
НАСЕЛЕНИЕ — 2 МИЛЛИОНА 972 ТЫСЯЧИ ЧЕЛОВЕК НА 1 ЯНВАРЯ 1982 ГОДА.
НАСЕЛЕНИЕ АШХАБАДА — 335,7 ТЫСЯЧИ ЧЕЛОВЕК.
ПРОИЗВОДСТВО ПРОМЫШЛЕННОЙ ПРОДУКЦИИ ЗА 1940—1980 ГОДЫ УВЕЛИЧИЛОСЬ В 12 РАЗ.
ПРОИЗВОДСТВО СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННОЙ ПРОДУКЦИИ — В 4,7 РАЗА.
ПРОИЗВОДСТВО ЭЛЕКТРОЭНЕРГИИ — БОЛЕЕ ЧЕМ В 86 РАЗ.

КАРАКУМЫ — ОЧАГ МОЙ, ДОМ РОДНОЙ

Рахим ЭСЕНОВ, писатель

Земля родная! Родина! Что сказать о тебе? Какие слова найти, чтобы выразить любовь свою и сыновнюю преданность тебе? Ведь «в этом звуке», перефразируя известные слова поэта, так много отозвалось. В нем все прекрасное, рожденное человеческим сердцем. Родину невозможно любить только как мать. Это и отец, это и любимая, это брат и сестра, это друг!

И в душе моей звенит, льется песня. Слова ее принадлежат известному туркменскому поэту Байраму Жутдиеву.

Служить тебе — не значит восхвалять,
Расцвечивать, как будто хвост павлина.
Ведь мне тебя не замуж выдавать,
А быть с тобою в ранге гражданина.

Для каждого Родина начинается с родительского дома, с родного очага. Глубокий смысл этого, незримую связь времен, преемственность поколений, одинаково трепетно любящих край родной, я познал еще из рассказов престарелого отца.

У пращуров моих была заветная мечта — разгадать тайну Амударьи, вновь повернуть ее воды на изнывающие от жажды и зноя земли. За этим ходил к Петру Первому туркмен Ходжа Непес. Но столетия никто не мог осуществить эту сказочную мечту. Только стар и млад всегда помнили об одном — отыскать преградившую путь воде дамбу, возведенную алчным хивинским ханом.

Прошлое. Оно видится мне глазами отца... Дореволюционный аул на пустынном побережье Каспия. С миром его связывало лишь море. В год раза два появлялся там из Красноводска белый пароходик, который, словно боясь испачкаться, не приставал к берегу, обиталищу чумазых туземцев. От него отваливали две шлюпки с толстенным приставом, чиновником финансового ведомства да рьяным приказчиком рыбопромышленника Захария Дубского, на которого гнули спины туркмены и казахи восточного побережья Каспия. Не только пображничать, полакомиться стерлядкой и барашком пожаловали именитые гости, но и недоимки выколотить, красную рыбку, черную икорку и шерсть по дешевке скупить, заодно лишний раз напомнить «дикарям», что недреманно око государево, неколебима власть самодержавия.

У аульчан и без того хватало бед: межплеменные и родовые

Продолжение см. на стр. 13.

Народный художник СССР М. Абдуллаев.

КРАСОТА МИРА

«Среди студентов первого и второго курса института найдется десяток-другой живописцев, могущих выставлять свои работы на наших больших весенних и осенних выставках рядом с известными мастерами, без риска ударить лицом в грязь. Таков и первокурсник Абдуллаев...» Это отзыв 1939 года руководителя института Игоря Эммануиловича Грабаря, как известно, на похвалы человека скупого.

Тот, 1939-й, год был для молодого азербайджанского художника Микаила Гусейн оглы Абдуллаева серьезнейшим: окончание Бакинского художественного училища, поступление в Московский государственный художественный институт.

Уже тогда он, восемнадцатилетний, обладал твердой рукой и верным глазом, уже тогда диапазон его творческих поисков был широк: станковая картина и графика, жанр, пейзаж, портрет и иллюстрация. И уже тогда палитра его была составлена из красок родного края — звонких, декоративных, радужных: густо-коричневой земли, синьки небес и озер, раскаленной красноты солнца, черно-седых оттенков гор, которые видны отовсюду.

Его давнишняя, начальных послевоенных лет, и, наверное, первая по-настоящему зрелая картина называлась «Строители счастья», и говорилось в ней попросту о любви. Были здесь парень и девушка, рабочие, молодые строители Мингечаура, и застал их художник в краткий миг отдыха.

Что, казалось, может быть проще и даже банальнее такого сюжета, если не знать, что у них за плечами четыре грозовых года испытаний не на жизнь, а на смерть, испытаний, после которых ярче становятся обычные краски дня, дороже и зримее простейшие ценности жизни, которая продолжается, а стало быть, являет собой самое главное. Солнце и молодость взошли в тот день над Мингечауром, тут не виделись последствия войны, и вместе с тем они были.

Прошло тридцать лет, и вот другой холст — «Июнь 41-го». Эта картина молчалива и ветрена. Здесь высок горизонт, сизая, композиционно срезанная кромка неба и женщины, только женщины, помрачневшие и посуровевшие, ибо их мужья, братья, сыновья ушли. Надолго ли, вернутся ли?

Абдуллаев любит писать женщин — их руки, их лица, их неизбывную красоту в работе, без которой не цвела бы земля. Они всегда у него достойны и благородны, олицетворяя сам народ.

В принципе, несмотря на подчас драматические, внутренне пружинные темы, творчество Микаила Абдуллаева бодро и оптимистично, он не любит слабых, малодушных людей, и герои его, как правило, с широкой, смелой натурой, умеющие трудиться и радоваться. В этом его пафос живописца и человека. Он и само понятие новаторства переводит из сфер формальных в сферы смысловые, духовные, обязательно связанные крепчайшими узами с современностью.

— Если меня спросить,— говорит Абдуллаев,— чем может выражаться сегодняшнее новаторство в искусстве, сегодняшняя современность искусства, то, пусть это покажется неожиданным, отвечу: улыбкой Юрия Гагарина... В искусстве есть неизменная новизна. И неизменные основы. Это красота мира, красота человека, красота человеческого деяния.

Улыбка, облетевшая все страны и континенты и показавшая людям, что все они дети нашей земли. Та красота мира, когда у нас, на Нефтяных Камнях, солнце поднимается над равниной вод и проливает над морем алый, даже пурпурный свет и встают пронизанные красками зари силуэты стальных эстакад, и эта вечно новая красота столь много говорит современному чувству!..

Чувство... Вот критерий живописца Микаила Абдуллаева, всякий изобразительный рассказ которого — от сердца, вместившего в себя родину: хлопковые поля и виноградники, зеленые гряды чайных плантаций, продубленные солнцем лица крестьян и жилистые натруженные руки, просторы Апшерона, Карабаха, Мугани и, конечно, пропахший нефтью Баку. Поэт Расул Рза так ему однажды и написал: «Если б люди лишились сердец, всему наступил бы конец. У меня слова, у тебя цвета. Да здравствуют сердца!»

У Низами есть легенда: красавица крестьянка берет на руки маленького теленка и поднимается с ним по шестидесяти ступеням на крыльцо дома, и так каждый день. Растет теленок, но прибывает сил и у крестьянки. И наконец теленок становится большим быком, а красавица по-прежнему поднимает его на руках все шестьдесят ступеней.

Это символ естественного самосовершенствования, незаметного накопления духовных, жизненных сил. Абдуллаеву теперь чуть больше шестидесяти, и каждый прошедший год его творческой судьбы — как ступень роста: по раскованности рисунка и живописи, по значительности и глубине содержания, самой его весомости и объему далеко ушел сегодняшний мастер от того юноши-художника, которого в самом начале пути заметил Грабарь. Меж этими вехами — сотни холстов, каждый из которых создается, как правило, не в мастерской, но в непосредственной гуще самой жизни. «Еще тогда, когда в республике,— говорит Абдуллаев,— началось строительство грандиозного сооружения Мингечаур ГЭС, я не мог остаться равнодушным к такому событию. С первых же дней поехал на стройку, месяцами жил среди строителей. Это вошло у меня в привычку в дальнейшем».

Так, начиная с 1948 года и по нынешний день, Микаил Абдуллаев — художник типических явлений современности. Проза труда, простой нравственной жизни крестьян и рабочих обобщается у него в некий образ бытия. Таковы «Огни Мингечаура» и «У нас на Юге», «Вечер» и «Подруги».

Нельзя не сказать нескольких слов и об Абдуллаеве-иллюстраторе. Все началось, пожалуй, с портрета-картины «А. М. Горький в Баку в 1928 году»: работая над образом замечательного писателя, живописец, как сам это и отмечал потом, настолько заразился обаянием его личности и творчества, что почти немедленно после окончания полотна принялся за иллюстрации к роману «Мать». Та попытка оказалась удачной. Следом за «Матерью» последовали романы М. Ибрагимова «Наступит день», С. Рагимова «Шамо», М. Гусейна «Комиссар» — иллюстрации, которые можно смело отнести к лучшим образцам азербайджанской графики.

...Прошло много лет, отмеченных многогранными творческими поисками. И вот новая большая работа Микаила Абдуллаева. Это своеобразная подземная картинная галерея — станция бакинского метро «Низами». Здесь грандиозные мозаичные панно занимают проемы арок, а торец зала украшает мозаичный же, в рост, портрет великого творца «Хосрова и Ширин», «Лейли и Меджнуна». Эти мозаики-картины производят сильнейшее впечатление.

Поэзия Низами живописна по сути. Его образы все из красок — сияющих и чистых, простых и мудрых, как философские притчи, где главный герой и победитель — Человек. А еще это поэт, который говорил о любви. Вот такое богатство мыслей, образов, чувств досталось Абдуллаеву для зримого воплощения.

Низами в Азербайджане читает всякий, он здесь — своеобразная энциклопедия. Художник заранее знал, что любое его изображение будет прочтено каждым с полным пониманием сюжета, поступков и побуждений персонажей — зрители станут поверять мозаики самим оригиналом, и он пошел на это испытание.

Конечно, бакинцы спускаются в метро не для того, чтобы любоваться искусством, но до сих пор с момента открытия станции вы можете увидеть здесь людей, в одиночестве и группами переходящих от панно к панно. О чем они говорят, думают? О Ширин, о Фархаде? О принце Бахраме, разъяренных львах или золотой короне? О тоске Меджнун у склепа Лейли?

Тексты Низами проявляются в мозаиках Абдуллаева монументально, а вот и сам поэт, романтически воображенный, как бы сходит со стены. Мастер избрал язык живой, современный, реалистический. Будто бы сегодня ведет свои притчи великий мудрец из Гянджи, да и притчи те о сегодняшнем — о любви, мужестве, верности, радости, жизни...

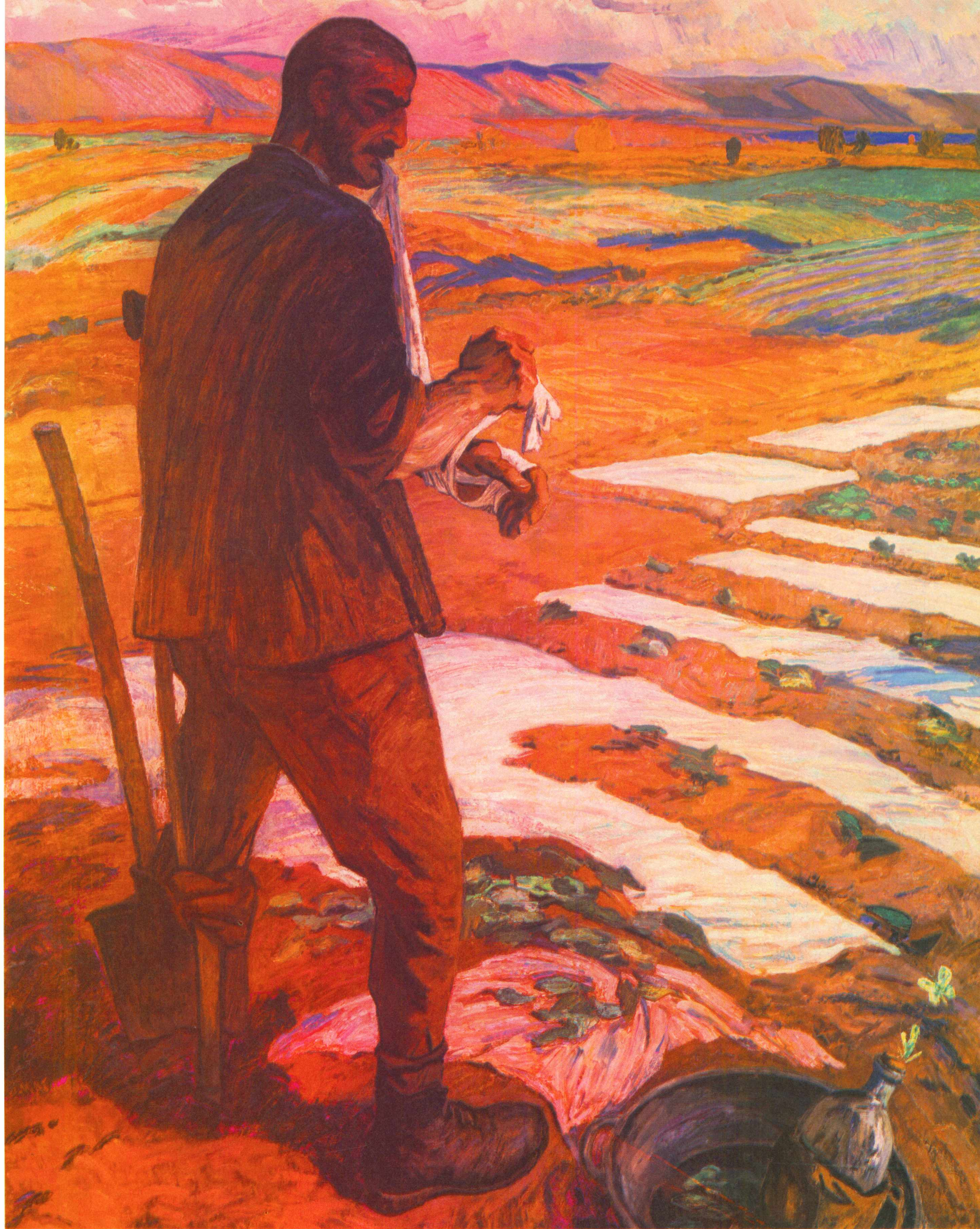
Именно эти понятия помогают людям выживать в годы лихолетья и войн, именно эти понятия складывают одно большое понятие Веры, той самой, что приводит к победе. И опять возвращается народный художник СССР, член-корреспондент Академии художеств СССР Микаил Гусейн оглы Абдуллаев к теме войны.

Вот он, его солдат, вернувшийся с полей сражений, стоит на родной своей земле. Золотистые отблески теплого солнца окрашивают ту весну сорок пятого года, и кромку гор, и долину, и гряды вспаханного поля. Солдат не молод, его лицо загорело, его голова брита. Как дошел он сюда от Берлина? Ведь культя ноги его прикреплена к костылю, а рука еще кровоточит от свежей раны. Но солдат дошел и принес лопату, ибо земля требует вспашки. Теплая земля Родины...

О прошлом, о нынешнем дне говорит художник Абдуллаев своим искусством, о труженике, творце мира. Вот, видимо, почему символом светлого в современности стала для него улыбка Гагарина.

— Ведь над всей этой стремительной, ошеломляющей динамикой,— поясняет живописец,— грозящей растворить в себе, унести с собой человека, видится улыбка — та самая, за которую полюбили этого парня люди на всей земле. И я думаю о том, что понятия самые новые, самые широкие, самые отвлеченные могут быть выражены в искусстве земными красками — теплом, сердечностью, радостью и болью, гневом и восторгом человеческой души...

А. ЕФИМОВ

М. Абдуллаев. СОЛДАТ.

М. Абдуллаев. ИЮНЬ СОРОК ПЕРВОГО.

ОТПУСК, КУРОРТЫ И ПРОБЛЕМЫ

И. КОЗЛОВ
председатель Центрального Совета по управлению курортами профсоюзов

интервью «огонька»

Среди социальных задач развития нашего общества нет более важной, чем забота о здоровье народа. Ею и проникнуто принятое в начале этого года постановление ЦК КПСС, Совета Министров СССР и ВЦСПС «О мерах по дальнейшему улучшению санаторно-курортного лечения и отдыха трудящихся и развитию сети здравниц профсоюзов». В нем широкая программа действий на одиннадцатую пятилетку и последующие восьмидесятые годы. Какие проблемы предстоит решать здесь прежде всего? Интервью взяла Г. КУЛИКОВСКАЯ, наш корреспондент.

— Пришло лето. Горячая пора на курортах. Расскажите, пожалуйста, о масштабах отдыха и лечения в нашей стране.

— Постановление ЦК КПСС, Совета Министров СССР и ВЦСПС вдохновило коллективы санаторно-курортных учреждений, наших предприятий и хозяйств на новые свершения — стремиться как можно быстрее и шире развивать сеть профсоюзных здравниц, совершенствовать процессы лечения и его эффективность, улучшать культурное и бытовое обслуживание советских людей. Работники санаторно-курортной системы приняли повышенные обязательства — принять на лечение и отдых в 1982 году 9,8 миллиона человек, или на 61 тысячу больше, чем предусмотрено планом. За счет чего может быть сделан такой шаг вперед? Прежде всего за счет сокращения сроков капитального ремонта, досрочного ввода здравниц в эксплуатацию, изыскания и рационального использования дополнительных помещений. Примером может служить Азербайджанский совет по управлению курортами. Он накопил, на мой взгляд, хороший опыт по использованию при строительстве спальных корпусов и столовых деревянных деталей, применяемых в жилищном строительстве, и местных материалов. Ежегодно совет вводит в эксплуатацию спальные корпуса на 600—700 мест.

Общая же картина такая: приближаемся к полумиллиону — столько человек одновременно способны принять профсоюзные здравницы. Только за прошлый год санаторно-курортная сеть возросла на десять с половиной тысяч мест. Вошли в строй санатории «Красноярское загорье» в Красноярском крае, «Родник» в Пятигорске, «Латвия» в Юрмале, на курорте Нафталан в Азербайджане, дома отдыха «Ленинградец» под Ленинградом, «Учитель» в Ярославской области и другие.

— Однако темпы строительства по-прежнему оставляют, мягко выражаясь, желать лучшего.

— Да, строительство санаториев и учреждений отдыха ведется еще медленными темпами. Более того, очень часто вторичные и даже третичные сроки нарушаются из-за недоделок и некомплексной сдачи объектов. Минпромстрой все еще не завершил строительство санаториев «Предгорья Кавказа» и «Арзни», за ним числится долг в восемь недоосвоенных миллионов рублей: Минстрой — санаториев «Мюссера» и «Ходжа — Оби — Гарм»; Минтяжстрой — санаторий на озере Учум; Минжилгражданстрой — «Новый источник» в Вологодской области. На Дальнем Востоке крайне необходимо начать строительство санатория для лечения желудочно-кишечных заболеваний на Мухенских минеральных источниках. Ввод его в эксплуатацию позволил бы людям лечить многие болезни, не покидая пределы Хабаровского края. Но как это осуществить, если «Главдальстрой» Минвостокстроя резко снизил темпы на курортных стройках? В 1980 году освоил всего лишь 50 процентов капиталовложений. Не лучшим было положение и в прошлом году. Ввод объектов санатория «Уссури» сорван.

Вы, конечно, заметили, что география наших долгостроев не только Кавказ, но и Сибирь, Дальний Восток, Средняя Азия, Нечерноземье, то есть те районы, на которые обращено особое внимание в постановлении. Итог получается плачевный. Только по этим причинам в прошлом году не было направлено в совпрофы около 40 тысяч путевок. Почти такая же картина и в этом году. А это значит, что тысячи людей по вине строителей, в том числе и сами строители, не смогут провести свой отпуск на курорте.

В санаторно-курортном строительстве все более значительной становится роль дольщиков — различных учреждений и организаций, передающих нам свои капитальные вложения вместе с лимитами строительно-монтажных и подрядных работ. На ВЦСПС возложены, как сказано в постановлении, функции единого заказчика. Наша задача — определить совместно с Советами народных депутатов объем этих вложений и контролировать застройку территорий курортных зон отдыха. По такому принципу развиваются Евпатория, Алушта, Кисловодск, Моршин, Трускавец и Одесса, и, как показала жизнь, он полностью оправдал себя — рентабелен, устраняет появление мелких дорогостоящих санаториев-хуторков.

— Как решаются проблемы совместного отдыха и лечения родителей с детьми и семьями?

— Если говорить конкретно о 1982 годе, то вместимость санаториев для родителей с детьми возрастет до 12 тысяч мест; специализированных пионерских лагерей, в которых можно быть зимой и взрослым и родителям с детьми, то есть действующих круглый год,— до 6,7 тысячи; учреждений отдыха для семейных — до 124 тысяч мест. Большой резерв представляют собой базы отдыха заводов, фабрик и учреждений.

Мы будем всячески поощрять деятельность территориальных советов, их предприимчивость, направленную на перестройку своих здравниц для приема семей и создающих благоприятные условия для семейного отдыха.

Очень важно своевременно начать новое сооружение санаториев для родителей с детьми «Обуховский» в Свердловской области, «Приморье» на курорте Евпатория, санатория в Джизакской области Узбекской ССР, «Цхалтубо» — в Грузинской ССР, «Арзни» — в Армянской ССР, «Ашхабад» — в Туркменской ССР.

Есть реальная возможность уже в ближайшие годы при незначительных капиталовложениях перепрофилировать только на черноморских курортах более шестидесяти пионерских лагерей на 21 тысячу мест для отдыха и лечения взрослых, родителей с детьми.

— Прокомментируйте, пожалуйста, Иван Иванович, ту часть постановления, в которой говорится о выводе с территорий курортов предприятий и автобаз, загрязняющих биосферу. Как осуществляется контроль за сохранением окружающей среды?

— К сожалению, эти важнейшие пункты выполняются плохо. В качестве положительного примера можно привести Трускавец, откуда в настоящее время полностью выведены предприятия. В Сочи из зоны курорта выведены магазины, жилые дома, гаражи. Многое делается на курортах в Прибалтике. Однако гораздо больше тревожных фактов. На Дальнем Востоке известен курорт «Садгород». Тут целебные факторы, лечебная грязь и морская вода. Но на побережье много промышленных предприятий, в результате вода залива Углового загрязнена. Большую опасность таит дюкер, проложенный по заливу. Он был сооружен временно, но сроки его демонтажа давным-давно истекли. Большие трудности возникли на всемирно известных Кавказских Минеральных водах. Столько было решений по охране целебных источников и ограждению здравниц, но они не выполняются. Выведено всего 10—15 процентов предприятий, а кое-кто даже расширяет свое производство. Дело дошло до того, что пришлось закрыть знаменитый Баталинский источник, поставлявший Ессентуки № 20. Или возьмите крымский курорт Саки. Здешний химический завод продолжает сбрасывать сток в лечебное озеро, которому цены нет. Санитарно-гигиеническая служба Минздрава СССР сочла нужным приостановить производство. Были отпущены средства на реконструкцию очистных сооружений, но воз и ныне там. Серьезные проблемы возникли и на детском курорте «Анапа». Здесь места с лечебной грязью засоряются гербицидами и ядохимикатами. Предварительные исследования показали, что они не распадаются в короткое время, как предполагалось, а концентрируются в рапе. Подобная ситуация возникнет и на озере с лечебной грязью Большие Турали, что в Дагестане, если на его берегу не будет приостановлено сооружение колоссального животноводческого комплекса. В Подмосковье с катастрофической быстротой истощаются запасы ценнейшего лечебного торфа, разрабатываемые торфяными предприятиями.

Все эти примеры говорят о том, что в ряде районов исполкомы местных Советов народных депутатов не проявляют должной требовательности к руководителям промышленных, транспортных и сельскохозяйственных предприятий, загрязняющих биосферу курортных районов пылью, выхлопными газами, ядохимикатами.

Как осуществляется контроль за сохранением окружающей среды? Контролеров много: Минздрав, Госгортехнадзор, Министерство геологии, гидрометеослужба и, конечно, центральные и территориальные советы по управ-

лению курортами профсоюзов. Очень важно объединить усилия всех. С этой точки зрения, нам представляется, заслуживает внимания опыт Московского территориального совета по управлению курортами. Тут создана гидрогеологическая режимная эксплуатационная станция, у нее достаточно много задач, но одной из основных является охрана минеральных вод и лечебных грязей от порчи и преждевременного истощения.

Постановление ЦК КПСС, Совета Министров СССР и ВЦСПС обязало ряд министерств, государственных комитетов и Центральный Совет по управлению курортами профсоюзов разработать и утвердить в 1982—1985 годах нормативно-техническую документацию по рациональному использованию и охране природных лечебных средств, а также контролю за загрязнением окружающей среды. В те же сроки Советам Министров союзных и автономных республик и исполкомам Советов народных депутатов предстоит утвердить положение о каждом курорте, своего рода паспорт его.

— Полноценный отдых и результативное лечение во многом зависят от культуры обслуживания. Между тем жалоб, как свидетельствуют данные, приведенные на недавнем совещании по курортам, поступает немало. Допускается волокита в рассмотрении писем и устных заявлений трудящихся. Что тут предпринимается?

— Центральным Советом по управлению курортами профсоюзов ежемесячно проводятся анализы жалоб, по каждой из них принимаются неотложные меры, и мы строго спрашиваем с виновных, вплоть до увольнения. В прошлом году, например, по письму отдыхающего пришлось освободить от работы главного врача пансионата «Буревестник» Грузинского совета Ж. Какалишвили. При проверке были обнаружены серьезные недостатки. В другом случае были наказаны медицинские работники санатория имени Мориса Тореза Сочинского совета, проявившие нечуткость к инваладу Отечественной войны, что послужило причиной его преждевременного отъезда. Автору письма были принесены извинения и возвращены потраченные им деньги. Однако у человека останется, конечно, горечь от всей этой истории. К счастью, пример этот нетипичен, в большинстве санаториев и домов отдыха участники и инвалиды Отечественной войны окружены особой заботой, но я вспомнил о нем, желая подчеркнуть, как велика наша, работников курортов, ответственность за сохранение здоровья и хорошее настроение людей.

В некоторых жалобах говорится о низком качестве приготовленной пищи, плохо налаженном диетическом и рациональном питании. Тут многое зависит не только от искусства и добросовестности работников пищеблоков. Мы всячески поддерживаем инициативу Евпаторийского, Московского и Пятигорского советов по управлению курортами, создавших у себя хорошие подсобные сельские хозяйства с фермами, парниками, овощными и картофельными полями.

Немало замечаний и пожеланий трудящихся по поводу культурно-массового обслуживания. Нами намечен ряд мероприятий, в частности проведение Всесоюзного смотра-конкурса на лучшую организацию физкультурно-оздоровительной и спортивно-массовой работы. Интенсивнее должны работать дворцы и дома культуры, клубы и библиотеки. На них возложена задача пропагандировать здоровый образ жизни и санитарно-гигиенические знания, способствовать искоренению таких вредных привычек, как курение и употребление алкоголя. Тут будут использованы все средства: кинофильмы, диапозитивы, выставки, литература, лекции, встречи с учеными и медиками, вплоть до психотерапии и лечения гипнозом. Такая работа уже ведется в здравницах Сочинского, Краснодарского советов и в управлении курортом Геленджик.

В реализации мероприятий, о которых я говорил, большое значение имеет целенаправленная работа местных партийных, советских, хозяйственных и профсоюзных организаций, органов здравоохранения.

Коллектив каждой здравницы призван сделать все, чтобы люди проводили свой отпуск интересно и с пользой для здоровья, получали новый заряд бодрости и энергии.

Борис АНДРЕЕВ,
народный артист СССР,
лауреат Государственных премий

Редакция «Огонька» получила этот очерк о кинематографе — раздумье великого артиста кино о близком ему творчестве — за несколько дней до внезапной, безвременной его кончины.

Читатели, вероятно, откликнутся на мысли, горячо высказанные покойным Б. Ф. Андреевым.

ИСТИНЫ

Я глубоко убежден, что кинематограф в нынешней жизни — одна из плодотворнейших систем совершенствования природной сущности человека. Художественный кинофильм способен творить структуру духовного величия и совершенства в наивысших формах.

Кинокартина обладает удивительным свойством вовлекать зрителя в открывающийся перед ним мир и активно, действенно пребывать в нем. Зритель — не пассивный наблюдатель экранных событий; он — активная личность, он напряженно внимателен к этической стороне конфликтов, самых разных взаимосвязей. Зритель, даже не замечая этого, всей природой своего взволнованного «я» ставится в положение обвинителя или защитника, судьи или подсудимого.

После просмотра умной художественной киноленты зритель незаметно для себя укрепляет свою гражданственную позицию, отказывается от неверного взгляда или предубежденности. И нет сомнения, что хороший фильм заставляет тоньше чувствовать мир, дальше видеть и предвкушать самое движение жизни. Поэтому я всегда — прежде чем взять роль в картине — думаю: а в какой мир я позову зрителя, какие чувства вызову в душе.

Особенно остро такая взаимосвязь ощущается во время непосредственных контактов с аудиторией, когда происходят творческие встречи. Я вижу множество глаз и невольно по лицам читаю разум... Быстро растет наш зритель — до неузнаваемости! По этим творческим встречам чувствуешь, как сильно изменились потребности, точки зрения, самое внимание. Зритель все настойчивее прорывается в тебя, актера: его интересует твоя сущность художника, манера и сила твоих суждений, твоя лаборатория, твоя система сложения образов. Зритель хочет понять тебя как индивидуальность, как человеческую особенность. Его интересует разница между тобою, актером, и художественным образом. Это — желание понять художественную природу чувств.

Заметно, что дух творчества делается частью трудовой и житейской деятельности самого зрителя. А значит, и законы творчества в искусстве рассматриваются зрителем с позиций приближенности к самому себе. Это неудивительно! Сейчас заметно, как творчески напряжено, накалено общественное сознание: позавчерашний «обычный» зритель — сегодня, может быть, народный депутат.

Сам я пришел в киноискусство много лет тому назад, снявшись в фильме «Трактористы» замечательного кинорежиссера Ивана Александровича Пырьева в роли молодого колхозника Назара Думы. Образ этот изначально был мне близок. Ведь я с раннего детства находился в окружении простых людей, тружеников. Они всегда близки моему сердцу, невольно я отдаю им предпочтение при выборе роли. С понятием простого человека, труженика у меня связано представление об основах духовной и физической красоты нашего народа. Ну, а любовь к искусству у меня — мальчишки из города Саратова, родившегося в рабочей семье, — проснулась неожиданно рано. Любительский спектакль, на который меня привел дядя, сцена, множество людей, огни, музыка — все это произвело огромное впечатление, неизгладимое, запомнилось, как праздник. И, начав свою жизнь слесарем-электриком на комбайностроительном заводе, я сохранил радостную мечту об искусстве, стремился участвовать в художественной самодеятельности, посещал драматический кружок. Тут и приглянулся одному из своих будущих учителей — Ивану Артемьевичу Слонову, замечательному русскому актеру. С его благословения долгий путь в искусстве начался.

Не оставляя работы, учился я в Саратовском театральном училище: там готовился к сложным драматическим ролям, сыграв на учебной сцене Несчастливцева в «Лесе», Колычева в «Василисе Мелентьевой», Чепурного в «Детях солнца», Булычова в «Егоре Булычове». Это было замечательное время знакомства с классической драматургией Островского, Горького... Потом я пришел в Саратовский драматический театр имени Карла Маркса, где довольствоваться пришлось самыми скромными ролями. Но я не унывал,— и это уже была большая победа. Радовался тому, что в театре. Твердо верил, придет время, когда заговорю со сцены в полный голос. Однако сложилось так, что весь свой творческий путь я отдал трудной, специфической работе актера чисто кинематографического. Зато сыграл не один десяток ролей в самых разных фильмах и работал с непохожими, удивительными мастерами...

Я понимаю, что на страницах журнала не изложишь углубленно теоретические особенности творческого процесса в кинематографе. Но считаю обязательным сказать, что наибольшую приверженность я испытываю к старой школе щепкинского направления. Пытаясь понять природу чувств, выражаемых в образе, я занялся изучением материалистической психофизиологии, увлекся трудами Павлова, Сеченова, Быкова... И над этими именно трудами работая, начал я понимать сущность теоретической сложности школы Станиславского, которая осознавала невозможность возбуждения в природе актера **действительных** жизненных чувств: они «ускользали» и при попытках вжиться в предлагаемые обстоятельства и при использовании метода физических действий.

Я начал ясно понимать, что во время игры никакого действительного жизненного чувства никогда из себя не выманю: эти усилия бесполезны, — и не только у меня, а у любого актера. Но я могу как бы охватить себя воображаемым подобием любого переживания, и оно будет внешне соответствовать внутренней природе персонажа. В своем разуме я слагаю самую суть человеческого поведения, конструктивность его соотнесенности с миром, природу его логики, идущей от особой, присущей ему или воспринятой им манеры...

Я ни в чем не путаю и ни в чем не отождествляю себя с образом, не являюсь самим собою в предлагаемых обстоятельствах, но всегда и во всем выражаю образ другого человека средствами своих возможностей.

Мне никогда или почти никогда не приходилось переживать чувства выражаемого мною персонажа. И я уверен, что истинно пережить чувство другого человека не дано никому.

Так что же это для актера: подделка, подражание или милое обезьянничанье, как утверждает Дидро?

Нет, это — чувственное выражение своих точных знаний, необходимых для достижения художнических задач в искусстве. Это — выражение действительного чувственного процесса другого человека, созданное умением артиста, художника. Впоследствии — как бы ни были тяжки выражаемые им чувства — артист с радостью ощущает их как радостный результат своей деятельности творца, сумевшего подчинить собственной воле такой удивительный и

Фото И. Тункеля.

сложный, трепетный мир чужих переживаний.

Идеи Щепкина преподавались нам в Саратовском театральном училище как самостоятельный предмет — наряду с системой Станиславского. Вела занятия старейшая актриса Елена Евгеньевна Астахова. Эта школа выразительности состояла из сотен человеческих эмоций, почерпнутых в произведениях классики. Это были различные проявления любви, ненависти, гнева, человеческих страданий и радостей...

Я помню, как однажды кто-то из бойких учащихся сказал:

— А не преподаете ли вы нам бесконечную систему штампов, годных ко всякому случаю переживаний в образе?

Елена Евгеньевна была старухой с резким русским характером, мудрой и много повидавшей женщины.

— Да, для дурака это останется штампом, — ответила она.— А для умного актера эскизом умения выражать чувства; пользоваться чувственной выразительностью, как живописец пользуется красками.

Это особенно врезалось в мою память.

Для актера важна еще и внутренняя, глубинная связь всех образов, им созданных. Здесь проявляются мировоззренческие, философские позиции актера — видна та единственная и главная мысль, которую он последовательно проводит через все этапы своего творчества. Для меня эта связь образов была очень важна: в каждой роли я стремился раскрыть типичные черты замечательного русского характера. И ни один образ не строился на пустом месте. Он имел предшественников, был их продолжением.

Думаю, что любой из моих молодых героев мог стать в мирные дни мудрым народным философом, как директор совхоза Савва Зарудный в фильме «Поэма о море», или деятельным, активным руководителем, как Литвинов из фильма «На диком бреге», или Друянов в «Моем деле». Это неудивительно. Таков реальный путь советского человека. И в этом мне хочется видеть еще одну нить, связывающую художественные образы с жизнью.

Действительно, на пустом месте ничего не возникает. А это большая радость — почувствовать, что тебе удается нести в своем творчестве здоровую плодотворную традицию. И сейчас мне кажется, что большинство моих героев имели в нашем кино давнего предшественника. Ведь подобные образы людей, сформировавшихся в народной глубинке, были созданы еще в двадцатые годы замечательным актером Иваном Чувелевым. Радостную перекличку с ними я невольно чувствовал во всех молодых героях своих первых кинокартин. И эту историческую преемственность характеров стараюсь не утерять в каждом образе.

Помню, сколько радости доставила работа над ролью боцмана Зосимы Россомахи в фильме «Путь к причалу» у одного из любимейших моих режиссеров, Георгия Данелия. Герой вроде бы необычен, даже неожидан. Характер сформировался в тяжелых условиях войны, а затем работы на севере. Но и в нем порыв истинно красивой души — упорной, настойчивой и выносливой. Где-то перекликается герой с образом революционного матроса Чугая из кинофильма «Хмурое утро».

В последнее время я играю возрастные роли. Ну, это и понятно. Но я особенно люблю стариков! Люблю удивительную природу человеческой завершенности,— эту мудрость, трогательно озабоченную всеми началами людей, вступающих в жизнь.

В телевизионном фильме «Назначаешься внучкой» я играл роль деда-лодочника, который борется с фашистами. Образ этот, пожалуй, желанный еще с юности. В нем должны были выразиться и приобретенные жизненные знания и глубочайшая моя любовь к народности мудрой, необычайно чуткой и доброй.

И здесь образ нашего современника во многом четко перекликается с могучей природой народного характера деда Ерошки из кинокартины «Казаки», поставленной давно уже по повести Льва Николаевича Толстого... Человеческая доброта старика Ванюшина — дореволюционного купца минувших времен — имела свою перекличку с сердечной озабоченностью старого Сергея Ивановича из фильма «Приключения пенсионера».

Вот так, я глубоко уверился, что артисту, художнику, писателю, чувствующему себя в природе исторического долголетия своего народа, обязательно ощущение такой преемственности. Обязательно чувство тесной связи с прошлым, чувство здорового жизнелюбия.

Традицию эту мало понимать: ее надо подсознательно чувствовать в себе самом. Чувствовать как главное и беспрерывное движение и направление жизни, идущее от наших революционных идей. Не может в искусстве существовать образ без точной соотнесенности с исторической правдой, без высшей веры художника в ее совершенство.

И вот поэтому волнуется в буднях уже много прожившая твоя душа... Придет ли праздничная искорка радости, сольется ли произведение со зрителем-современником? Явится ли взаимосвязь. Взаимность...

И сам думаешь в буднях своих: «А что же ты сам, артист, — что двигает тобою? Чем волнуется душа твоя?» А она волнуется все тем же: все той же силою жажды принесения радости. Той же жаждой ощущения себя в общем движении к совершенству.

Поездишь по городам и весям, посмотришь на людей, на их доброе проявление себя, получишь хороший заряд, а что дальше?.. Дальше ждешь. Придет или не придет?.. Ждешь образ, ждешь сценарий. Ведь быть спокойным в искусстве невозможно. И месяца не пройдет, как закончил картину, а уже ощущается какой-то душевный зуд. Уже меряешь квартиру нервными шагами. Еще не ясно, чего ждешь, а ждешь. И вот зазвонил телефон. Снимаю трубку:

— Борис Федорович, прочитали сценарий?

— Да, прочитал.

— Ну, как? Даете согласие?

— Нет.

— Ну что вы! Вам там и играть-то ничего не надо. Вы — фигура колоритная, ну посидите «на собрании»... Да и времени всего-то на несколько дней.

— Друзья мои милые! Я давно уже не колоритная фигура. Я работать готов хоть год изо дня в день. Без выходных. Было бы во имя чего...

Вешаю трубку.

Большая квартира кажется тесной, как бы стены сузились. Нет-нет, да и подойдешь к пустому чемодану... И всплывает в памяти Дивногорск, встают образы Зейстроя, КамАЗа... В комнату врываются просторы — знакомые и близкие дали, где прикоснулась твоя душа к живому, к тому, что волнует и заставляет актера терпеливо ждать. Ждать свершения надежд, радостного праздника сотворения образа.

Идут дни простоя... Завидуют некоторые легкомысленные души: ведь месяц, а то и два, три бывает свободен киноактер. Ну и жизнь! Гуляй себе беззаботно! Так думает иной добрый и наивный человек. Нет, ошибаешься, дружок. В эти месяцы у актера нет счастья. Идут будни, текучка. А разуму покоя нет. Предлагают что-то для работы, но взять нельзя: с честью не выйдешь. А за честью мастера следят люди ревниво и придирчиво. Да прежде всего самому тебе она дорога...

Вот так и идут будни артиста: от мысли к мысли, от раздумья к раздумью. А тайное желание роли готовится к главному празднику жизни артиста — празднику сотворения образа. Я почти никогда не мыслил его тематической схемой. Пусть будет рабочая тема, колхозная или воинская. Это для меня никогда не имело особого значения. Ибо, как видится мне на склоне лет,— я снимался все время в своей единственной картине: картине о человеческой душе...

ТВОРЧЕСТВА

В мае 1922 года, когда был подготовлен проект положения о Прокуратуре, вокруг него развернулась острая дискуссия. В. И. Ленин придавал этому проекту настолько большое значение, что перенес его на рассмотрение в Политбюро ЦК РКП(б). Суть споров заключалась в том, что некоторые товарищи предлагали некое «двойное» подчинение прокуратуры — центру и местным исполкомам. В письме для Политбюро ЦК РКП(б) «О «двойном» подчинении и законности» В. И. Ленин дал резкую отповедь желающим «сохранить законность калужскую в отличие от законности казанской». «Прокурор,— писал В. И. Ленин,— имеет право и обязан делать только одно: следить за установлением действительно единообразного понимания законности во всей республике, несмотря ни на какие местные различия и вопреки каким бы то ни было местным влияниям».

26 мая 1922 года Положение о прокурорском надзоре, в основу которого легли ленинские идеи, было представлено на рассмотрение III сессии Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета IX созыва. 28 мая принято постановление о его утверждении, и с этого момента оно стало законом.

Сегодня мы рассказываем о следователе Мытищинской районной прокуратуры Московской области Тамаре Васильевне Глазовой, известной не только своей принципиальностью, но и истинным мастерством в раскрытии правонарушений.

СМОТРЕТЬ И ВИДЕТЬ

Виктор ПРОНИН

Необходимо ли следователю знание жизни? Безусловно. Знание людей? Вне всякого сомнения, без этого даже браться не стоит. Рискну сказать: наличие этих качеств тоже не обеспечит успешной следовательской работы. Нужно еще нечто неуловимое, то, что трудно назвать одним словом, то, что заставляет человека не просто работать с увлечением, а жить в своей работе.

Следователь прокуратуры Мытищинского района Московской области Тамара Васильевна Глазова — хороший следователь. Об этом говорят ее руководители, об этом иногда говорят и те, кто благодаря ее усилиям оказались в местах не столь отдаленных.

Тамара Васильевна твердо решила стать следователем, когда еще училась в школе. А повлияло на выбор профессии трагическое происшествие, случившееся в те годы,— неизвестным преступником была убита ее родственница, бабушка, которая никому не приносила никаких огорчений. И то давнее убийство беззащитной старушки произвело на девчонку такое сильное впечатление, зародило такую жажду справедливого возмездия, что она жива в ней и поныне.

Получилось так, что Тамара в самом начале показала себя проницательным, думающим, понимающим работником. Человеком, который умеет и смотреть и видеть.

...В прокуратуру посыпались письма. Жители небольшого городка сообщали, что сгоревший во время пожара в собственном доме старик был на самом деле убит. Тамара Васильевна Глазова поехала на место происшествия. Следствие осложнялось тем, что со времени пожара прошло около года. Найти какие-то следы преступления, свидетелей, которые могли бы что-то рассказать,— на это рассчитывать не приходилось. Из разговоров с авторами письма ей удалось выяснить, что жили на окраине селения муж и жена. Ему — около семидесяти, ей — немногим более тридцати. Естественно, их интересы и жизненные устремления были различны. Жену еще тянуло по вечерам танцевать, а супруг предпочитал отдохнуть. И как-то жена после семейной ссоры оставила задремавшего мужа дома и ушла на вечеринку. Веселье на окраине городка было прервано пожаром — горел дом, в котором жили супруги. Свидетели рассказывали, что охваченный пламенем старик добежал до озера, сумел сбить с себя огонь, но скончался в больнице от ожогов. Такова была версия, которая держалась около года. А потом люди заговорили о преступлении.

Следствие длилось... пять минут. Разумеется, оформлялись все необходимые документы, допросы, протоколы очных ставок гораздо дольше, но преступник был изобличен действительно в пять минут.

— Видите ли,— говорит Тамара Васильевна,— следствия, как такового, вообще не было. Достаточно было одного взгляда. Я обратила внимание, что на стенах, на подоконнике, на шкафу, стоявшем в углу, остались черные выгоревшие пятна. Версия о том, что старик, подвыпив после трудового дня, нечаянно обронил огонь в ведро с бензином, лопнула тут же. Бензин был выплеснут из ведра. Причем в спешке, с силой, так что брызги разлетелись по всей комнате. Естественно, это не мог сделать сам пострадавший. А я уже знала, что жена после похорон тосковала не очень долго... Как все произошло? Жена отлучилась на двадцать минут с танцев, плеснула бензин, бросила спичку и, пока огонь разгорался, успела снова прибежать на вечеринку. Вот и все. Так что моя задача в том следствии свелась лишь к тому, чтобы увидеть эти выгоревшие пятна и правильно оценить их происхождение...

Следователя Глазову отличает ее постоянное желание участвовать во всех этапах следствия. Она стремится сама встретиться как можно с большим числом людей, свидетелей, побывать на месте происшествия. По возможности Тамара Васильевна присутствует и при работе медэксперта: нередко ведь именно на этой стадии следствия проясняются существенные детали, которые могли бы исчезнуть, могли оказаться попросту незамеченными, не будь рядом следователя.

...Рано утром на одной из улиц города был обнаружен труп человека. При осмотре оказалось, что у парня перелом основания черепа. Для более детального выяснения обстоятельств смерти была назначена судебно-медицинская экспертиза. Вот как рассказывает об этом сама Тамара Васильевна:

— По своему обыкновению я постаралась попасть на вскрытие. Сижу в сторонке, изредка перекидываемся с экспертом двумя-тремя словами. Спрашиваю: может быть, помимо травмы на голове, есть еще какие-либо повреждения, ссадины, следы драки, сопротивления, потасовки. Нет, отвечает, не вижу ни единого следа. Переспрашиваю: «Так ли уж ни единого?» Он еще раз осмотрел тело и подтверждает, что действительно, кроме перелома основания черепа, нет ни одной царапины. Да и этот удар выглядит несколько странно — он нанесен в лоб. «Как же так?» — спрашиваю. «Сам удивляюсь»,— отвечает. С какой силой и чем нужно нанести удар в лоб, чтобы произошел перелом основания черепа? Кирпичом? Кувалдой какой-нибудь? Эксперт и это отрицает. Удар, говорит, нанесен смягченным предметом. Начинаем прикидывать, что же это могло быть, и, наконец, останавливаемся на самом вероятном — кулак. Но эксперт предупреждает: если это так, то нанесен удар человеком тренированным, физическая сила для подобного удара требуется явно больше средней. Намечаю круг знакомых, друзей, приятелей погибшего. Среди них — бывший боксер. Накануне происшествия их видели вместе. Остальное, как говорится,— дело техники...

Согласитесь, увидеть и правильно понять — это не так уж мало. Сколько человеку приходится биться над тем, чтобы правильно понять, оценить увиденное, иногда годы требуются. А тут надо немедленно давать оценку событиям, людям, словам.

— Знаете, как бывает, — раздумчиво говорит Тамара Васильевна, — вроде, все в деле есть, свидетели дали показания, обвиняемый даже признался в совершенном преступлении, а ты листаешь, листаешь дело, берешь один том, второй, и все больше охватывает тебя чувство неудовлетворенности. Формально дело можно передавать в суд, а в глубине души чувствую — рано. Запираешь дело в сейф и будто запираешь все голоса, которые звучат с каждой страницы, запираешь фотоснимки, изученные до того, что они, кажется, вот-вот оживут перед твоими глазами. Приходишь домой, а голоса звучат — и правдивые, и лживые, и уклончивые. И ты вслушиваешься в эту разноголосицу, пытаясь понять, почему события, показания, факты не выстраиваются в одну логическую цепочку, которая бы объяснила не только само событие, но и роль каждого участника. Да, вина доказана, преступник сознался, эксперты подтверждают твою правоту, а дело выглядит разноголосым. Понимаете? То один свидетель, то другой словно бы выкрикивает свое мнение, убеждение, и они расходятся с общим течением событий. Наконец, тебя охватывает счастливое ощущение находки, прозрения: вот пробел, вот человек уклонился от ответа, вот скомкал показания, вот эксперт не ответил на вопрос, вот обвиняемый слукавил!

Что движет следователем в его работе? Как и у людей других профессий — стремление лучше справиться с возложенными на него служебными обязанностями? Да, наверно, так можно сказать. Но есть и личное желание восстановить справедливость. Есть, очевидно, и момент схватки, когда уже не важно для тебя количество потраченного времени, сил, не важно, когда ты ложишься спать, когда встаешь. Перед тобой противник, борьба идет один на один, и от тебя зависит, пойдет ли по земле разгуливать безнаказанность или же ты остановишь ее. ...Плохим, никудышным следователем может быть кто угодно. Так же, как плохим врачом, ученым, учителем. Что же необходимо прежде всего хорошему следователю?

— Знание людей, — отвечает Тамара Васильевна Глазова. — Понимание людей. Понимание ценностей, которыми живет тот или иной человек. Ведь от следователя требуется не просто воссоздание картины происшествия, нужно не просто назвать виновника и подкрепить свои выводы свидетельскими показаниями, от следователя требуются неопровержимые доказательства, на основании которых суд мог бы уверенно и обоснованно вынести приговор — решается судьба человека. И как бы мы ни сочувствовали пострадавшим, это еще не основание для приговора. Нужны неопровержимые доказательства.

В самом деле, за стремлением человека к тем или иным вещам, за тем, какими способами он их достигает, какие жертвы готов принести, стоит система его поступков. А это уже следовательская категория. Твердо знать: способен или нет человек на тот или иной поступок — это уже ключ для решения многих загадок, с которыми приходится сталкиваться следователю.

КАРАКУМЫ — ОЧАГ МОЙ, ДОМ РОДНОЙ

Рахим Эсенов

Начало см. на стр. 6

распри, а тут еще донимала разбойная кучка из соседнего кочевого племени. Рыбаки, конечно, давали отпор грабителям. Так разгоралась зловещая вражда, так вступал в силу волчий закон капитализма: «Разделяй и властвуй!» Кто знает, сколько бы длилась кровавая междоусобица, если бы не Октябрь 1917 года. Аул взбудоражили ошеломляющие новости: в Петрограде власть в свои руки взяли рабочие и крестьяне, такие же простые люди, как рыбаки, кочевники. Сгинул лысый пристав, присмирели богатеи.

Осенью 1918 года на аул, когда рыбаки ушли в море, снова нагрянули прежние грабители. Старейшина рода Машрык-ага подался в Красноводск, пожаловаться Советам. Удивился аксакал, встретив толстого пристава, по-прежнему хозяйничавшего там. Оказывается, еще летом по всему Закаспию — так называлась тогда Туркмения — пала Советская власть, вновь слетаются в хищные стаи выкормыши двуглавого орла. Здесь старейшина впервые увидел английского офицера, чужеземных солдат с карабинами и пулеметами.

В поездке Машрык-ага узнал и о другом: Красная Армия вела бои с белогвардейцами и английскими войсками, и не за горами время, когда она очистит туркменскую землю от незваных гостей, вернет народу власть, спокойствие и мир. А что, если ускорить события, размышлял аксакал, податься аулом на восток, туда, откуда шагает весна,— навстречу Красной Армии?

С попутным ветром весной девятнадцатого на утлых баржах вышло в море все село. Пестрая «армада» шла навстречу весне. Рыбаки, добравшись до Красноводска, пересели на верблюдов и двинулись через пустыню к Балханским горам. Здесь поселились, здесь всем миром ждали красных аскеров, а несколько смельчаков по совету аксакала подались дальше и потом вместе с русоволосыми конниками принесли на алых знаменах свободу.

...Знаю любимую присказку отца: «Не тот долго живет, кто много прожил, а кто много видел». На сей раз он лишь вопросительно вскинул кустистые брови: его интересуют туркмены, живущие за границей. Я как-то рассказывал ему о встречах с туркменами в одной из стран зарубежного Востока. Батрак местного бая, лишившийся родины, жадно выспрашивал, как живут его земляки в селении Атаяб — ныне колхоз имени Тельмана Ташаузской области. Есть ли в Атаябе национальные школы, не подвергаются ли гонениям властей верующие, не запрещено ли разговаривать на родном языке? Все вопросы для нас необычны, но особенно нелепым показался последний. Собеседник пояснил, что у них такой порядок: если среди десятка туркменов окажется хотя один представитель коренной национальности, говорить по-туркменски запрещается. Очень тосковал он по родине, этот бедняк, не знающий, что такое настоящая, большая дружба людей.

Приходилось встречаться и с другим сортом эмигрантов. Это были владельцы караван-сараев, модных магазинов, тысячных отар. Они похвалялись своим достатком, скептически отзывались о различных сторонах советской действительности. Но все очевиднее становилось для меня, что за их велеречивой похвальбой скрывалась бездонная тоска отщепенца, пусть и богатого. И насколько богаче их, толстосумов без родины, чувствовал себя я, имеющий землю своих отцов, свой народ. Все то, что дали мне Октябрь и партия.

Не хочу скрывать, сталкивался и с такими, что утверждали: Туркмения, мол, только формально считается самостоятельным государством, а фактически она — колония России. Почему колония? Не потому ли, что за годы Советской власти мы стали получать в три раза больше каракуля, в пятнадцать раз — хлопка, в пятьдесят — нефти? Сейчас республика добывает свыше 70 миллиардов кубометров газа. Объем ее промышленной продукции, которую покупают десятки зарубежных государств, возрос более чем в 130 раз. Чем больше мы производим, тем больше получаем в бюджет — зависимость прямо пропорциональная. Этот бюджет дает нам возможность строить новые города, каналы, возводить пищевые комбинаты, машиностроительные и нефтеперерабатывающие заводы, электростанции, осваивать новые месторождения газа, серы, строительных материалов, создавать на бывших караванных тропах новые оазисы, повышать с каждым годом культуру и благосостояние трудящихся. Мы строим школы и вузы, театры и больницы, детские комбинаты и библиотеки, бытовые центры и спортивные комплексы. По уровню высшего образования Туркмения опередила не только страны Востока, но и некоторые европейские государства. Средняя продолжительность жизни у нас 75 лет. Национальный доход республики в шесть раз превышает национальный доход Турции (сопоставьте с населением!). В чем же выражается ее «колониальный статут»? И впрямь, как говорится: «Верблюд не замечает, что у самого шея кривая».

— Что ты, сынок, на сей раз видел-слышал? — Отец знал о моей недавней поездке в Швецию, где минувшей зимой проходили Дни Советского Союза. Страну нашу представляла Туркменская ССР.

К моему удивлению, в этой далекой северной стране с нашей делегацией настойчиво искали встречи иранские туркмены, заброшенные сюда волей судьбы. Среди них два брата Хамиди, подошедшие к нам в фойе Стокгольмского народного дома. Братья, родившиеся в монархическом Иране, представляли Туркмению по рассказам своих дедов, давно расставшихся с родиной. И я рассказывал им об их соотечественниках, о нови преображенной древней туркменской земли, о новых городах и селах, о семи вузах, тридцати средних специальных учебных заведениях, о туркменской Академии наук, о десятках научно-исследовательских институтов только в одном Ашхабаде, поверженном тридцать четыре года назад страшным землетрясением, не оставившим от города камня на камне.

Собеседники иногда бросали на меня недоверчивые взгляды: им был непонятен героизм ашхабадцев, не сломленных натиском стихии, как не было понятно и то, почему вся страна протянула руку помощи искалеченному городу. Ведь на такое не способен цивилизованный мир, ни одно буржуазное общество, широко рекламирующее свое «человеколюбие».

Отец лишь кивал, поглядывая на своего третьего сына, ученого-сейсмолога. Это из его уст аксакал слышал подробности стихийных бедствий в Чили, Греции, Турции, Италии, Японии, где слепая сила природы оборачивалась трагедией только для бедных.

Я сам пережил в Ашхабаде ту трагическую ночь, под моими ногами бумажным листом дрожала махина земли, на моих глазах упал город; я не узнавал знакомых мне людей, поседевших в минуты. Но я видел и другое, что вселяло в сердца людей надежду, уверенность. В ашхабадском аэропорту приземлялись транспортные самолеты, на железнодорожных путях было тесно эшелонам — с медикаментами, детским питанием, одеждой, сборными домами, машинами, строительными материалами. А поезда и самолеты все шли... Еще лежал в руинах весь запад страны, недавно отменили карточную систему, еще дети не успели вдоволь наесться хлеба... А Грузия слала в туркменскую столицу неостывший лаваш, Молдавия — сочный сыр, Белоруссия — бульбу, Казахстан — мясо, Россия — лес, технику. Разве обо всем расскажешь?

Прошло лишь тридцать четыре года, и туркменская столица отстроилась заново. Ашхабад возник как новый город, как восьмое чудо света, со своим лицом, с парками и скверами, зелеными зонами и жилыми массивами, с высотными домами, не боящимися землетрясений.

...Иностранцы-туркмены (как режет слух это словосочетание!), сидя в зале, видели, как на сцене, под гром аплодисментов шведов, туркменские девушки, мастера искусств Туркменистана пели, плясали и все же, будто не веря своим глазам, спрашивали: «А туркменки дома тоже ходят с открытыми лицами? И родители им позволяют учиться? Вместе с юношами?!—И тут же горестно делились:—А у наших туркменов танцев нет. И девушек наших держат за семью замками...».

— Да что они, с шорами на глазах, радио не слушают или газет не читают?—удивился сначала отец, но, улыбнувшись, проговорил:— Их сегодняшний день — наше прошлое. Понять их можно...

Конечно, понять можно. Если вспомним, что каких-то шесть десятилетий назад на всю Туркмению приходилось что-то свыше десятка железных плугов, а ныне на полях только одной нашей республики сто тысяч тракторов и грузовых машин. Пустыня увенчалась короной гидротехнического чуда XX века — рукотворной Каракум-рекой, перечеркнувшей «черные пески» на 1100 километров, сложнейшими инженерными системами, плотинами, насосными станциями, водохранилищами, разлившимися изумрудными морями. В ней, как небо в море, отразилась вся сущность ленинской национальной политики, ибо в строительстве канала принимали участие 250 городов и представители 36 национальностей Советского Союза.

Советские люди разгадали вековую тайну Амударьи, прекратившей свой бег к Каспию. Ныне живая вода преобразила лик края. Там, где на ветру курились песчаные барханы, теперь разливы хлопчатника, садов, виноградников... Орошенные площади помогли родиться туркменскому миллиону тонн хлопка, занять в стране второе место по производству этого ценного сырья. А гидростроители прокладывают путь воде все дальше, к Каспию, к благодатным сухим субтропикам. Так определено программой, принятой XXVI съездом КПСС.

В самом начале двадцатых годов дайханин и слыхом не слыхивал о такой диковинке, как газета и журнал. Можно

было обойти сорок аулов и не найти человека, умевшего хотя бы расписаться. А теперь электричество там, где роскошью считалась пятилинейная керосиновая лампа, и телевизор в доме человека, дед и отец которого вообще не знали, что такое драматическое искусство. Народ, чья древняя культура была задушена мракобесием, фанатизмом средневековья и в недавнем прошлом сводилась к песням бахши да грустным жалобам двухструнного дутара, обрел многожанровую литературу, изобразительное искусство, театр. Туркменские романы, поэмы переводятся на иностранные языки, картины туркменских художников экспонируются на всесоюзных и зарубежных выставках, на сценах колхозных клубов народные театры ставят пьесы Гоголя и Шекспира, аульная молодежь читает книги Эйнштейна и Станиславского.

В лихолетье минувшей войны сотни моих аульчан, как и все советские люди, поднялись стеной, чтобы не пустить врага к родному очагу.

Служить тебе — не значит восхвалять,
А в трудный миг, не осквернясь торгами,
На безымянной горке насмерть встать,
Не опуская глаз перед врагами.

Будь жив Ходжаназар-ага — полтора века назад он ценою своей жизни спас от врагов родной аул,— его восхитил бы подвиг советского народа, спасшего мир от коричневой чумы фашизма, он преклонил бы колени перед мужеством Айдогды Тахирова, обессмертившего себя во имя Отчизны. Отважного джигита, плененного в неравном бою, враг хотел склонить к измене. Ему сулили златые горы, лишь бы он призвал по радио воинов-туркменов переходить на сторону противника. Когда его, изувеченного пыткой, подвели к микрофону, Айдогды прокричал: «Туркмены! Бейте фашистских гадов! Да здравствует Родина!» Из репродуктора послышались выстрелы. Родина высоко отметила подвиг своего верного сына — Айдогды Тахирову посмертно присвоено звание Героя Советского Союза.

И еще отцу хотелось рассказать о том, чем он несказанно гордился. Наш маленький аул, когда-то гонимый нищетой и междоусобицей, дал Отчизне немало достойных сынов и дочерей. Ибо Советская власть учила вчерашних забитых рыбаков и кочевников грамоте, государственной мудрости, тому, как управлять своим краем. А они в братской семье народов СССР строили и познавали, растили детей, готовили себе достойную смену. Подумать только, сирота Недирбай Айтаков вырос в крупного государственного деятеля, Советы доверили ему пост Председателя ЦИК Туркменской ССР, Керим Машрыков, сын безграмотного старейшины рода, чей отец погиб от рук чужеземцев, стал академиком, одним из основателей геологической науки в Средней Азии; внук безвестного рыбака Курбан Аманниязов — доктор геолого-минералогических наук, профессор, возглавляет республиканский институт геологии. Можно назвать десятки, сотни имен моих сородичей — красных джигитов, первых колхозных организаторов, отважных участников беспримерного конного пробега Ашхабад — Москва, бессмертных героев Великой Отечественной войны, участников геройских будней коммунистического строительства, которые трудятся во всех уголках Туркменистана.

И победы и достижения эти дались не просто, особенно в условиях нашей республики, которая, минуя мучительную капиталистическую формацию, вступила в социализм. Надо было обучить грамоте тысячи и тысячи людей, знавших лишь лопату, весло да еще то, как пасти байский скот в Каракумах. А Советская власть посадила их за руль трактора и автомобиля, сделала командирами производства, вершителями судеб технического прогресса, хозяевами своего края.

Только один пример. В Туркменистане на тысячу человек, занятых в народном хозяйстве, приходится 620 человек с высшим и средним образованием. Это показатель огромного роста культуры самой республики, неоценимой братской помощи других республик: значительная часть нашей технической интеллигенции, специалистов высокой квалификации получили дипломы вузов и научно-исследовательских институтов Москвы, Российской Федерации, Украины, Азербайджана, Узбекистана...

Об этом я думал с гордостью в своей недавней поездке по республике, когда в излучине Амударьи увидел рождающийся новый город и крупнейший в Средней Азии Чарджоуский нефтеперерабатывающий завод; на подступах к живописному Бадхызу любовался панорамой буровых, раскинувшихся на Довлетабадском месторождении, которое позволит в этой пятилетке довести добычу газа до 81—83 миллиардов кубометров. А по соседству, в древнем Мургабском оазисе, уже выросли корпуса самой крупной в республике Марыйской ГРЭС, работающей на природном газе разведанных поблизости месторождений.

Что же делает наших людей умными, сильными, зоркими? Что вселяет в нас уверенность в правоте своего дела?

Есть притча: у одного человека спросили, почему он держится так гордо и уверенно. Он ответил: «Взгляните, какой у меня отец и какая мать, сколько братьев и сестер, взгляните, как дружно мы живем, и тогда станут понятны и гордость моя и моя уверенность».

Так ответил человек из притчи. Что же сказать нам, имеющим таких наставников, как Коммунистическая партия и Советская власть, нам, братьям, живущим в такой дружной и сплоченной семье, в какую объединились все республики СССР? Да, в этом братстве, в этой дружбе, ставшей сутью нашей жизни, особое место занимает дружба с великим русским народом, чей язык стал для туркмена вторым родным языком, чья культура стала животворным родником ума, знаний, как вода для путника, изнывавшего в пустыне от жажды. Да, мы горды тем, что имеем, мы уверенно смотрим в свой завтрашний день, ибо шагаем в него в едином многомиллионном строю братьев и сестер, под сенью ленинских знамен.

СТИХИ ТУ

Нури **БАЙРАМОВ**

СТИХИ О ТУРКМЕНСКОЙ ЗЕМЛЕ

Этот мир в борьбе и переменах
Сладок был и горшего горчей...
Но недаром родина туркменов
Соткана из солнечных лучей!
Как стада овец, гуляли тучи,
Дождь в песках роняя проливной.
И от той живой воды текучей
Жизнь рождалась каждою весной.
Мать-вода плескалась на такырах,
В жилах превращалась мать-вода
В нашу кровь... И креп народ батыров,
Двигая кибитки и стада.
Степь дарила, человеку рада,
Там, где ставил род свою пяту,
Девушкам — доверчивость джейрана,
Юношам — куланов быстроту.
Рос народ в степях, а не в закутах
С мужеством и твердостью бойца.
Состязались с ширью Каракумов
В доброте дехканские сердца.
Золото песков легло на лица,
Души закалил с природой спор...
Всем, что есть, готовы поделиться
Мы в Союзе братьев и сестер.
Больше всех из мудрых наставлений
Помогает нам расти и жить
То, что завещал народам Ленин,—
Дружбой неизбывною дружить.

С МЛАДШИМ БРАТОМ

С собой веду братишку тропкою,
Хотя росточком братик мал,
К садам, к бахчам, к посевам хлопковым —
Чтоб дело старших понимал!
Пустыней — стойбищами зноя,
Среди тюльпанов, через луг,—
Чтоб узнавал свое, родное
Во всем, что рядом и вокруг.
Учу братишку не лениться —
Живи не лежа на боку!—
Учу при встрече поклониться
В полях мирабу-старику.
Не унывать ни в зной, ни в стужу
В горах, шагая с посошком,
Лишь подпоясаться потуже
В дороге трудной кушаком.
Вон человек растит хлопчатник —
Смотри, приглядывайся, брат!—
О красоте земной печальник,
Другой — выращивает сад.
Пусть будет трудно — напружинься!
Вникай поглубже в суть работ.
Своей отсюда доброй жизни
Тебе разматывать клубок.

Перевел Ю. ГОРДИЕНКО.

Ата **АТАДЖАНОВ**

СЛОВО

Наш век — он щедрости основа!
И людям в сокровенный час
Он подарить способен слово,
А слово породнить готово
И навсегда поссорить нас,
Являясь долгим и недолгим...
Одно и то же слово
В срок,
Бывая добрым и недобрым,
Способно успокоить кобру
И люто обнажить клинок.

ЗЕЛЕНЫЙ ЧАЙ

И провожаем день мы
И встречаем
Все чаем — и ничем иным взамен.
Обычай этот свят:
Зеленым чаем
От веку душу врачевал туркмен.
У нас к гостям
И частым и нечастым
В душе любовь особенная есть.
Кок-чай душистый
В чайнике цветастом —
Он первый им оказывает честь.
А уж потом вопросы и ответы
Вступают наконец в свои права.
За крепким чаем
Для любой беседы
Туркмен находит верные слова.
Без чая мир считает он нелепым,
Еда ему без чая — не еда.
Есть чай — его попить неплохо с хлебом,
А чая нет в дому — тогда беда...
Обычай этот пронести сквозь годы
Хватило нам решимости и сил,
И в Грузии не зря с такой охотой
По чайным я плантациям бродил.

Перевел Вл. САВЕЛЬЕВ.

Акджемал **ОМАРОВА**

ПАМЯТИ ОТЦА

Как и теперь, к исходу лета,
Тогда, продрогшая насквозь,
Рябина горькая алела
И до земли клонила гроздь.
И осень кончилась... И зимы
Прошли — им не было конца,
С тех пор, как пулею сразило —
Фашистской пулею — отца.
С тех пор сырой земли полоска,
Где пал отец мой на войне,
Полоска той земли орловской

РКМЕНСКИХ ПОЭТОВ

Родной и близкой стала мне.
И я, противиться не в силе
Той тяге, странной мне самой,
Опять лечу, спешу в Россию,
Как на побывку, как домой.
Пусть нелегко — вошло
в привычку,
Как долг дочерний, под Орлом
Сойти с гудящей электрички,
Чтобы с отцом побыть в былом.
С дочерней верой к тем старухам,
Которых вижу в том краю,
Шепчу и я: «Да будет пухом
Земля для павшего в бою...»
Земля Победы и Печали,
Земля пределов и начал...
Сдается мне, я здесь встречаю
Друзей отца — однополчан,
Людей по-своему прекрасных,
С особым отсветом лица,
Таких не схожих с ним и разных,
Таких похожих на отца.

Перевел Ю. ГОРДИЕНКО.

* * *

Если хочешь, принеси мне
Весть отрадную!
А я
Не сдержу ее в пустыне,
Разнесу во все края.
Для меня —
Пути простые,
Нрав мой смел и не угрюм.
Я — девчонка из пустыни.
Из пустыни
Каракум.
Я ей жизнь отдать готова.
Воспевать ее в стихах.
Я ищу такое слово,
Чтоб осталося в веках!
Каракумских звезд свеченье,
Каракумских волн прибой
Для меня —
Полны значенья
И слились
С моей судьбой.
Над пустыней неизменно
Неба купол голубой.
И открыта у туркмена
Дверь для гостя
В час любой.
Тают мирные рассветы.
Светит солнца дивный глаз.
И поет в пустыне ветер,
Словно вечный
Звонкий саз.

Перевела Л. ЩИПАХИНА.

Керим
КУРБАННЕПЕСОВ

ХОККЕЙ

Ловкость тут соперничает с силой,
Клюшка — с клюшкой и плечо —
с плечом,
Грубая игра — с игрой красивой...
На скамьях поспорить есть о чем!
Игрокам достойным — честь
и место!
Наблюдая ход ледовых драм,
Говорим о схватках по-туркменски:
Честная — халал! А нет — харам!
Вах, игра! В своем непослушанье.
Не игра она уже, а бой...
У ворот убийственную шайбу
В перехвате заслони собой!
Не спасуй! В том посвисте суровом
В той последней шайбе — суть
игры...
И трибуны вскакивают с ревом —
Так лавина рушится с горы.
Наша вера в наших не погибла,
В силу обороны и атак:
Звуки Государственного гимна —
Это вам уже не просто так!
Глянь во дворик! — не в державе
оной,
Но по тем же правилам игры
Дети соревнуются... И звоном
Стекол оглашаются дворы:
Шайбою мальчишки-непоседы
У соседа выбили окно...
Позову стекольщика к соседу,
И оно, глядишь, застеклено!
Восстановлен мир... Пускай
в красивой,
В самой нужной им из всех затей
Наши дети меряются силой,
Пусть дворовый здравствует
хоккей!
Взрослые! Не будем-ка скупиться...
Пусть растут на пятачке двора
Будущие наши олимпийцы —
Золотая наша детвора!

Перевел Ю. ГОРДИЕНКО.

Аннаберды
АГАБАЕВ

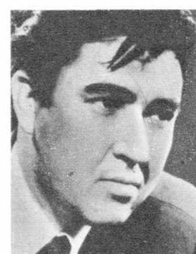

ЖИЗНЬ

И щебень,
и куст винограда заглохший,
Паук-крестовик, и оса, и слепни,
Паршивые, с шерстью
свалявшейся овцы,
И хрюканье в луже лежащей
свиньи —
Прекрасны!
Прекрасна бредущая с посохом
старость
И даже недели недугов твоих,
И боль от ошибок, что в сердце
осталась
И жжет нестерпимо,
как вспомнишь о них.
Прекрасны и гнев твой
и негодованье,
Рожденье мечты и крушенье
мечты.
Прекрасно,
что слышишь пурги завыванье,
Что жар суховея почувствовал ты.
Дыханье листвы и бензинного
смога.
Заплачки шакалов и мельничный
гуд,
Летящая в небо
крутая дорога
И тиной надежно укутанный
пруд —
Прекрасны!
Прекрасны равно и удачи и беды.
Рассветная сталь и закатная медь!.
И страшно —
прожить, и об этом не ведать,
Увидеть не смочь,
услыхать не суметь.

Перевел Евг. ХРАМОВ.

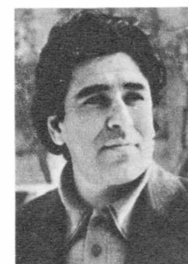
Италмаз
НУРЫЕВ

ГОРЫ

Киньте на плечи мне
вашу арчовую сень,
К небу тропой уведите, о горы,
как в прошлом,
С миром примите, с природною
щедростью всей,
Дайте припасть горожанину
к вашим подошвам!
Дайте воды мне из ваших испить
родников,
Зубьями скал оградите меня,
как забором,
Чтобы в родимом ауле,
среди земляков,
Снова вернулось ко мне
вдохновенье, о горы!
Шорохом каменных осыпей
слух утолив,
Дайте мне ваши высоты
и ваши просторы,
Дайте коснуться,
поросших кустарником грив,
И молоком облаков напоите,
о горы!
Ваши утесы — как горцы о них
говорят—
Видят и то, что обычно укрыто
от взора.
Могут они оценить непреложно
на взгляд
Силу и слабость в пришельце,
не правда ли, горы?
В ваших аулах я слушал
слова мудрецов,
Слово свое поверял
их суровым глаголом.
Вашим презреньем
мое очерните лицо,
Если не чист я душой
перед вами, о горы!
Трус, об отваге витийствующий,—
не для вас!
Мужественный человек —
уважаем и дорог...
Вы обо мне, вас на город
сменявшем, хоть раз
Вспомнили или ни разу
не вспомнили, горы?

Сапармурад
ОВЕЗБЕРДЫЕВ

В ТРАКАЙСКОМ МУЗЕЕ

Под Вильнюсом стоит
Тракайский замок.
В его музейных комнатах и залах
Покоится оружие... Оно
Пусть отжило свой век
давным-давно,
Но эти пики, сабли и кинжалы
Защитника Литвы рука держала!
Нагнись к ним—и историю листай:
Какие битвы помнит эта сталь!
Нас древние дивили экспонаты,
Им было пять веков —
представить надо! —
Пятисотлетней давности стрела
Тевтонцем пришлым
пущена была!..
Но враг от стен Тракая величавых
Сам не уполз и не унес колчаны...
Тут давний век не просто
опочил —
Музей Тракайский мужеству учил.
Чтоб круг времен, как должно,
завершился,
Чернел на стенде
автомат фашиста,
Его же — рядом —
ржавые гранаты —
Последнего бесславья экспонаты...

Перевел Ю. ГОРДИЕНКО.

* * *

Ты не дожил до весны, отец,
Сын Овезберды — Атаназар.
А ведь был из храбрецов
храбрец.
Только имя и оставил в дар.
Только пачку писем фронтовых
Да бумагу «...без вести пропал»—
Не забуду с детских дней моих,
Азбуку по ним я изучал.
Из далеких невозвратных лет
Только фото старое... Да память...
Спросит внук Равшан:
«А где мой дед?
Почему он не бывает с нами?»
Как отвечу?.. Ах, отец, отец!
Малышу попробуй объясни:
Что не знает жалости свинец,
Что не все дожили до весны.
Только землю обведу рукой
И скажу: «Дехканин и боец,
Жизнь за Родину отдал он,
как герой...»
Вот и все, что я скажу, отец.

Перевел М. ШАПОВАЛОВ.

Лев ШЕРСТЕННИКОВ,
специальный
корреспондент
«Огонька»
Фото автора

ВЕЛИКОЕ ПРОТИВОСТОЯНИЕ

— Чары, открой-ка водопад!

Я недоверчиво покосился на краба, которого за минуту до этого пообещал извлечь из ручейка мой спутник. Краб был всамделишный, живой, серо-зеленый, размерами с ладонь. Он недовольно пыхтел, вспрядал возмущенно ногами и норовил клешней цапнуть за палец. Почувствовав опору, краб сразу же помчался боком к воде, влетел в нее и «спрятался», превратившись в осклизлый камень. Попробуй разгляди...

Что значит «открой»? Шутят, что ли?

Но Чары, наш водитель, меж тем сразу направился к тропе, взбежал по ней и скрылся. Прошло несколько минут, и с лобастой, иссохшей скалы ударила струя. Переполняясь сверкающей влагой, она разделилась на три потока и покрыла всю вершину радужной рубашкой из брызг. Сказка, да и только: сюжет из «Тысячи и одной ночи»...

Иван Андреевич Заболотный подтвердил:

— Дивное место! А название в переводе с туркменского — «Сорок девушек».

После прокаленного воздуха песков тело ласкал легкий горный ветерок. Ручей у наших ног разбух от воды, бегущей от водопада, и обрадованные лягушки заквакали, заголосили с новой силой. Кусты гребенщика — тамариска — облиты розовой пеной только-только родившихся цветов. А горы уже обретали коричнево-черный вид. Припаленная солнцем молодая трава на корню становилась сеном, выгорала. Круто нынче прихватил землю зной...

— Ну, а теперь купаться — и в путь!

Мы сбрасываем рубашки и вместе с ребятишками, уже прознавшими, что водопад пущен, лезем под сверкающую прохладу. И, кажется, успеваем вовремя. Неторопливым шагом, заложив руки за посох, лежащий поперек спины — так ходят чабаны,— по дороге приближался старик. Он свернул на ведущую в гору тропу, по которой взбегал и Чары, и тугие струи водопада ослабли, поток истончился, угас. И вот уже лишь скупые капли да намокшая скала напоминали, что только что тут резвилось чудо. Поворот заслонки, регулирующей сток,— и нет праздничного великолепия здесь, зато где-то там, по другому руслу, вода придет на чьи-то огороды, напоит людей, овец. Потом новый поворот — и влага устремится в другую сторону. Попьют другие овцы, и на других полях повлажнеет земля... Суха земля Туркмении, суха и равнинна, мало в ней гор. Один Копетдаг — и тот невелик. Но горы, даже малые, рождают воду. И испокон веков воду эту использовал туркменский крестьянин как великую драгоценность.

...Худайкули Сахедов, главный агроном колхоза «Москва», что неподалеку от Бахардена, вспоминает свое военное детство. Отца нет. Старший брат погиб на фронте, средний воюет. Худайкули и мама Огульнават дома одни. Как жили? Жили, в общем. В горах собирали корешки — что-то вроде лука. Сырой есть нельзя: горько. А если подсушить да растолочь — терпимо. Так на всю зиму можно было себе еды заготовить.

Это было давно. А вот что совсем недавно. Худайкули продолжает свой рассказ:

— Земли у нас много, очень много, а воды нет. Горы поят, но не досыта. Пробурил колхоз еще десять скважин — небогатые они, мало дают воды, но все ж подспорье... Сеяли хлеба на полутораста гектарах, овощи и бахчевые на клочках, да кормов немного — конечно, тут не до богатства, но вести хозяйство можно... А теперь вот уже третью весну большая вода с канала приходит на наши поля...

Теперь колхоз почти вчетверо увеличил пахотные угодья. Изумрудные озимые стелются под ветром переливающимся ковром — много будет хлеба, и кукурузы достанет, и овощей, и для скота добрый стол готовит сладкая каракумская вода. Колхоз хлопок начал сеять! Самая нежная и самая драгоценная культура. Четыреста с лишним гектаров не пожалел под поля хлопчатника, а прежде тут их и в помине не было... Вот он, Каракум-канал, в одной только его точке. А такими точками унизан весь путь — путь тысячекилометровой длины в пространстве и почти трех десятилетий строительства во времени.

Мало теперь сыщется ветеранов, которые на строительстве, как говорится, с первого колышка. Но много таких, что отдали работе в песках по десять—двадцать лет. Иван Андреевич Заболотный, главный инженер треста «Копетдагводстрой», треста, под попечительством которого сотни и сотни километров канала, работает здесь уже двенадцать лет.

Судьбы Ивана и Худайкули во многом схожи. Одногодки, обоим детство припалила война. Даже родились они по масштабам нашей страны не так уж далеко друг от друга. Один в ауле в предгорьях Копетдага, в Туркмении, другой в поселке Сосновка, что стоит у подножия других гор — Ала-Тау, в Киргизии. Судьба Ивана сложилась даже покруче, чем у его ровесника. Отца Иван совсем не помнит. В десять лет потерял мать, он и двое братьев были определены в детский дом...

Окончил Ваня семилетку, нужно было приобретать профессию. Направили в карагандинское ФЗУ, которое готовило строителей. И стал он не просто строителем, а мастером редкой специальности — печником.

— Печь свою первую — русскую я сложил прямо в подвале училища. Там у нас были мастерские. Материалы имелись: и кирпич и глина. Альбом я чудесный раздобыл: все печи представлены, и ходы их, и вьюшки, и заслонки... Вот забрался я раз в мастерские и начал печь класть. Сложил. Дров натаскал, затопил. Работает! Тянет вовсю. А труба-то выведена в форточку. Из форточки на улицу дым валит, и слышу — кричат: «Пожар! Пожар!»...

Окончил я училище, и направили на казахстанскую целину. Живем в палатке, а она хоть и двойная, но, сами понимаете, коли мороз на дворе за тридцать, да еще со степными ветрами да буранами... Четыре «буржуйки» в палатке, за ними следит дежурный, всю ночь дрова подкладывает. А если заснет — беда... Пообвыкли, работаем. Приходит к нам как-то женщина из поселка: не сумеет ли кто ей печку перебрать? Я говорю — сумею. Какую, мамаша, хочешь? Сложил ей печь — славная получилась. А там другие хозяйки зачастили — сложи да сложи... Мне и в армии печное дело пригодилось. А как срок службы стал к концу подходить, запросился у начальства экзамены в институт сдавать. По счастью, институт был в городе, где я служил. Все экзамены у меня прилично прошли, а вот за химию побаивался: не давалась она мне еще в школе. Была она последним экзаменом, химия эта несчастная. Ну, плаваю, конечно, экзаменатор и говорит: если вам ставить тройку, то всем остальным я должна вывести отлично. Да что же вы меня с ними равняете, говорю, они только-только из-за школьной парты, а я уж и забыл, когда за ней сидел, да и сейчас с экзамена должен торопиться в казарму! «Таких парней у нас немного,— вступился, на мое счастье, председатель приемной комиссии,— армейские свое наверстают».

И наверстал Иван. Превратился из строителя-энергетика (все-таки печи клал!) в строителя-гидромелиоратора. Прошел Иван с каналом, впереди канала и по каналу не одну сотню верст, на многих постах поработал. И в тех голубых лоскутьях воды, что заполнили междурядья полей, и в огромных сверкающих зеркалах водохранилищ отражается не только слепое, белое солнце пустыни, но и труд Ивана, и тех, кто идет бок о бок с ним, и тех, кто прошел по этим пескам первым...

История туркменской земли — это история великого противостояния земли и солнца, человека и пустыни, нужды и достатка. «Родит не земля — родит вода» — в любой книге, посвященной Туркмении, встретишь эту фразу. Свидетельства подтверждают: Каракумы не всегда были без воды. Но вот уже почти полмиллиона лет назад великая Амударья покинула территорию Каракумов, устремив свой бег на север, к Аральскому морю. Десятилетия проходят за десятилетиями, все так же белое солнце выжигает все, что осмеливается дышать и расти здесь, все так же медленно, но постоянно движутся по пустыне мертвые волны барханов, засыпая редкие поселения, погребая древние города, все так же ветер разносит соль по пескам. Но не гаснет людская вера: земля эта может стать и обильной, и щедрой, и ласковой!

* * *

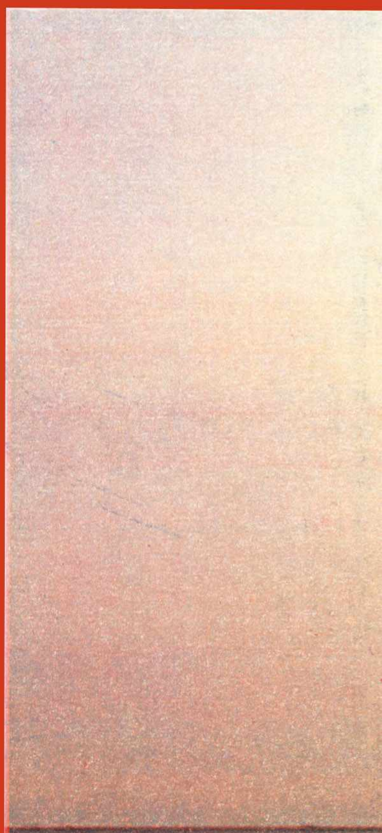
«Сообщите, как дела с челекенской нефтью и нефтью вообще»,— Ленин — Фрунзе. Фрунзе — Ленину: «При существующем оборудовании Челекена ежедневную добычу нефти можно довести минимум до 3000 пудов при условии доставки рабочим продовольствия». По инициативе В. И. Ленина в 1920 году была соз-

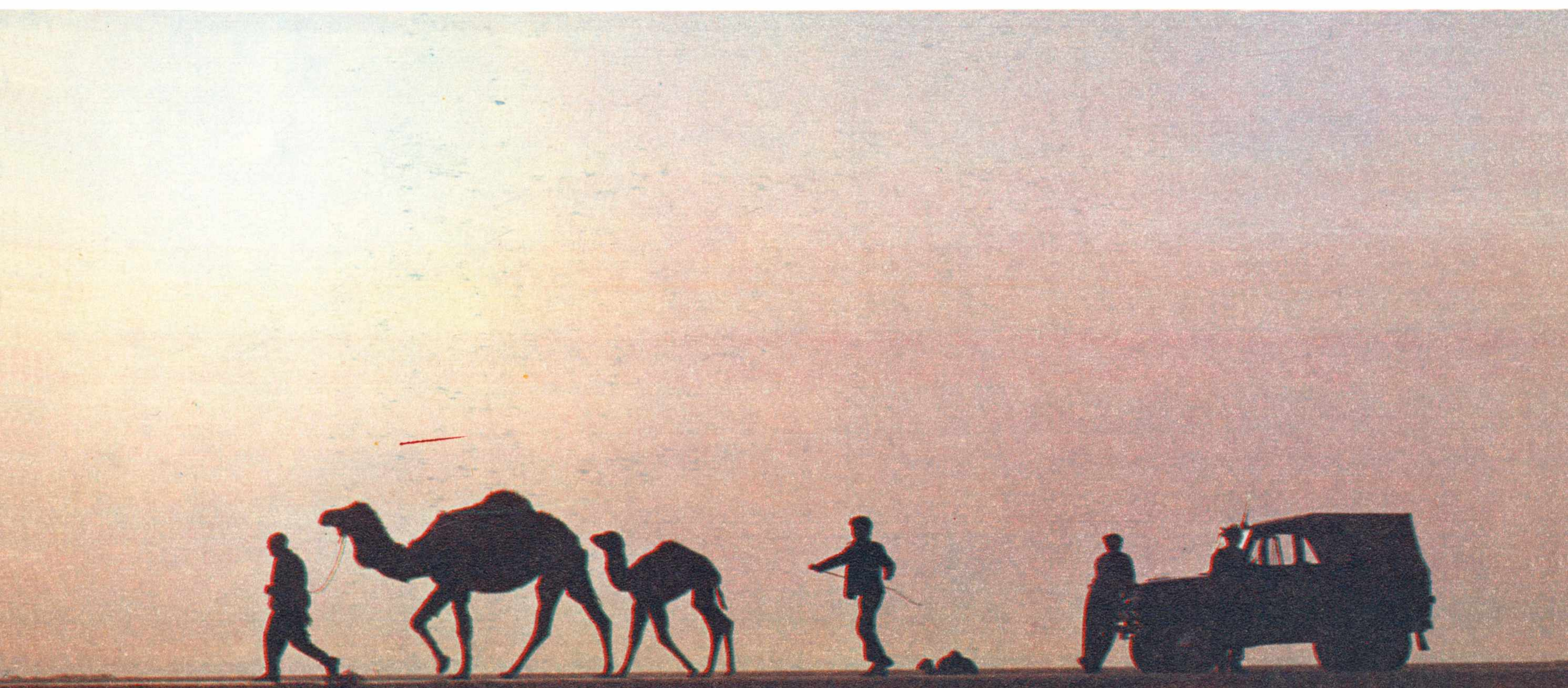
●

«Пойдешь — не вернешься» — Барса-Гельмес — так называются пески, в которых трудятся туркменские нефтяники. Бригада бурового мастера В. А. Сахнова здесь одна из лучших. Нефть, добытая ими, поступает на Красноводский ордена Трудового Красного Знамени нефтеперерабатывающий завод. Совсем недавно сдана на предприятии новая установка по выпуску кокса.

На развороте вкладки: Полнее использовать даровую солнечную энергию — такая задача стоит перед работниками научно-производственного объединения «Солнце». Здесь трудится и младший научный сотрудник Гызылгуль Курбанниязова. Внизу вы видите обычный пейзаж пустыни, а слева — новь: все дальше от Челекена уходят буровые вышки в море.

дана специальная комиссия для восстановления нефтяной промышленности Челекена.

Здесь следует обратиться к истории, несколько более отдаленной. Еще в XII—XIII веках население Прикаспия использовало нефть, соль, озокерит, добывать которые в те времена тут не составляло особого труда. А в первой половине XIX века слухи о невообразимых богатствах запада Туркмении, в частности полуострова Челекен, стали распространяться все шире и шире. «Керосин бежит из горы ручьем, нефть бьет фонтанами». Нефть добывали из колодцев. Из кожаных ведер переливали в кожаные мешки, грузили на верблюдов и на специальные лодки — киржимы, и двигались караваны — морем ли, сушею — в ближние и дальние земли. Меняли нефть на хлеб, ткани, продукты. Потом сюда устремились крупные промышленники, и добыча нефти резко возросла, но хищничество подорвало запасы. Слава Челекена начала было меркнуть, а ведь до поры его настоящего расцвета предстояли еще годы и годы. Но требовался иной подход, иной взгляд на вещи. В декабре 1933 года состоялась первая конференция Академии наук СССР по изучению производительных сил Туркменской республики. Академик Иван Михайлович Губкин сказал тогда знаменательные слова: «Пустыни Туркмении напоминают ландшафты Калифорнии... Разве мы не можем превратить Туркмению в цветущий сад? Туркмению, которая расположена под теми же градусами, что и Лос-Анджелес! Туркмению, которая таит в себе громадные естественные и энергетические ресурсы!.. Я убежден, что мы это сделаем. Мы уже многое сделали, и у нас есть ясная перспектива, что может дать наука для дальнейшего развития этой страны».

И вот вслед за бегущей водой мы устремляемся в те районы, которые, очевидно, и имел в виду академик, когда говорил о Туркмении, ее богатствах. Канал лежит где-то в стороне от дороги, его нам не видно, но он здесь. И Бахарден уже позади и Кизыл-Арват, скоро минуем Казанджик. Оттуда канал должен повернуть круто на юг. Там замечательные земли, при наличии воды можно будет разводить субтропические культуры. Специалисты уже прикидывают: не заняться ли выращиванием кофе? Но это дело не сегодняшнего дня и даже, пожалуй, не завтрашнего. Где будет проходить канал, там пока целинная пустыня, да и проектировщики, наверное, не все еще очинили карандаши... С запада на нас бежит дорога, и обочь ее верблюды жуют колючку. А по асфальтовой ленте то навстречу, то в обгон — белый рефрижератор, трубовоз: от канала вода по трубам пойдет к Небит-Дагу. А вдали, по железной дороге, прочерченной словно по линейке, скользит длиннющая гусеница поезда, составленного сплошь из цистерн...

— В нашем городе семьдесят шесть национальностей!— сообщили мне в Небит-Даге.

О Небит-Даге столько сказано и написано, что нет нужды повторяться, но кое-что напомнить все-таки необходимо. Город, выросший на туркменской нефти,— один из лучших и крупных промышленных ее центров. Сейчас в нем уже более ста тысяч жителей, это при том, что в Красноводске, главном в области, чуть не вдвое меньше. Небит-Даг обрел славу лет десять—пятнадцать назад. Прогремели на всю страну месторождения нефти Барса-Гельмес, Котурдепе... Здесь родилась большая нефтедобыча Туркмении, отсюда отпочковались такие «детки», как объединение «Туркменгазпром», по объемам добычи оставившее далеко позади своего «родителя», объединение «Челекенморнефтегазпром». Это еще совсем молодо, только разворачивает широкий фронт поиска, но кто знает, к чему этот поиск приведет завтра. А все начиналось отсюда, от Небит-Дага, с нефтепромысла Вышка: и кадры и опыт — все создавалось здесь.

На пустыню можно смотреть из окна проносящегося самолета — это один взгляд. Тогда видишь море песка и тонкие ленточки дорог, строчки трубопроводов да редкие островки вышек. В фотографии есть термин «лягушачья перспектива»: смотришь снизу, как бы с самой поверхности земли. Тогда пропорции предметов искажаются, и ближний листик кажется больше далекого облака. Вот так видишь пустыню из окна автомобиля, скользящего по асфальту. И тогда кажется, что вся она оплетена и перевита бесчисленными трубами. По одним к скважинам устремляется вода, а по другим она спешит от скважин, но это уже ценное химическое сырье: йодобромные воды. В этих трубах — нефть, в тех — газ. Разнокалиберные металлические шланги ползут, переплетаются, разбегаются из стороны в сторону, сходятся снова — и так без конца. А над ними еще столбы, столбы с электропроводами и кабелями. Из-за деревьев и лесу — то есть пустыни — не видно. И все же она властно напоминает о себе.

Правда, буровой мастер Нурмухамед Амангельдыев не склонен замечать своеобразия работы в песках: ну, жарко бывает так, что вода чуть не закипает в цистернах. Ну и что же? Ну, случается, задует на сутки-другие ветер. Тогда ни зги от песка не видно, и пятнадцать километров дороги до буровой (а точнее, обратно), которые машина проскакивает за десять минут, теперь превращаются в сутки пути с постоянным риском заблудиться — так это же совсем редко... Но мне в этих примерах видится не случайность, а закономерность: пустыня есть пустыня, и она позволяет обращаться к себе только на «вы»... Да, буровики и нефтедобытчики в основном живут в прекрасном городе Небит-Даге или ближайших к нему поселках, а к своим рабочим местам — за пятьдесят и сто километров — добираются по асфальтовым дорогам. Но все это не правило, а исключение.

...Белый городок Челекен расположен на стыке двух стихий. С востока — море знойное, песчаное, с запада — голубое, Каспийское. Это разница. А объединяют песчаную и водную стихии вышки. Разбежались они по берегу и умахали в море. Стоят там на длинных ногах платформ, на эстакадах, а иные плавают на специальных судах. Работают на вышках люди, которых сочно именуют чмуровцами. ЧМУРБ — это Челекенское морское управление разведочного бурения, или просто морской разведки. Люди эти, похоже, отчаянные, веселые и гораздые на слово. Правда, такое впечатление произвели не сами буровики — их я видел только с борта суденышка,— а капитан бесшабашного «Академика Губкина», судна, напоминившего одновременно и легендарный танкер «Дербент», и пиратский корсар, и вышедший на пенсию морской буксир. Так вот, капитан «Губкина» Володя сразу же привел примеры лихих швартовок: «Они (то есть другие капитаны) стоят, трясутся, а я...» Примеры лихих переходов: «Они бы — ни за какие деньги тут плавать — тут у вас одни мели, да кругом — металлолом, а мы...» Словом, вроде бы Володя хвастался. Отнюдь. И я совсем не хочу, чтобы он на меня обиделся. Суть всех их лихих и шутливых баек такова: Каспий и правда не мед для мореходов, особенно при работе в специфических условиях обслуживания промыслов.

Если взглянуть на карту моря, специальную карту, на которую нанесены кружочки месторождений и кружочки, которые могут стать месторождениями и на которых сейчас ведется разведка, то сразу заметишь — эти пятнышки тянутся через весь Каспий: от знаменитого нефтяного Апшерона к не менее известному Челекену. И называется это все Апшероно-Прибалханской зоной поднятий — нефтяной зоной. Во многом она уже раскрыла себя и не одно десятилетие питала страну ценным продуктом, а кое в чем еще от нее ждут откровений. И ждут не только добытчики, но и те люди, в чьи руки нефть сразу после них попадет.

Секретарь Красноводского горкома партии Виталий Андреевич Нидселькин сказал:

— Экономика нашего города процентов на восемьдесят определяется нефтью, точнее, ее переработкой. Наш нефтеперерабатывающий завод обслуживает своими продуктами значительную часть Средней Азии — это и бензины и дизельное топливо. Но есть и особый продукт — электролизный кокс, необходимый для электрометаллургии. Вот только что мы сдали установку замедленного коксования нефтяных остатков, и завод обещает стать крупнейшим по выработке кокса в стране. Сырье свое — нефть — мы получаем отовсюду: и с промыслов по трубопроводам и из-за моря танкерами. Мангышлак нам шлет нефть. Дело не стоит. Но есть и проблемы. Одна из них — вода. Город никогда не пьет досыта. Сейчас на ТЭЦ имени 50-летия Октября работают два блока опреснительной установки, вода идет на питье и на технические нужды. И, конечно же, мы с нетерпением ждем каракумскую воду... Второе — электроэнергия. В 1983 году на ТЭЦ должны ввести второй энергоблок. Сейчас ощущается большой дефицит электроэнергии в западных районах Туркмении, а она необходима и химикам Кара-Богаза, и промысловикам Челекена, нужна и для подачи воды и для бытовых нужд городов и поселков...

Как в живом организме, так и здесь все взаимосвязано, переплетено, соединено множеством нитей. Наличие воды обусловливает развитие не только сельского хозяйства, но и промышленности, поселков, городов. Энергия высвобожденного газа превратится в электричество, которое снова вернется к буровикам и к ирригаторам. Не без ее участия будут добыты минералы, которые после переработки станут удобрениями, а их так не хватает полям, тем новым полям, которые вызвала к жизни новая вода...

Президент Академии наук Туркменской ССР, член-корреспондент АН СССР Агаджан Гельдыевич Бабаев говорит:

— Наша республика самая южная, самая солнечная. Безоблачное небо — триста дней в году. Свет и тепло — основа жизни, а здесь их в избытке. И сама природа определила, с чего начинать. Прежде всего развитие орошаемого земледелия. Здесь скрыт высочайший потенциал. Учтите, за шесть тысяч лет земледелия площадь обрабатываемых земель в республике еще не дошла до одного миллиона гектаров, а всего пригодной земли у нас — 12 миллионов. Но искусственное орошение вызывает ряд проблем: это использование и поиск пригодных вод, создание энергетической базы, обеспечивающей работу насосных станций. Еще нужны дороги. И где новые земли, там новые поселки. А особо встает вопрос экологический. Неумелое, неумное использование орошения может привести к поднятию уровня соленых подземных вод, а это вызовет засоление почв... Западный Туркменистан,— продолжает президент,— представляет зону, которую следует рассматривать в комплексе. И нам этот промышленно-сельскохозяйственный комплекс видится так: Кара-Богаз — это химическое сырье, минеральные удобрения, Небит-Даг, Красноводск — нефть, газ, энергобаза, самый юго-запад, Кизыл-Атрекский узел,— земледелие, развитие субтропических культур, переработка сельскохозяйственного сырья. Сейчас лаборатории института экономики готовят свои соображения...

Мне хочется напомнить слова из статьи моего собеседника, опубликованной недавно в газете «Правда»:

«В нашей стране, как нигде в мире, много сделано для освоения пустынь. Но если сопоставить сделанное с возможностями, с той огромной отдачей, которую можно получить от пустынь (а они занимают у нас 250 миллионов гектаров — это больше, чем вся пашня страны), то сделанное нужно будет признать лишь удачной разведкой. По существу, наши пустыни — это еще одна целина, ждущая своих разумных освоителей».

С этим нельзя не согласиться.

Ашхабад — Красноводск.

На этой странице соединены самое традиционное — древнее искусство туркменских мастеров-ювелиров, которых представляет на снимке народный мастер Сулханберды Рахманов, и самое молодое — телевидение. Благодаря ретрансляционным станциям «Орбита» оно пришло во все города и поселки республики и даже в юрты чабанов.

Д. ИВАНОВ

ЛИТЕРАТУРНЫЕ ЗАМЕТКИ

БЕГ НА МЕСТЕ

НА ПАРАЛЛЕЛЬНЫХ КУРСАХ

Продолжим же чтение книг, читать которые — нерадостный труд.

Владимир Гусев создал две повести, составившие дилогию: «Спасское-Лутовиново» и «Солнце». Как мы помним, как критик, Вл. Гусев уверен, что проза «новой генерации» смотрит «Правде в глаза, как бы ни трудно было для изображения». В своих собственных книгах он заглянул в глаза Алексею Осенину, интеллигенту... Что же писатель в них увидел? Какую правду?

А мало какую... Сквозь долго-долгие, бесконечные, накатывающиеся валами пустых звуков «слова, слова, слова» проступает одна лишь правда заурядного эгоиста, но именно проступает — расплывчато, нечетко, сбивчиво, поскольку замысливал-то писатель воплотить в своем герое нечто иное — крупнее, значительнее.

Для того, чтобы нам скорее поверили, спешим взять себе в союзники самого... Вл. Гусева. На последних страницах повести «Спасское-Лутовиново», повергая нас в недоумение, напечатаны два резюме: одно в виде письма Автору от героини, другое — как заметки героя после прочтения рукописи о самом себе. К первому мы еще вернемся, а во втором есть такие строчки: «...повесть конечно же однобока и не выражает меня целиком».

Можно просто принять это заявление за некий новый род авторской самокритики и подивиться этакой смелости смотреть «Правде в глаза, как бы ни трудно было...». Можно, с другой стороны, увидеть в этом приеме способ еще четче показать однобокость, некритичность собственного к себе отношения героя. Но читаем строки Алексея дальше:

«Я давно уж не спрашиваю себя, кàк могут сочетаться в одном человеке такая нежная преданность творчеству и плачевная жесткость и мелочность в чисто внешней жизни (и в сторону Фрейда), такая потребность в высоком (лишь крайне глухо и, главное, косвенно отраженная в рукописи (опять «самокритика».— Д. И.) и отвратительная беспомощность перед повседневной, а не «пожарной» действительностью, такая изнурительная дума о «целом» и беспричинная, нерассуждающая, внезапная злость, или равнодушие, или недоверие к окружающим отдельным людям, такая любовь к правде — и такое неумение соединить ее с душевностью и сердечностью, такое спокойствие, собранность перед важным и действенным поражением и такая патологическая, шизофреническая, бешеная боязнь окружающей жизненной мелочи, такая болезненная любовь к свободе и такая пошлая, неумелая, дикая борьба за эту свободу... с женщиной?

Но главное все же — это особое умение подняться над мутной текучкой жизни — и такая позорная зависимость от этой текучки в другие минуты...»

Так вот: из повестей, из обеих, абсолютно непонятно — кроме «нежной преданности творчеству» и «особого умения подняться над мутной текучкой»,— непонятно, в чем же проявляются в Алексее «такая потребность в высоком», «такая изнурительная дума о «целом», «такая любовь к правде», «такая болезненная любовь к свободе» (недаром если антитезисы в этой тираде даются прочувственно и развернуто, то тезисы — куце и назывно). То есть, конечно, если думать только о «любви к свободе» от никем ему не навязанной жены; о «любви к правде», с которой той же жене или матери говорятся в лицо обидные и несправедливые слова; о «потребности в высоком» — как только о настоящей, но не признающей ничего и никого любви к другой женщине,— то все это у Вл. Гусева в повестях есть. Но тогда-то и оказывается перед нами всего лишь обыкновенный эгоист.

И пусть бы, говоря словами И. Дедкова, была бы в нем «полная правда «мелкого», пусть было бы «правды «мелкого» много больше, чем правды «главного», «глубокого»,— решающее тут, как и всегда, чтобы правда была, наличествовала в произведении (и не корить тогда надо писателя за эту малую правду, как почему-то, в запале, видимо, делает И. Дедков, а проникать в нее).

Но в том и дело, что и такой-то ее немного в повестях Вл. Гусева, ибо эта правда затуманена другой авторской точкой зрения на своего героя.

Сам Алексей и называет и считает себя интеллигентом. Сам Автор в решающий момент обращается к нему точно так же: «Вы — русский интеллигент! Страна, мир как никогда нуждается в Вашей помощи — помощи людей совести! В помощи людей, способных вновь служить разуму, духу и человечеству».

Значит, не просто эгоист Осенин,— не простым эгоистом хотел изобразить его писатель. Где-то фигура современного Печорина погрезилась ему. Недаром нам намекают на «позу Печорина перед дуэлью»; а слова: «Неизвестно уж, был ли он «истинным героем нашего времени», — вряд ли»,— впрямую заставляют нас присмотреться к Осенину как к «неистинному» герою наших дней.

Но тогда и «любовь к свободе», и «любовь к правде», и «изнурительная дума о «целом» должны быть у Алексея хоть в чем-то направлены не только на себя, но и от себя, на других.

лишенная того душевно-женственного изящества, которое дается лишь простотой и естественностью отроческого развития, она и в этой своей «привязанности» была порою непривлекательна...» Или «Нагнувшись, она все что-то расправляла, поддергивала светлую пятку чулка, вставляла в твердый задник ложку, оттягивала ее, будто бы с натугой впихивала ступню, хотя было видно, что ей вовсе не тесно, вновь вынимала пятку; снова возилась, порозовев и сосредоточенно чуть пыхтя».)

Вот так и читаем повести, словно каменья ворочаем, с усилием заставляя себя переплывать по океану словесной воды от одного островка правды к следующему...

Действительно, писатель знает одного лишь Алексея, а других не может представить себе и нарисовать нам живо. До него доносятся только их голоса, а как он берется изображать — выходят лики, годные лишь служить зеркалами, в которых раз за разом, бесконечно повторяясь, отражается главный персонаж.

И за всем этим — слишком много любви писателя к своему герою, и куда меньше правды о нем, а тем более о других и о той народной жизни, о какой и надлежит в первую очередь заботиться его «интеллигенту» и интеллигентам вообще...

...Впрочем, можно полагать очевидным: любить своих героев, и не только духовно богатых и душевно щедрых, но даже и вполне никчемных, ни в коей мере не возбраняется писателям,— вспомним хотя бы хрестоматийных гоголевских Пульхерию Ивановну и Афанасия Ивановича или чеховскую Оленьку-«душечку». Но тут, однако, сокрыта та великая, что и вовеки будет оставаться не разгаданной до конца, тайна Художника, который и в этой авторской и человеческой любви оказывается вместе с тем столь безжалостным к своим созданиям, что нас, читателей, объемлет немилосердный стыд за их пусть благообразное и симпатичное, но безмысленное, бездарное существование, отзываясь в наших собственных сердцах близкой, щемящей болью...

Нам вовсе не случайно приходят на ум подобные персонажи.

Во-первых, если у Вл. Гусева герой замысливался недюжинным, притом сфера частного и бытового его тяготила и отталкивала, то в рассказах и повестях Анатолия Курчаткина, которыми мы продлим наш разговор, герои уже и по замыслу и по сути не просто заурядные, но и отрешенные от забот и устремлений общего.

К тому же именно Чехова и Гоголя берет себе А. Курчаткин опорой, когда в выступлении «Огурцы на грядке и горние высоты духа» («Литературная газета», 10 сентября 1980), ссылаясь на «поспокойнейшее», «равнинное течение жизни», вводит обязанность современного писателя на преимущественный интерес к быту, в котором и «растворяется бытие:» «...Одно сплошное описание эдаких «огурцов на грядке»,— усматривает он, например, в «Старосветских помещиках».— Быт, жуткий быт, ничего кроме быта,— а какая поэзия, однако, сколько в этом быте социального, философского, исторического!»

Наконец, с недавних пор в критике стало утверждаться мнение, сближающее творчество молодого прозаика с чеховской традицией. Так, С. Чупринин в статье «На развороте судьбы» («Литературная учеба» № 6, 1981) написал: «В разговорах об Анатолии Курчаткине и многих его товарищах по поколению чаще всего и оправданнее всего возникает именно это имя, именно этот «ключевой образ» — Чехов».

Близость эта выводится критиком из того обстоятельства, что и Чехов и «сорокалетние»

Потому что мало, очень мало нынче для человека, стремящегося к «высокому», соответствовать словам, сказанным великим критиком о родоначальнике «героев нашего времени»: «Этот человек не равнодушно, не апатически несет свое страдание: бешено гоняется он за жизнью, ища ее повсюду; горько обвиняет он себя в своих заблуждениях. В нем неумолчно раздаются внутренние вопросы, тревожат его, мучат, и он в рефлексии ищет их разрешения: подсматривает каждое движение своего сердца, рассматривает каждую мысль свою».

Для нынешнего героя, числящего себя «по интеллигенции», думается, можно и должно подравниваться под слова, сказанные нашим выдающимся современником Василием Макаровичем Шукшиным: «...Явление это — интеллигентный человек — редкое. Это — неспокойная совесть, ум, полное отсутствие голоса, когда требуется — для созвучия — «подпеть» могучему басу сильного мира сего, горький разлад с самим собой из-за проклятого вопроса: «Что есть правда?», гордость... И — сострадание судьбе народа. Неизбежное, мучительное. Если все это в одном человеке — он интеллигент. Но и это не все. Интеллигент знает, что интеллигентность — не самоцель».

Однако и намека на нечто подобное не находим мы при всем старании и внимании в повестях Вл. Гусева. И теряемся: то ли подобных черт нет в характере Алексея Осенина, то ли писатель не смог их изобразить.

Думается, все-таки в большей степени, как говорится, имеет место второй момент.

«Пропащий человек!.. Нет Вам прощения...»,— так приговаривает, так прямо-таки кричит Автор своему герою. Что ж, такой — и многие еще подобные — комментарии свидетельствуют, что именно в этом отношении Алексей писателю знаком и понятен. Но даже здесь изобразить он его не может, оттого и комментирует, объясняет постоянно Алексея нам и ему самому.

Еще отчетливее проявляется это в остальных персонажах повестей, и писатель безрадостно сознает это, когда, например, устами Тамары, жены Алексея, уверенно заявляет Автору, то есть самому себе: «Вы... ничего не понимаете в женских чувствах и вообще в женщине... Что касается меня, то тут уж и вовсе писать нечего. Меня в Вашей повести, по сути дела, и нет». (И как ей не поверить, когда читателю она рисуется в таких выражениях: «Выросшая на суррогатах чувств, замененных иссушающим чтением и вялыми мечтами,

Окончание. См. «Огонек» № 21

глядят на человека «без увеличительных стекол героизма».

Что ж, быть может, действительно,— глядят-то они одинаково — по видимости. Но вот что́ видят, что воплощают в результате?

Еще раз оговоримся: и при преимущественном внимании к бытовой стороне жизни и при «чрезмерном увлечении» частным и личным насущные вопросы времени могут выражаться остро и полнокровно. Мы верим, что и «без увеличительных стекол героизма» можно — хотя и куда как труднее — достичь «социального, философского, исторического». Но как на практике: достигнуто желаемое — или «второй слой» раз за разом продолжает двигаться по дороге, вымощенной благими намерениями?

«Достоверно же и точно воссозданный быт просто не может не отразить в себе бытия, не перейти,— уверенно говорит А. Курчаткин,— если так можно выразиться, в бытийную ипостась».

Да, в той или иной степени не отразить не может. Но вот что-то выразить; автоматически, благодаря лишь достоверности и точности (с каким бы «мучительным напряжением», говоря памятными словами А. Курчаткина, ни происходило «всматривание в эту жизнь», «поворачивание своих героев», «рассматривание их и так и эдак») перейти в бытийную ипостась — быту не дано. Здесь тем более требуется художественное открытие, особое проникновение в жизнь и характеры, здесь через простое, обыкновенное, неувеличительное стекло ничего социального, философского, исторического в них не разглядеть.

Меж тем, будучи последовательным в своем рассуждении, А. Курчаткин логически приходит к параллели между писателем и... метеорологом: «Метеоролог, составляя карту погоды, лишь отражает, так сказать, действительность..., и если мы, рассматривая карту, ничего не поняли, оделись по-летнему, когда на дворе нас поджидает холод, кого же винить?»

Что же получается? Если мы, «рассматривая карту», то бишь читая книгу, «ничего не поняли», то, конечно же, жаловаться остается только на себя,— писатель, отразивший жизнь, как она есть, тут ни при чем. Но коли реальность отражена, как она есть, но «лишь (разрядка наша.— **Д. И.**) отражена», то зачем нам писатель? Зачем нам такой «метеоролог», когда мы и сами в состоянии взглянуть за оконное стекло и отличить мороз от жары? Зачем нужно простое фиксирование, удвоение действительности — а именно к этому вольно и невольно и зовет А. Курчаткин и воплощает в своем творчестве.

«Не осмеяние, не сочувствие и не сострадание даже здесь в ходу,— проницательно, но и согласно констатирует С. Чупринин.— Доверие — и к жизни и к герою».

Но зачем, зачем же первейшую ступень художественности возводить в перл создания? Перед нами и перед жизнью ставят зеркало, а мы должны быть благодарны за то, что лишний раз увидели отражение, которое и так видим постоянно. А что касается бытия, то его там и днем с огнем не сыщешь. И если заводить разговор о нем, то говорить придется лишь по поводу, в связи с подобными книгами, а не потому, что бытие в них нам открыто.

Вот взять недавнюю повесть А. Курчаткина «Гамлет из поселка Уш».

Е. Сидоров писал: «В повести прочитывается глубокая тоска героя по жизни полной, духовно свободной, но невозможной для него сейчас, и отнюдь не только в силу старого, непримиримого конфликта с родителями. Вот и критикам не худо бы задуматься сначала, почему так происходит, а не рубить сплеча, обвиняя автора в смертных грехах «бытовизма».

С. Чупринин «задумывается» и объясняет: «...Совершенно неучтенной — с этих рациональных позиций — оказалась маячащая за плечом «шалопута» Виталия Вылегжанина «иррациональная» тень толстовского Федора Протасова, а в ней-то все и дело. В ней-то и объяснение.

Не с ценностями своего отца спорит Виталий, не с жизненным укладом, который отец представляет, а с необходимостью подчиняться заведенному порядку вещей, с априорной расчерченностью, предустановленностью всей своей биографии, всего своего поведения. Ему, Виталию, так же, как и герою «Живого трупа», любая машинальность нестерпима, даже если это и машинальность благополучной, в общем-то вполне достойной жизни».

Во-первых, сразу же необходимо отметить явное противоречие у критика: с одной стороны, курчаткинские герои видятся ему запечатленными «без увеличительных стекол героизма», с другой — он сам же разглядел за спиной Виталия тень подлинного героя и ею стал объяснять его характер. (И кстати, одно уже название повести разве не свидетельствует, что и А. Курчаткин пробует вырваться из однообразного круга персонажей, замкнувшихся в частном и личном по собственному почину или замкнутых в них самим писателем, и как раз примеряет себе испытанные увеличительные стекла?)

А во-вторых — и это существеннее,— С. Чупринин верно подходит к пониманию героя, только героя-то нет: он остался невоплощенным. Есть лишь скопированная, точно зафиксированная жизнь, есть одна только завязка, начало действия, а дальше писатель беспомощно остановился.

(И это весьма частая особенность многих других созданий А. Курчаткина: в его вроде бы коротких рассказах нас поджидают одни непомерно растянутые завязки судеб. Прочтите, например, рассказ «В гостинице»,— то, что у Чехова уместилось на шести первых страницах «Дамы с собачкой», здесь заняло почти тридцать, а дальше-то что? К чему все рассказанное?.. Так в жизни бывает, но мы знали об этом и раньше. А в чем же сказался художник, а не просто наблюдатель жизни, как любой из нас?)

Толстовский Протасов заслужил право стать литературным героем не оттого, что ушел из дома,— только дальнейшая его судьба и столкновение с действительностью открыли нам величие этого характера и кричащие противоречия жизни. Гамлет еще последовательнее и еще драматичнее прошел по предначертанной ему дороге... А курчаткинский Виталий? С кем и с чем сталкивается он, действительно подтачиваемый заботой «быть или не быть»?

«Проблема выбора...— констатирует С. Чупринин,— здесь явно утрачивает и особенную остроту и решающий смысл. Выбор либо намеренно передоверяется обстоятельствам: как получится, так и получится,— либо, что еще чаще, просто не замечается, будто его и не было».

То есть такова нынешняя «равнинная» жизнь — не сталкивает, не ставит выбора, позволяет оставаться «шалопутом», «Гамлетом без шпаги», «Гамлолопутом», как именует Виталий себя, а по-другому — бедолагой.

Но в этом-то как раз и заключается простo фиксация жизни.

Р. Киреев, как мы видели, проходит мимо возможности углубиться в действительность и исследовать ее противоречия,— А. Курчаткин даже встать на подобный путь не пытается. Увы, он еще более других «сорокалетних» жалеет своих персонажей.

А вот Тургенев в «Асе» был безжалостным к рассказчику; и Толстой не пожалел Федю Протасова, и Шекспир — Гамлета.

Когда писатель безжалостен к своим героям, тогда жалость к ним просыпается в читателе — жалость к ним и недовольство жизнью, их такими создавшей и погубившей; пробуждается желание поспорить с жизнью, с тем, что писатель в ней открыл, а не на что он только намекнул, зафиксировав ее как «метеоролог».

БЕЗ НАМЕКОВ

Итак, мы познакомились с творчеством трех писателей, почти всегда называемых в первых рядах авторов «новой генерации». Столь же постоянно рядом с ними встречается имя Владимира Маканина.

Он довольно громко заявил о себе еще в середине 60-х годов первым своим романом «Прямая линия». Однако новая известность стала приходить к нему в самое последнее время, когда вышли сборник рассказов «Ключарев и Алимушкин» и повесть «Голоса». И раньше и одновременно с ними у Маканина появилось достаточно других произведений, но только после этих двух книг мы различаем в них тот особый маканинский голос, который сегодня уже не спутаешь ни с чьим иным.

Со многими из недавних героев писателя мы встречаемся тогда, когда к ним начинает приходить успех. Серенькая их жизнь текла потихоньку (а на самом деле уже быстро катилась), не принося большого благополучия и заметного удовлетворения. И вот, без дополнительных усилий с их стороны, фортуна начинает разворачиваться к ним лицом.

И именно тут-то и обнаруживается, что реальность — суровая и ответственная, а никак не спокойная и не полегчавшая.

Конечно, в той или иной мере это ощущалось героями Маканина и прежде. Например, Ключареву из «Повести о Старом поселке» нужно было решиться не пойти на маленькую сделку с собственной совестью — не дать хороший отзыв о плохой работе. Вопрос тогда перед ним ставился так: «Если ты не помогаешь нам, то ведь ты нам тоже не нужен»,— и это означало, что Ключареву закрывают один из путей к успеху. Но до реального успеха было еще далеко, терять в общем-то было нечего — и он не поступился совестью.

«Не впадай в геройство,— говорит жена.— Слышишь. Ненавижу впадающих в геройство. Особенно геройствующих уже задним числом, когда им крыть нечем».

А Ключарев и не геройствует вовсе. Он так рассуждает сам с собою: «...Верно и то, что вместо Ключарева они найдут кого-нибудь еще. Он тут же вспомнил двух людей, которые тоже (по профилю работы) могли бы дать отзыв,— они не так сильно дружили с Наташей, но все же дружили, бывали у нее. Вот любому из них и дадут на отзыв. И все равно однажды это дерьмо защитится хоть так, хоть этак. И при чем здесь справедливость? Пусть даже с самой маленькой буквы — в чем она? Уж ради нее, ради этой-то, которая с самой маленькой буквы, куда полезнее поднять пьянчугу на улице. Или отдать часть зарплаты какой-нибудь бедной старухе. Но Ключарев-то лучше других знает, что не поднимает он пьяных на улице, да и бедные старушки могут излишне не обольщаться... Ответа нет. Еще немного, и мысль Ключарева тонет и гаснет в слишком общей постановке этих старинных вопросов о Добре и Зле».

Пройдет еще пять-шесть лет (рассказ «Ключарев и Алимушкин»), и Ключарев вступает в «полосу везения». Вполне по заслугам его замечают на работе и предлагают соответствующую должность; на него обращает внимание и даже добивается благосклонности «очень красивая женщина»... И вот здесь-то проявляется некая, вроде бы даже и фантастическая закономерность: параллельно с его везением почти незнакомый Ключареву, но «такой остроумный и блистательный» Алимушкин начинает погибать. От него уходит жена, его прогоняют со службы, и в конце концов, несмотря на не очень большое, но все-таки участие со стороны Ключаревых, он и впрямь погибает. И в атмосфере подступающего заслуженного довольства зримо и незримо начинает витать старый гамлетовский вопрос на новый лад: «За чей счет быть или не быть?»

От ключаревской «полосы везения» совсем близко до «Полосы обменов», как называется другой рассказ Маканина, где одни люди желают обменять свою дешевую кооперативную квартиру на бо́льшую, на лучшую. И такой вариант находится — находятся другие люди, обедневшие (не стало мужа, ушедшего в мир иной). И происходит обмен. А уж заодно Ткачев, герой рассказа, с бывшим хозяином хорошей квартиры «обменялся» и его женой, теперь вдовой.

Ключарев решал свой маленький гамлетовский вопрос легко как раз и спокойно, совсем отрешившись от «старинных вопросов о «Добре и Зле»: «Счастья мало... Попробуй-ка одним одеялом укрыть восемь человек. Много ли достанется каждому?»

И Ткачев считает, что он стал просто и только другом Гели. «Он прислушивается к себе, к тому, что называют и так и этак, а чаще называют совестью. Но там тихо-тихо. Ничто не точит. Это удивительно, но там тихо».

А между тем они оба предают.

Особенно впечатляюще изображено это в «Отдушине» — истории того, как непривлекательный тугодум «мебельщик» Михайлов (правда, вступивший в полосу преуспеяния) не мытьем, так катаньем склонил на свою сторону симпатии, а потом и сердечную привязанность милой поэтессы Алевтины в соперничестве с имеющим перед ним все преимущества доктором наук Стрепетовым. А затем он это, по-настоящему дорогое ему Алевтинино сердце обдуманно и даже самоотверженно предает и продает тому же Стрепетову за возможность двум своим сыновьям, десяти- и девятикласснику(!), поступить наверняка в университет, которую обеспечивает доктор наук.

И здесь мы никак не можем согласиться с И. Дедковым (хотя готовы объяснить заблуждение критика: Маканин — писатель далеко не простой), который сводит все в рассказе к тому, «что блестящий математик и блестящий мебельщик притязают на любовь даровитой поэтессы. Притязают с переменным успехом... Человек у В. Маканина актерствует легко:

здесь он один, там другой, в третьем месте третий; здесь чист, там грязен, тут опять чист; личность ничем единым не связана, тем более ничему высшему, постоянному не подчинена. Предполагается, что все сосуществует: сделки, ложь, жестокость, принципы, правда, доброта... Никакого «обличения», никаких «грубых», «корыстных» чувств. Нас просто приглашают посмотреть на такую жизнь, понять ее живое естество, проникнуться ее желаниями и надеждами, посочувствовать, не судить строго и скоро...»

Да, «высшему» герои Маканина, увы, не подчинены. И их жизненные успехи — это успехи внешние, «обменные», не имеющие в своей глубине того сокровенного «во имя», которое рождает новое добро, а не перетасовывает, перераспределяет старое. Но это отнюдь не означает, что они «актерствуют»,— они незаметно для себя подчинились реальности, в которой существует неизменное «постоянство» мелких «экстремальных» ситуаций с маленькими «гамлетовскими» вопросами, которые маканинские персонажи решают в свою пользу, а не на пользу другим.

И всякий раз Маканин ставит своих героев не только перед выбором, но и перед необходимостью сделать его на наших глазах, открывая таким образом правду жизни, правду характеров,— и в этом его безжалостность художника. Но, видя, что выбор этот по человеческой сути не в их пользу, он, верно, не столько осуждает, сколько сочувствует им.

«И странная жалость постепенно проникает в меня. И ведь не прощаю я его, не христианничаю,— я точно знаю, что не прощаю его сейчас и не простил тогда, однако и жалость и прощение есть... Сочувствую, не ему конкретно. А всем нам. Такие вот мы, дескать, люди, что поделать...

И это ж, конечно, смешно объявлять хотя бы и шепотом, хотя бы и самому себе, что ты не судья. Это ж декларация, а главное, неправда. Не вся правда. То есть за эту самую несудейскую черточку точишь ведь себя и точишь, а затем вдруг вновь думаешь: а может быть, прав я в своем... И вновь ломаешь голову и вновь не знаешь, как оно будет жестче и как гуманнее,— вроде бы и понял и запомнил, но и сквозь суд свой и сквозь недолгую агрессивность все-то слышишь эту трогательную и мягкую ноту. Вроде как в себе носишь: не судья».

В этом признании сначала необходимо еще раз подчеркнуть слова: «Сочувствую, не ему конкретно. А всем нам»,— потому что здесь коренится отличие маканинской позиции от позиций тех из «сорокалетних», о ком шел разговор выше: они-то сочувствуют именно своим конкретным бедолагам. А второе — позиция «не судьи» по-новому выделяет Маканина из ряда писателей, первыми сказавших свое слово в раскрытии острых коллизий повседневности. Там был жар, там были крик, стычки — там действительно горячо и остро. У Маканина же интонация спокойная, мирная, почти теплая: люди изменяют друг другу приятельски, чуть ли не дружески. Ибо изменились сами, изменилась жизнь, предстали для них понятнее и устойчивее обстоятельства, все как-то притерлось, стало привычнее, благодушнее, какая-то истинно старосветская атмосфера вот-вот разольется — и такой вдруг стыд объемлет нас, и нежданная тупая боль входит в сердце... Потому что писатель сочувствует, но «категоричность» в подходе к изображаемому явлению отнюдь не «ослабляет».

Эпизод с «несудейской черточкой» перешел в маканинские «Голоса» почти в неизменном виде из раннего рассказа. Вообще в последней повести много возвратов к прежним персонажам, ситуациям, суждениям — писатель не просто повторяет наболевшее, ему явно все теснее и теснее в привычной сфере. И хотя в его произведениях все слышнее, отчетливее тема н е н о р м а л ь н о с т и человеческой замкнутости в повседневности, ненормальности жизни, в которой быт замкнут сам на себя, на примере Маканина тоже ясно видно: нацеленность на изображение жизни и м е н н о как повседневности с к о в ы в а е т, о г р а н и ч и в а е т.

Этот вывод в начале нашего разговора о творчестве «сорокалетних» представлялся не столь безусловным, поскольку заслонялся первоочередным: отсутствием достойного уровня художественной правды при воплощении избранных новейшими авторами характеров и обстоятельств жизни. На самом же деле он, конечно, однозначен, стоит только лишний раз проследить творческие пути тех, на кого мы имели здесь повод благоговейно оглянуться: Тургенева ли, Гоголя, или Чехова, или любого из классиков.

Говоря запомнившимися словами П. Палиевского, художники ищут не просто «новой», но «просветляющей правды».

Н. ЗАЙЦЕВ,
доктор искусствоведения

ТВ

В ДЕКАБРЕ 1917 ГОДА

Как революция училась защищаться от врагов... Как была создана и совершила свои первые решительные действия Всероссийская чрезвычайная комиссия по борьбе с контрреволюцией и саботажем... Об этом повествует новый четырехсерийный фильм «20 декабря», сделанный киностудией «Ленфильм» по заказу Гостелерадио СССР.

Сценарий написан Юлианом Семеновым, автором книги о Дзержинском, известным мастером приключенческого жанра, вырастающего на почве исторической хроники. Политическая актуальность сочетается у него с острой интригой, документальность — с вниманием к духовному миру героев. Эти качества авторского письма проявились и в сценарии «20 декабря».

В тот день — 20 декабря 1917 года — газеты сообщали об организации ВЧК. Мы видим проход Ленина между рядами актового зала в Смольном на трибуну Второго съезда Советов... Видим народ на Дворцовой площади; солдат в окопах... Керенский здоровается с юнкерами... Режиссер хочет сохранить атмосферу подлинности и в игровых кадрах фильма, чтобы не актер виделся зрителю, а герой истории; чувствуется забота о точности изображения. И все же грань между черно-белой хроникой и многоцветьем постановочного полотна не вполне преодолена, заметна театральная природа существования на экране некоторых участков картины.

В фильме более двухсот персонажей, среди них много исторических лиц. Перед зрителем проходит пестрая череда и тех, кто ненавидел революцию, активно противился ей: золотопогонные генералы в генштабе и во фронтовой ставке, агенты держав Антанты, саботирующие чиновники, меньшевиствующие «лидеры», эсеры... Особенно эсеры; именно они выступили боевой контрреволюционной силой в первые же дни после Октября, пытаясь обратить свой прежний опыт подпольной борьбы с царизмом против вставших у власти большевиков.

Советская власть поначалу весьма гуманно отнеслась к тем, кто выступил против нее: генерал Краснов был отпущен под честное слово; Ленин просил Дзержинского сделать примирительные шаги навстречу меньшевику Мартову; считал необходимым дать в Совнаркоме три наркомовских поста левым эсерам.

Большевики искренне хотели сотрудничать с честными силами русской демократии, и это отчетливо выражено в гуманных поступках Ленина — в его человеческом, психологическом облике.

Артист Кирилл Лавров показывает глубокую оптимистичность Ленина. Он живет напряженно: каждая минута движущейся истории несет новые трудности, возникают непредсказуемые драматические обстоятельства. Но каждый раз Ленин находит верное решение. И во всем, что происходит вокруг, он видит прежде всего победную перспективу.

Так и создание ВЧК явилось ответом революции на действия врагов.

Партитура роли Владимира Ильича развернута широко. Благодаря этому фильм из событийного стал фильмом политическим. Но здесь важны и лирические ноты. Важны кадры, когда видим Ленина вместе с Дзержинским на прогулке во дворе Смольного. Свежий снег декабря, голубое кружево собора. Или проезд в открытом автомобиле по набережной Невы, Ленин в кабинете, на заводе, в корабельной радиорубке, откуда обращается к фронтовикам с призывом брататься с немецкими солдатами. Но чаще всего мы видим Ленина в окружении его ближайших товарищей по партии, в среде, где обсуждаются насущные задачи, принимаются ответственные решения.

В роли Дзержинского, руководителя ВЧК, выступает Михаил Козаков. В его высокой, стройной фигуре, во всем облике видится что-то от героя романтического, даже длиннополая шинель порой напоминает плащ. Но чаще всего Дзержинский предстает в строгой гимнастерке защитного цвета. На лице — следы долгих лет тюрьмы и каторги, изнуряющих, бессонных ночей. Но оно озарено умом, верой в революцию.

Дзержинскому удается разгадать тактику террористов, под видом комиссаров грабивших и убивавших людей, которые решались на сотрудничество с новой властью. Помощники Дзержинского находят нити к разоблачению банды эсеров Лазарева (Э. Виторган), графа Эболи (Г. Дрозд). Эти зловещие убийцы хотели террором остановить движение истории...

В фильме отчетливо видна и детективная линия — разоблачение эсера Рыбкина (С. Паршин), который под видом красногвардейца Гусева проник в ЦК и действовал как подрывник. Линия Савинкова (В. Головин) более содержательна психологически. Бывший борец против самодержавной монархии, он теперь отворачивается от своего революционного прошлого, даже проклинает свою «недальновидность»: теперь он сам метит в диктаторы. Не получив поддержки у Плеханова (Э. Романов), человека честного, который не захотел выступать против большевиков, Савинков отправляется на Дон, к Каледину. Но и там он не встретил ни доверия, ни понимания: генерал презрительно и высокомерно отталкивает его.

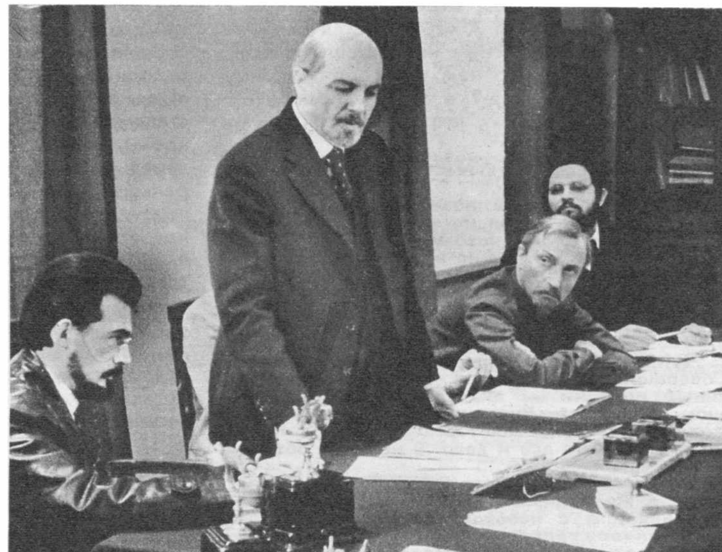
Среди персонажей враждебного лагеря примечателен английский резидент Рейли в сатирической трактовке С. Юрского.

В работе оператора фильма И. Багаева чувствуется внимание к крупным планам, портретной выразительности героев, в первую очередь к образу В. И. Ленина, сильно и умно воплощаемого К. Лавровым.

В финале мы видим Владимира Ильича в его комнате в Смольном. В этот вечер на него напали террористы, и лишь самоотверженность, мужество австрийского коммуниста Платтена спасают Ленина... Он долго не может заснуть, подходит к окну, всматривается в темноту ночи. Выглядывает в коридор — там пустынно, виден только часовой. Потом приходит Дзержинский. И Ленин говорит ему: «Тихо, выстрелов не слышно».

Тишина радует Ленина. Это признак укрепления Советской власти, четкой работы ВЧК.

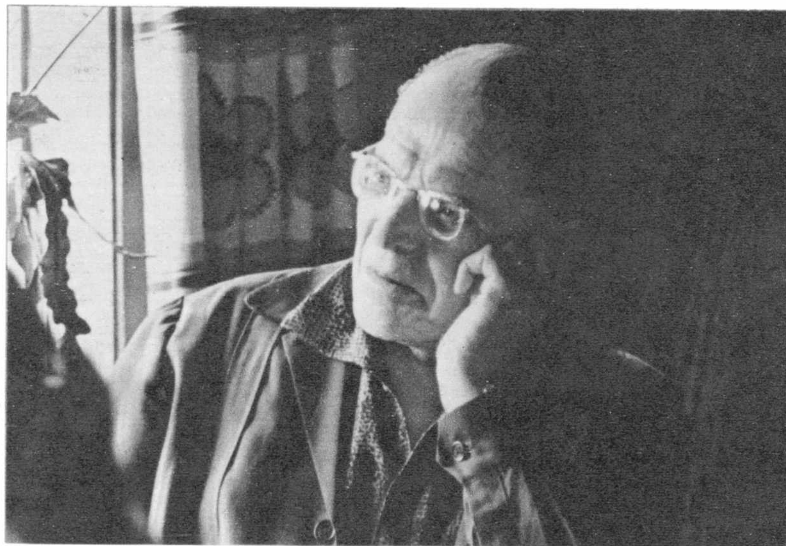
Революция сумела защитить себя.

Сцена из фильма. Фото В. Копытковского.

К 90-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ К. Г. ПАУСТОВСКОГО.

ЯСНОСТЬ И ПРОСТОТА

К. Г. Паустовский в Тарусе, апрель 1966 года (публикуется впервые).
Фото М. Савина

В. ЕНИШЕРЛОВ

«С течением времени, обычно с приближением зрелого возраста, у большинства писателей развивается резкая взыскательность к слову и неприязнь к многословию. Простота и ясность языка становятся великими законами подлинной прозы. Эти качества прозы в первую очередь определяют влияние прозы на сознание читателя. Этим и объясняется тот короткий, предельно сжатый жанр, который начинает господствовать в поздней прозе писателей, в частности в моей...» Конечно, К. Г. Паустовский был излишне щедр, когда говорил о «большинстве писателей», но абсолютно справедлив по отношению к себе. «Осенняя», как обмолвился однажды он сам, проза Паустовского сжата, как и поздняя проза любимого им Бунина. Трудно определить жанр многих поздних произведений Паустовского. Рассказ, эссе, путевой очерк слились в них воедино, образуя совершенно своеобразный, мало на что похожий сплав вольного и в то же время предельно точного лирического повествования, созданного рукой превосходного, великолепно владеющего материалом мастера.

Когда-то Чехов сказал, что настоящий писатель — это то же, что древний пророк: он видит яснее, чем обычные люди. Слова эти поразительно подходят к творчеству Паустовского. Именно он как бы заново открыл для миллионов людей простую, неброскую красоту природы серединной России. Писатель увидел в этом скромном крае цветущих лугов, вековых боров-беломошников, темных лесных озер, обширных болот поэтичную, неповторимую страну, полюбил ее до боли в сердце и рассказал о ней так, что многие оглянулись вдруг окрест себя и замерли в изумлении — вот, оказывается, он какой, наш край. Книги Паустовского не только несли преклонение перед красотой своей страны, но и тактично, ненавязчиво учили любви...

Несколько лет в конце жизни провел Константин Георгиевич в небольшом городке Таруса на Оке. Здесь он и похоронен. Трудно найти более русский, более мягкий и разнообразный пейзаж, чем в Тарусе и ее окрестностях. Недаром Николай Заболоцкий здесь писал:

В очарованье русского пейзажа
Есть подлинная радость, но она
Открыта не для каждого и даже
Не каждому художнику видна.

Когда поднимаешься на обрывистый, поросший старыми седыми березами тарусский холм над Окой, к изваянному из серого песчаника «Спящему мальчику», памятнику чарующему художнику Борисову-Мусатову, когда смотришь с холма на широкую Оку, на почти беспредельную даль ее лугов с синеющей на горизонте дымчатой кромкой леса, тогда до конца понимаешь, какой художественной силой, каким обостренным чувством любви к родной земле обладал писатель, сумевший передать на страницах своих книг эту простую, пронзительную красоту. «Я плыл на лодке вниз по реке и вдруг услышал, как в небе кто-то начал осторожно переливать воду из звонкого стеклянного сосуда в другой такой же сосуд. Вода булькала, позванивала, журчала. Звуки эти заполняли все пространство между рекой и небосводом. Это курлыкали журавли» — читаем мы в начале рассказа «Наедине с осенью», произведении, удивительном своей поэтичностью и в то же время глубиной ощущения необъяснимой внутренней связи истинного искусства и природы. В созданную писателем картину осени с ее как бы обрызганными киноварью деревьями, тончайшими, будто сделанными из старого темного золота листьями увядающих лесов, мелодичным кликом журавлей, тянущих на юг, органично вливаются строки гениального лермонтовского «Завещания»:

Наедине с тобою, брат,
Хотел бы я побыть:
На свете мало, говорят,
Мне остается жить!
Поедешь скоро ты домой:
Смотри ж... Да что? Моей судьбой,
Сказать по правде, очень
Никто не озабочен.

Как-то один из писавших о Паустовском решил перечитать все стихотворения, которые ввел он в свои произведения, и был поражен превосходной поэтической антологией — от Пушкина, Лермонтова, Блока до Заболоцкого, Мандельштама, Луговского, — хранимой в памяти Паустовским. Он поистине жил и дышал поэзией. Лирическое начало его прозы идет, конечно, не только от миросозерцания, но и от осознания глубочайшего значения поэтического слова и образа. Не случайно одну из статей он так и назвал — «Поэзия прозы»: «Проза — это ткань, поэзия — уто́к. Жизнь, изображенная в прозе, лишенной какого бы то ни было поэтического начала, является грубым и бескрылым натурализмом, никуда нас не зовущим и не ведущим. Фадеев как-то сказал, что проза должна быть крылатой. Этого нельзя забывать... Ничто так не омолаживает слова, как поэзия. В стихах слова приобретают свою первоначальную свежесть, силу, музыкальность. От прикосновения поэзии слова наполняются подлинным своим содержанием».

Но вернемся к рассказу «Наедине с осенью».

Строки Пушкина, Лермонтова, Баратынского, Пастернака переплетаются в нем со словом самого Паустовского, естественно входят в повествование, и на наших глазах рождается шедевр литературы. Шедевр по блеску, лаконичной образности языка, по внутренней силе, поэтичности и динамике образов. Сама проза Паустовского в этом рассказе достигает подлинных вершин поэзии. «Но стоит выйти на крыльцо, как осень окружит тебя и начнет настойчиво дышать в лицо холодноватою свежестью своих загадочных черных пространств, горьким запахом первого тонкого льда, сковавшего к ночи неподвижные воды, начнет перешептываться с последней листвой, облетающей непрерывно и днем и ночью. И блеснет неожиданным светом звезды, прорвавшейся сквозь волнистые ночные туманы. И все это покажется вам великим шедевром природы, целебным подарком, напоминающим, что жизнь вокруг полна значения и смысла».

Почти неуловимо напоминает эта проза лермонтовское:

Выхожу один я на дорогу;
Сквозь туман кремнистый путь блестит;
Ночь тиха. Пустыня внемлет богу,
И звезда с звездою говорит.

Как и к любому подлинному произведению искусства, к нему можно обращаться множество раз, всякий раз открывая для себя все новые и новые, не замеченные ранее глубины и дали.

Рассказ Паустовского несет в себе какую-то колдовскую тайну, она сродни загадке глядящих сквозь века древних фаюмских портретов, тайне скульптур великого Родена и непреодолимой тоске и глубокой грусти по утраченной родине, что слышится в мазурках и полонезах Шопена.

И кажется не случайным, что последняя книга, вышедшая при жизни К. Г. Паустовского, носит имя этого рассказа — «Наедине с осенью».

Роден в завещании писал: «Для художника все прекрасно, потому что в каждом существе, в каждой вещи проницательный взор его открывает характер, то есть ту внутреннюю правду, которая просвечивает сквозь внешнюю форму. И эта правда есть сама красота». Паустовский обладал необычайным даром — находить и открывать людям эту правду. Какой бесконечной грустной и всепроникающей любовью к красоте родной страны наполнен рассказ «Ильинский омут». Это настоящая «живопись словом». Писатель сумел создать образ одного из самых прекрасных мест средней России. И этот крохотный уголок отчей земли становится под его пером символом огромной беспредельной Родины, символом России с ее широкими реками, ветлами, купающими ветви-руки в прозрачной воде, необозримыми просторами и старыми деревянными мельницами, пропахшими солнцем и мукой.

Это его Родина, любовь к которой выросла и укрепилась в долгих бедах и радостях, скитаниях и странствиях, выкристаллизовалась, когда на весы любви писателя к России «кто-то невидимый» ставил маленькие драгоценные гирьки, сделанные в Париже и Лондоне, Риме и Афинах. Потому так искренне звучат поистине исповедальные слова Паустовского: «Я полюбил Францию давным-давно. Сначала умозрительно, а потом вплотную, всерьез. Но я не мог бы ради нее отказаться даже от такой малости, как утренний шафранный луч солнца на бревенчатой стене старой избы. Можно было следить за движением луча по стене, слушать голосистые вопли деревенских петухов и невольно повторять знакомые с детства слова:

На святой Руси петухи кричат.—
Скоро будет день на святой Руси...»

...О любви Паустовского к родной природе можно говорить бесконечно.

К. Г. Паустовский многое открыл, многому научил и продолжает учить людей своими книгами — прежде всего честному взгляду на жизнь, любви к своей земле, беззаветному служению искусству и верности мечте. Девизом его жизни могли бы быть слова Блока:

Как мало в этой жизни надо
Нам, детям, — и тебе и мне.
Ведь сердце радоваться радо
И самой малой новизне.

Случайно на ноже карманном
Найди пылинку дальних стран —
И мир опять предстанет странным,
Закутанным в цветной туман!

Столица автономной области — Горно-Алтайск.

ГОРНО-АЛТАЙСКОЙ АВТОНОМНОЙ ОБЛАСТИ — 60 ЛЕТ

ЗА БЕЛОГРИ

Н. ХРАБРОВА, фото Г. РОЗОВА, специальные корреспонденты «Огонька»

У Горно-Алтайска Чуйский тракт осенен березовыми и тополиными аллеями. Дальше он то плавно, то круто уходит вверх, рассекает пади и хребты, и очаровывает, и восхищает. Тракт подходит к концу, точнее, он уходит в Монголию, а я остаюсь в родных пределах, в Кош-Агачском районе. Этот район дает Горному Алтаю значительную часть козьего пуха, а Горный Алтай — весьма заметный его поставщик у нас в стране. Пух же козий идет на знаменитые оренбургские платки. Надо ехать еще дальше, и где-то среди вершин Тархатинского хребта, на горных пастбищах познакомиться с Солтоном Маскановым.

Все выше и суровей становятся горы, и соответственно исчезают леса, между скалами обозначаются каменистые, поросшие пружинисто-плотным разнотравьем плато. Земля, на которой приютилось несколько десятков приземистых бревенчатых домов районного центра, городка Кош-Агач, оказалась будничной, пустынной и по-высокогорному знобкой.

— Среди многих толкований нашего названия Кош-Агач есть даже такое — «Завеса из деревьев»,— рассказывал секретарь райкома партии Валерий Иванович Чаптынов.— Явно когда-то здесь был лес, и могу пообещать — снова будет. Им станут вот эти прутики ивы и ершики молодых елок, за которыми мы ухаживаем, как за малыми детьми.

Валерий Иванович говорил о Кош-Агачском районе:

— Феномен! Перепад высоты от полутора тысяч метров до четырех с половиной тысяч, на территории нашего района находится самая высокая вершина Алтая — Белуха. Температура колеблется от тридцати пяти жары до шестидесяти холода: Ташкент и Норильск одновременно. Мерзлота дополняется высокой, до восьми баллов, сейсмичностью, посему новые строения должны быть одновременно и антимерзлотными и антисейсмичными. И ничего — живем, работаем. Есть у нас школа-десятилетка, молодежь тянется к высшему образованию, а обучившись, возвращается в район, так что социально-экономический план развития района у нас обеспечен молодыми кадрами.

...Утро наступило вместе с холодным дождем, а вершины гор побелели на глазах: там началась метель. Выяснив, что последний снег здесь обычно идет в июне, а первый выпадает в июле, мы и отправились туда — в туман, дождь и снег, в горы — к чабану Солтону Масканову, делегату XXVI съезда партии. Дорога кружила, петляла и швыряла нас, как хотела. Через четыре часа, кругами объехав извилины реки Тархаты и подножия нескольких гор, мы увидели черно-белое стадо коз под облаками и светлую войлочную юрту Солтона Масканова в распадке Аюта, что значит Медвежье.

Хозяйку юрты Дьыламаш я узнала сразу — видела фотографию на Доске почета в парткабинете в Кош-Агаче: строгое лицо с высокими скулами, большие очки в красивой оправе. Трое детей поздоровались и молча сели в сторонке. Дьыламаш подбросила кизяк в круглую жестяную печь, куда-то отправила сынишку, и через несколько минут появился Солтон.

Дьыламаш подала чай и алтайское лакомство — подсушенные сливочные пенки и сказала:

— В этой юрте помещалось двадцать человек целых десять дней, всем было хорошо, гости для нас — радость. Но если сразу надо говорить о деле, можно и сразу.

Солтон улыбнулся, выпил чаю и рассказал, что его отец и дед пасли здесь же, в Тархатинской долине, яков. Сам он в основном помнит дела колхозные, когда тут стали на овцах и козах специализироваться. В тридцатых годах приезжала в Тархату ученая русская женщина Лидия Степановна Окулич-Казарина, она научила местных жителей бонитировке и

Козовод Солтон Масканов.

В национальной алтайской школе.

Репетиция в Горно-Алтайском театре.

ВЫМИ ХРЕБТАМИ

формированию стад, ей помогал Владимир Григорьевич Альков, нынче он работает в Горно-Алтайске директором Алтайского отделения ВНИИОК — Всесоюзного научно-исследовательского института овцеводства и козоводства. Они двое и есть основатели пухового козоводства в Тархате и вообще на Алтае. Раньше были беспородные стада, теперь есть уже и не группа, а самостоятельная, очень ценная порода — называется «горноалтайская порода пуховых коз».

Солтон позаботился о новом круге чая и продолжил:

— Пух очень длинный и тонкий. Длина — от десяти до двенадцати сантиметров, тонина в среднем полмикрона, бывает и тоньше. Как вам кажется, триста сорок два центнера пуха — много или мало?

— Не знаю.

— Я вот думаю, что много. За такой вес наш район получил два миллиона сто тридцать четыре тысячи рублей.

— В выведении и сохранении такой редкостной породы должны ведь быть какие-то особенности. Что же в вашей работе главное?

— Наверное, чтобы глаз с коз не спускать. Мы втроем работаем — я, Дьыламаш и дочь Марина, они обе помощники чабана. Женщины тоже пастбища хорошо знают: где какая трава весной раньше появляется, на каких склонах зимой легче добывать корм, где в жару ветерок бывает — без прохлады козы худеют. Лизунцов — соляные брикеты это — не дашь неделю, сразу как от болезни отощают. А без микроэлементов подшерсток будет никуда не годный. Зимники нельзя строить без вентиляции: ночью животные вспотеют, выйдут на холод поутру — простудятся. Еще вредное было дело — мокрая подстилка. Попробовал я для своей отары этек — сухой навоз. Каждое утро уберешь, высушишь, измельчишь, вечером опять стелешь — хорошо в зимнике козам, если снизу тепло и сухо, а сверху ветерок идет. Теперь по всему нашему району этек применяют.

Еще Солтон рассказывал о ческе пуха. Как готовит коз к ней — заранее не пускает на закустаренные пастбища, чтобы шерсть не обдирали, больше заставляет в снегу «поплавать», снег хорошо очищает пух. На ческу в урочище Аюта приезжают старшеклассники да и все свободные жители из колхоза и из Кош-Агача. Дьыламаш набирает себе помощников, готовит на всех. Платят за ческу хорошо, стараются молодежь приставить к опытным чесальщикам, Солтон говорит: «Чтобы дело из рук не выпускать».

...Мы вышли из юрты. Свет фар двумя полосами пробивался сквозь морось. Дети пригнали отару к самой юрте. Семьсот пятьдесят коз стали полукругом, отряхивая блестящие на свету капли, лоснясь промытой дождем длинной шерстью. Мокрые сторожевые собаки бродили вокруг стада.

Пятеро из ущелья Аюта долго махали нам вслед: двое взрослых и трое детей. Меня вдруг пронзила острая печаль: я вот уезжаю вниз, в тепло, в мир быстролетных лайнеров и освещенных городов, а они остаются в темноте под дождем. Наедине со своей круглосуточной работой, с мокрыми горами в шапках снега и туч, с изматывающей нервы заботой — я же видела, как Солтон сквозь войлок стен каким-то инстинктом все время понимал, что происходит со стадом.

Машина тронулась, вскинув перед радиатором радужный веер воды,— теперь дорога была похожа на реку с размытым, неровным дном. Зубчатая линия между горами и небом едва различалась в темноте. Вспомнились слова Солтона: «Кто-то любит город, кто-то горы...»

Следующее утро было теплым и светлым. Автобус увозил меня из Кош-Агача в Горно-Алтайск и оттуда в Барнаул. Я прощально, жадно и неотрывно глядела в окно. Со склонов лиловых скал серыми реками стекали осыпи. Распахнулся вдруг фантастический мир разноцветных гор и ярко-зеленой долины среди них, исчез из виду и навсегда остался в памяти. Звенели по камням прозрачные горные речки, сливались в Чую. Чуя неслась к Катуни. В спокойном достоинстве стояли вдоль тракта деревни, дома из светло-коричневых тесаных кедровых да лиственных бревен, а наличники белые и голубые. Чуточку замирало сердце от крутизны поворотов «тещиного языка», от высоты Чикета. Внизу, в долинах, покоилась солнечная дымка. Уже очень далеко за туманами остались белогривые Тархатинские хребты — родина Солтона Масканова.

...Как хорошеют женщины, набрасывая на плечи оренбургский платок, как светлеют лица их сыновей, когда они протягивают матерям в подарок невесомое, нежное чудо.

И как хотелось бы, чтобы, окутываясь кружевным теплом, вспоминали иногда женщины Солтона: ведь в каждом платке есть частица пуха из отары Масканова.

АМПУТАЦИИ НЕ БУДЕТ!

**Сергей ВЛАСОВ,
фото
Эдуарда ЭТТИНГЕРА**

Клиника травматологии и ортопедии московского мединститута имени Н. А. Семашко.

На операционном столе лежит человек, который в течение почти двадцати лет был инвалидом. Трофическое рассасывание верхней части бедренной кости привело к тому, что нога болтается, как плеть: не встать на нее, не поднять, не повернуть. Ненужный, мешающий орган, скрывающий к тому же серьезную опасность для человека: за эти двадцать лет было сделано множество операций, раны на лишенной подвижности ноге заживали плохо и гноились, и это создавало угрозу общего заражения. Не однажды ногу предлагали ампутировать. Больной отказывался, хотя смирился уже с неизбежной потерей. И вот теперь появилась надежда. Точнее, уверенность, потому что для заведующего клиникой профессора Айдына Саларовича Имамалиева такие операции стали обычными.

Было решено дефект заместить куском кости, взятой от трупа; пересадка должна была восполнить разрушенный болезнью участок, обеспечить ноге опорность и дать возможность восстановить движения.

А ведь еще недавно операции, подобные этой, заканчивались неудачей, несмотря на филигранную технику хирургов: организм больного противился вторжению чужеродной ткани, и через какое-то время после пересадки донорская кость бесследно исчезала, рассасывалась — срабатывал механизм биологической несовместимости. Хирурги нашли выход из положения: негодные суставы стали замещать металлическими или пластмассовыми. Широкую известность получили суставы советских ортопедов Сиваша, Гудушаури, Шершера. И все-таки врачей не оставляла идея найти способ использовать материал, созданный самой природой, ведь при этом (если бы, конечно, удалось преодолеть иммунологический барьер) донорская ткань постепенно должна замещаться тканью больного, и через несколько лет пересаженная кость должна заместиться точно такой же — своей. И тогда никакой рентген, никакие исследования не могли бы отличить «оригинал» от «подделки». Но вся беда в том, что никто пока не знал, что надо сделать, чтобы не произошло отторжения чужой ткани, никто не знал, как ее надо готовить к пересадке.

Хотя спасительные идеи были рассыпаны, словно жемчужные раковины по морскому дну. Только попробуй узнай, в какой есть то, что тебе надо. Еще полвека назад В. П. Филатов при пересадке больному роговицы случайно (его пациент заболел гриппом, и операцию отложили на два дня) заметил, что роговица, пролежавшая эти два дня в холодильнике при температуре, близкой к нулю, прижилась лучше, чем свежая. Этот случай мог бы стать подсказкой для решения проблемы, но многие не заметили «жемчужины» и прошли мимо.

Какие только способы хранения и обработки суставов, предназначенных для трансплантации, не предлагались! Их консервировали и в соединениях ртути, и в плазме крови, и в растворе меда... И все же при использовании всех этих хитроумных методов желаемого результата хирурги не получали: пересаженная ткань погибала и рассасывалась, не успев заместиться тканью реципиента.

А. С. Имамалиев был одним из первых советских исследователей, кто в середине пятидесятых годов предложил для консервации тканей использовать холод. Найденная им температура (минус семьдесят градусов) сегодня внедрена в практику современной медициной для хранения всех тканей опорно-двигательного аппарата человека. Решение это пришло не сразу, конечно. «Сразу» в науке ничего не бывает. Годы и годы тщательных, упорных экспериментов, блужданий и ошибок предшествовали открытию.

Сначала, правда, Имамалиев (тогда он только что пришел на работу в Центральный научно-исследовательский институт травматологии и ортопедии имени Н. Н. Приорова) задавался совсем другой целью: создать костный банк. Он был создан, что особого труда не составило, и об этом можно было бы не говорить, если бы его создание не привело ученого к удивительному выводу. Анализируя сроки хранения органов и результаты операций, он заметил, что чем дольше содержится ткань при низкой температуре, тем она лучше приживается. Наконец был определен критический срок — тридцать дней. Столько времени, не меньше, надо держать предназначенный для пересадки сустав в холоде, чтобы исключить возможность отторжения. Вскоре появилась и гипотеза, объясняющая явление: за этот период клетки крови и костного мозга частично разрушаются, и трансплантат уже не вызывает в чужом организме бурной иммунологической реакции.

Весной 1955 года (по случайному совпадению в день рождения академика Николая Николаевича Приорова, человека, которого Имамалиев считает одним из своих главных учителей и наставников) была проведена первая в нашей стране экспериментальная операция по пересадке суставного конца кости, консервированного при низкой температуре. Двадцать лет спустя книга Имамалиева, посвященная этой проблеме, была удостоена высшей хирургической награды страны — диплома имени Н. И. Пирогова. А еще через два года ему была присуждена Государственная премия СССР.

Разработанные Имамалиевым и его коллегами методы пересадки суставов и костных фрагментов произвели переворот в ортопедической науке. Стали возможны совершенно недопустимые ранее операции. Если раньше больному неминуемо грозила ампутация, то теперь был найден способ сохранения конечностей. Трудно подсчитать, скольких инвалидов за эти двадцать лет методика Имамалиева вернула к нормальной жизни. Она применяется сегодня в большинстве ортопедических клиник страны, все чаще ее используют и зарубежные хирурги. Неоднократно иностранные коллеги приглашали Имамалиева прочитать цикл лекций на курсах по усовершенствованию врачей.

Так приходит признание.

Если бы тридцать пять лет назад двадцатилетнему Айдыну сказали, что он когда-нибудь будет читать испанским хирургам лекцию о методах замещения тазобедренного сустава, да еще в старинном барселонском замке XIV века, ни за что бы не поверил. Учился он тогда в Баку, в мединституте, играл в футбол. После окончания института направили его в Шемаху, в районную больницу. Здесь он вдруг увлекся ядовитыми змеями и лечением от их укусов. В выходные отправлялся на Кобыстан ловить гюрз, из их яда делал и исследовал противозмеиные сыворотки; однажды пришлось испытать их действие на себе. Вскоре появилась диссертация, посвященная лечению от змеиных укусов. Приехал в Москву ее защищать и здесь остался — увлекся ортопедией.

Сегодня главного ортопеда Москвы, ученого, почти треть века возглавляющего отдел консервации тканей ЦИТО, вряд ли кто-нибудь даже из самых близких друзей захочет упрекнуть в непоследовательности жизненного пути, в том, что в свое время разбрасывался, а сам Имамалиев в те годы, когда решалась его судьба, не мог не упрекать, не ругать себя за отсутствие ясной, осознанной цели. Ругал, впрочем, как и многие, кто не уверен, своим ли делом занимается. А сколько таких людей! Скольким из нас это сомнение не дает покоя, вселяет неуверенность, лишает полета мысли, вдохновения. К счастью для себя, Имамалиев обладал редкой способностью все начинать сначала на новом месте.

Теперь, найдя себя, найдя то единственное дело, которому только и хочется служить преданно и самозабвенно, теперь можно, оглянувшись на пройденный путь, поразмышлять о превратностях судьбы, о счастье делового человека. То, что оно возможно и достижимо, для Имамалиева бесспорно: его собственная судьба тому подтверждение. Но вот вопрос: как его отыскать и что для этого нужно? Можно ответить всего двумя словами — нужна одержимость. Одержимость, чтобы довести дело до конца, до завершения, до совершенства, до вершины. Только с этой вершины можно по достоинству оценить пройденное, сделанное; только с этой вершины можно заметить другие вершины, которые, вероятно, тебе придется достигать.

Об одержимости Имамалиева можно говорить много. Приведу лишь один пример. В поисках наилучшего способа консервации тканей ученый проводил сотни экспериментов на собаках. Результаты оценивались по рентгеновским снимкам, их надо было делать много и часто, чтобы получить ясное представление о состоянии трансплантатов в разные периоды после пересадки. Но разве животным объяснишь, что во время рентгена необходимо лежать смирно. Они, конечно, шевелились, и снимки получались нечеткими, размытыми. Во избежание этого Имамалиев удерживал собак перед аппаратом руками, ласково уговаривал их лежать спокойно. Были сделаны тысячи снимков, прежде чем он понял, что с его здоровьем что-то происходит. Но и тогда инстинкт цели оказался сильнее инстинкта самосохранения. Продолжал работать, пока однажды не упал в обморок. Врачи обнаружили изменения в его крови — результат недопустимо высокой дозы облучения.

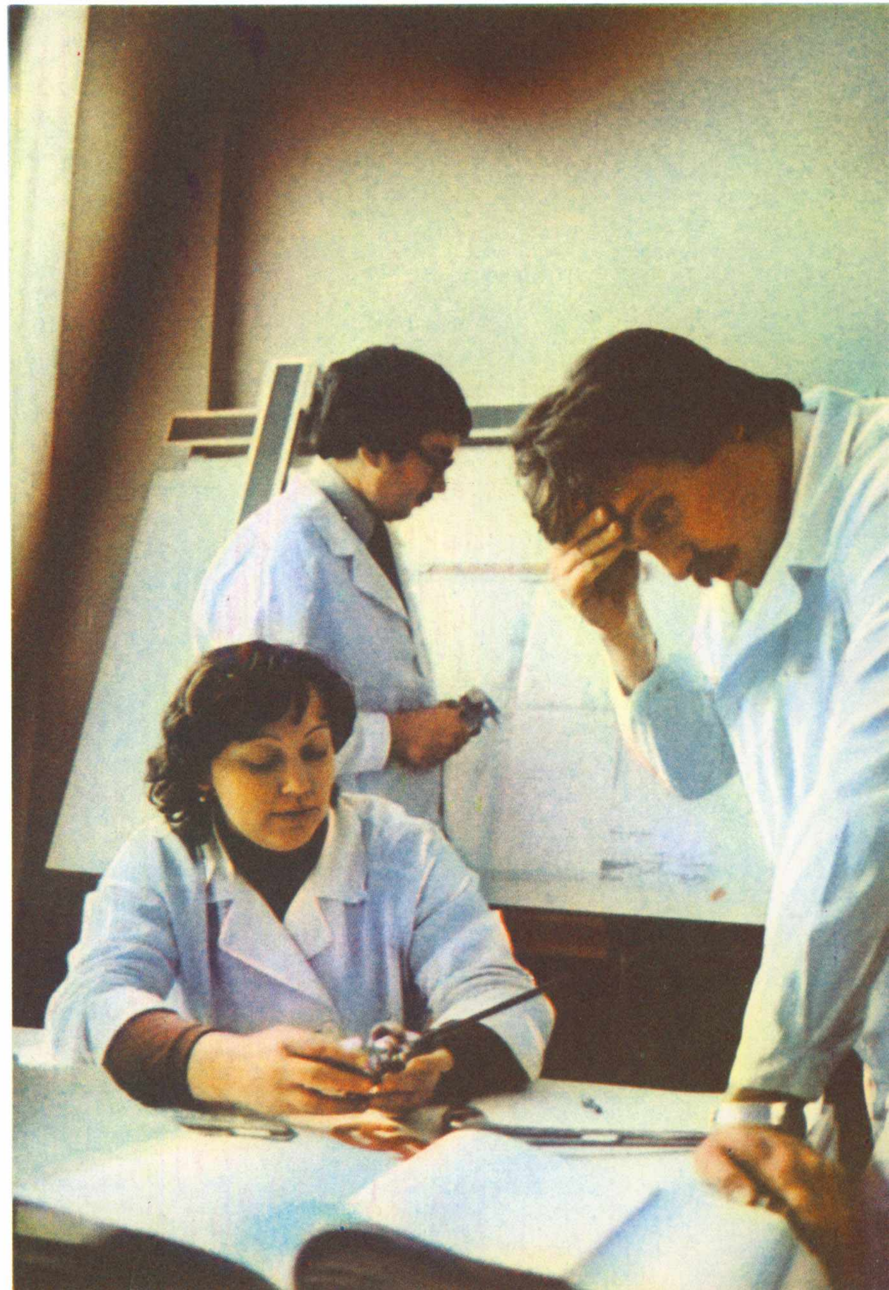
Откуда в человеке берется такое неистовство? Возможно, от любви к людям, возможно, от жажды совершенства, что, наверное, одно и то же. Кто научил этому Имамалиева? Если вообще этому можно научить, то, конечно, в первую очередь родители.

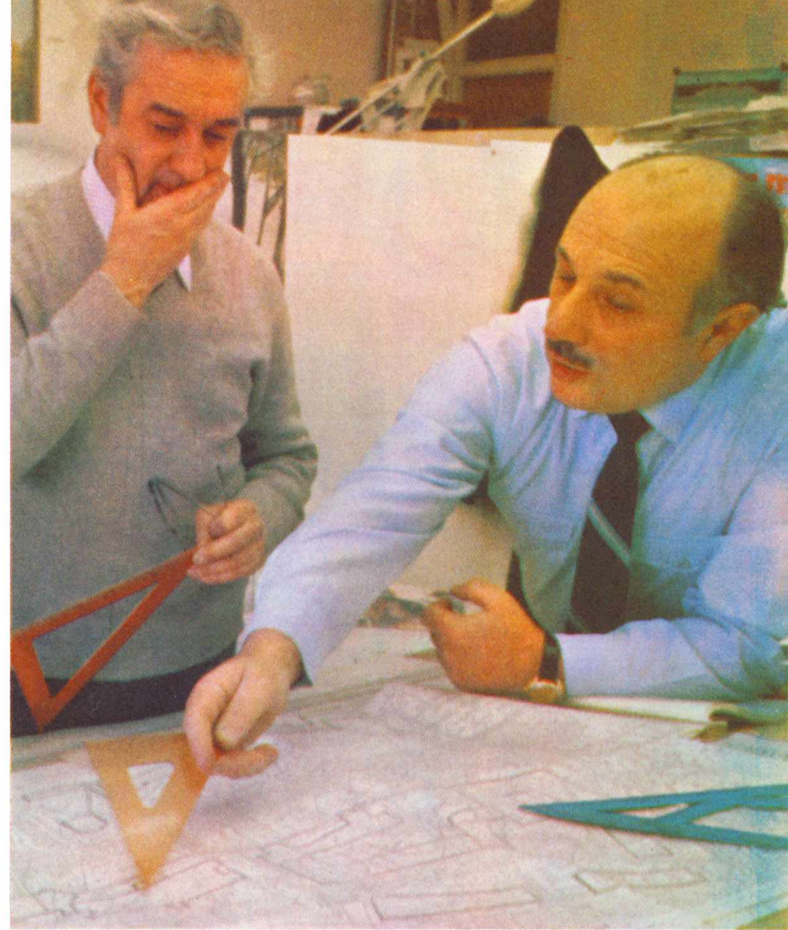
— Всему хорошему я обязан им,— говорит Имамалиев.

●

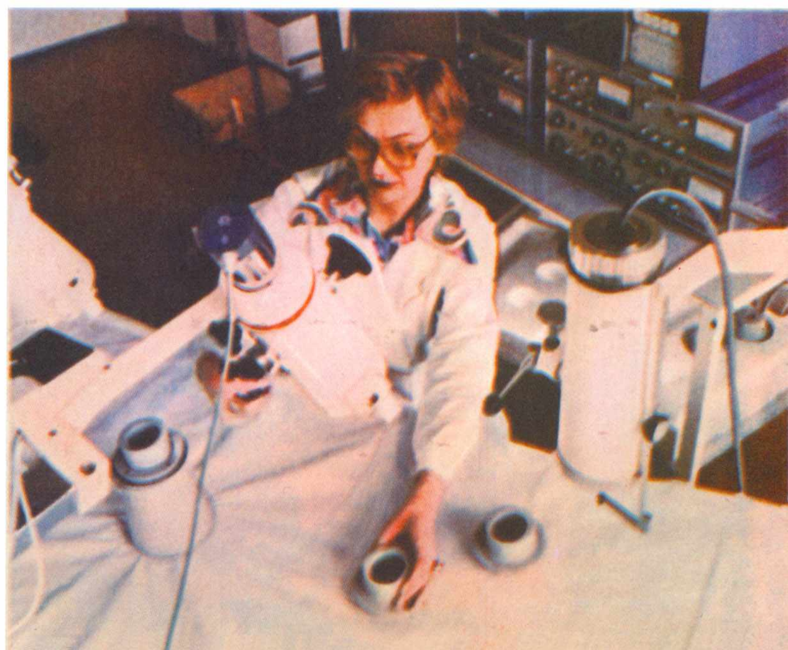
Специализированная «Скорая помощь» на месте происшествия * Профессор А. С. Имамалиев разбирает с коллегами будущую операцию * Конструируется сустав.

Вот строки из письма его матери Гюльзар Манаф-кызы, профессора, заведующей кафедрой инфекционных болезней Государственного медицинского института имени Н. Нариманова: «...Никогда дружба твоя, дорогой сынок Айдын, не должна служить корыстным целям, во всяком случае, корыстные цели не должны являться основой для дружбы... Нужно уметь воспитывать в себе выдержку, терпимость. Помни, люди неоднозначны. Умение сдерживать свои страсти есть тон хорошего воспитания, но этому умению никто тебя не научит, кроме тебя самого. Воспитывая себя, ты воспитываешь и тех, кто тебя окружает. Как и они, воспитывая себя, постоянно формируют и твой характер...»

Его отец, Салар Агарафиевич Имамалиев, тоже врач, почти сразу после окончания института был назначен наркомом здравоохранения Дагестана...

— Мне часто везло в жизни,— говорит Айдын Саларович,— но больше всего повезло с родителями и с учителями.

Он принял эстафету поколений и теперь передает ее своим ученикам. Несколько лет назад в государственный план народного хозяйства страны была включена научная работа, посвященная важнейшей проблеме трансплантологии — определению подходящего донора для того или иного реципиента. В работе приняли участие виднейшие специалисты, она явно сулила успех, и, забегая вперед, скажем, что она действительно окончилась триумфом: в результате исследований были получены сыворотки, с помощью которых практические врачи, хирурги могут с большой достоверностью определять степень иммунологической близости пересаживаемой ткани и организма больного. Надо ли говорить, насколько это важно для решения проблем трансплантации, для человечества в целом! И все-таки Имамалиев счел нужным отказаться от этой важной темы и поручить ее молодым ученым, приехавшим в ЦИТО из Азербайджана. Он не просто подарил им интересную тему, он постоянно давал советы, подсказывал, когда работа заходила в тупик, и в итоге помог ее завершить. Для молодых врачей это был не только профессиональный урок, но и урок бескорыстия, урок человечности.

Имамалиев — человек, бесконечно увлеченный своей работой, неудивительно поэтому, что он умеет увлечь ею и других. Как-то, будучи на отдыхе далеко от Москвы, он узнал, что в соседнюю районную больницу привезли человека с острой травмой. В больнице дежурил молодой врач, операции, необходимой в данном случае, никогда не делал. Пришлось Айдыну Саларовичу отправиться к нему на помощь. А гостил он в семье, где дочь уже второй год училась в торговом техникуме, она-то и взялась проводить его до больницы. Имамалиев уговорил ее пойти с ним в операционную. Потом Айдын Саларович долго рассказывал ей о травматологии, о пересадке суставов... Осенью девушка оставила техникум, перешла в медицинское училище, а теперь работает операционной сестрой в той самой больнице.

У главного ортопеда столицы, конечно, много забот. Одна из них — создание системы, именно системы ортопедической помощи.

— Как это ни грустно сознавать,— говорит Имамалиев,— но такой системы в Москве до сих пор нет, а она крайне нужна городу. Обследования, проведенные специалистами ЦИТО совместно с Главным управлением здравоохранения Москвы, показали, что в столице на одну тысячу взрослого населения в среднем приходится 122 ортопедических больных, причем у каждого пятого из них патология носит множественный характер, например, остеохондроз позвоночника и деформирующий артроз того или иного сустава. Это не значит, что всех этих людей надо укладывать в клинику или оперировать, но следует иметь в виду, что все они периодически вынуждены обращаться к врачу, и чаще всего такой визит заканчивается выдачей больничного листа. В нашей клинике было проведено обследование: в течение восьми лет наблюдались более четырехсот больных с коксартрозом, то есть заболеванием тазобедренного сустава. Оказалось, что у них от начала болезни до операции проходит в среднем пять — семь лет. За это время они бюллетенят (а коксартрозом чаще болеют люди в работоспособном возрасте) четыре-пять месяцев в году. Но разве в остальное время они здоровы? Нет. В остальные месяцы года они периодически испытывают или сильные боли или нудящие терпимые, но все-таки очень мешающие нормальной жизни. Вот и выходит, что такого человека, хоть он и не числится в инвалидах, нельзя считать здоровым, и его надо, не откладывая, пока болезнь не запущена, срочно лечить. Но весь вопрос в том, как выявить таких больных? К сожалению, даже в Москве очень слабо развита система ранней диагностики ортопедических заболеваний. Кабинеты травматологов-ортопедов в поликлиниках не решают проблемы, потому что обслуживают в них прежде всего пациентов с травмами, требующих экстренной помощи, а ортопедических больных принимают в последнюю очередь, и они, желая даже попасть на прием, часто уходят, как говорится, не солоно хлебавши. А иногда, зная о таком к себе отношении, они и вовсе не обращаются к специалистам, болезнь же тем временем делает свое дело. Из здорового почти человека, которому и надо-то всего было раз-два в неделю ходить на профилактические процедуры или на лечебную гимнастику, она делает полуинвалида, обреченного на сложнейшую операцию.

Если подсчитать, во сколько обходится государству такая беспечность (и пациентов и наша собственная — имею в виду организаторов здравоохранения), то мы получим астрономические цифры. Убытков этих можно избежать. И выход уже найден. В Пролетарском районе Москвы появилась первая в городе специализированная ортопедическая поликлиника. Больные могут получить здесь и консультацию специалиста, и квалифицированную помощь, и эффективное лечение. Но, к сожалению, пока это единственная реабилитационная поликлиника на весь город. Такие поликлиники нужны в каждом районе столицы. Они обойдутся (с учетом типовых проектов) не дороже 130 тысяч рублей каждая, но окупятся в считанные месяцы. Как показал опыт многих клиник мира, у больных с переломами костей полное восстановление функций опорно-двигательного аппарата в специальном реабилитационном отделении (подобном тому, что создано в поликлинике Пролетарского района) происходит вдвое быстрее, нежели при обычном амбулаторном лечении. То есть вместо восьми месяцев высококвалифицированный рабочий пребывает на больничном четыре месяца. Представляете, какая экономия! Да разве только в деньгах дело, когда речь идет о здоровье человека!

Так что если смотреть на проблему широко, по-государственному, то строительство специализированных ортопедических отделений стало сегодня насущнейшей необходимостью. Ведь правильно организовав систему профилактики и лечения ортопедических больных в Москве, результат этого своеобразного эксперимента можно будет перенести на всю страну. Именно так мы и поставили вопрос на коллегии Главного управления здравоохранения Мосгорисполкома, но — увы! — пока его решение продвигается очень медленно...

Об этих проблемах рассказал А. С. Имамалиев на встрече за круглым столом журнала «Огонек», куда он приехал, не без труда выкроив время из своего напряженного рабочего графика. И действительно, у заведующего клиникой травматологии и ортопедии, расположенной в помещении 59-й городской больницы, сейчас беспокойное время. Айдын Саларович задумал на ее базе создать травматолого-ортопедический комплекс с медицинской реабилитационной службой, со специализированными машинами «Скорой помощи», с реанимационным отделением, с городской консультативной поликлиникой, которая будет централизованно направлять больных на госпитализацию, учитывая, в какой больнице города смогут лучше помочь тому или иному больному. Например, тридцать первая больница специализируется на полиомиелите, тринадцатая — на болезнях позвоночника. Четвертая градская — на травмах кисти и так далее. В комплексе уже открыто отделение для подростков. Как это ни парадоксально, для ребят от четырнадцати до семнадцати лет — а в этом возрасте больные нуждаются в квалифицированной помощи ортопеда особенно остро — ортопедические койки ни в одной медицинской инструкции не предусмотрены: из детских стационаров подростков выписывают, а во взрослые не принимают.

Задумал Имамалиев и создание специализированной вертолетной службы «Скорой помощи», идея эта уже начала осуществляться с помощью работников московского ГАИ. Не секрет, что во время происшествий на дорогах ежедневно страдают десятки и сотни москвичей (представьте, если авария произошла на окраине города или далеко за его пределами?), для сохранения жизни пострадавшего каждая минута на вес золота. Тут-то и может пригодиться вертолет.

Мечты главного ортопеда столицы начали претворяться в жизнь. Уже открыт терапевтический корпус с кабинетами для массажа, физиотерапии, лечебной гимнастики. Создано и работает гнойное ортопедо-травматологическое отделение на шестьдесят коек, где госпитализируют самых тяжелых больных.

При всех этих заботах, при огромном объеме педагогической, научной и организационной деятельности Имамалиев остается прежде всего хирургом и каждый день входит в операционную, чтобы восстанавливать дарованное человеку природой. По своей натуре он ближе к людям созидающим, а не разрушающим.

— С детских лет,— говорит Айдын Саларович,— я мечтал строить, создавать. И когда стал хирургом, очень не любил калечащие операции, ампутации. Когда только можно было, избегал их, за всю жизнь сделал единицы.

Вот и сегодня Имамалиев подходит к операционному столу, чтобы спасти молодой женщине ногу, а значит, и сохранить человеку нормальную жизнь. У больной саркома коленного сустава. В трех клиниках страны вынесен один и тот же приговор: ампутация, и чем скорее, тем лучше. Трудно решиться на такое, особенно в тридцать с небольшим. Веришь, что кто-то непременно сумеет помочь, спасти. Эта надежда и привела женщину в клинику к Имамалиеву.

Хирург имплантировал ей уникальный, так называемый комбинированный сустав, созданный им самим вместе с хирургом И. Г. Черняновым. Он представляет собой донорскую кость, укрепленную внутри металлическим каркасом, который и принимает на себя большую часть нагрузки, пока пересаженная костная ткань не заместится тканью больного. Такой сустав позволяет человеку значительно раньше нагружать оперированную ногу, что очень важно для скорейшего выздоровления и восстановления двигательных функций. От иных себе подобных он отличается тем, что он разборный, поэтому его легче имплантировать, и, что еще очень важно, при этом меньше травмируются близлежащие ткани. Впрочем, этой больной могли бы поставить другой коленный сустав — полностью металлический. Так что хирургу было из чего выбрать, но он предпочел комбинированный сустав, который более физиологичен, больше соответствует естественному.

Имамалиев уверен, что за такими суставами будущее. Возможно, кто-то из специалистов с ним не согласится. Что ж, на то медицина и наука: в ней всегда должно быть место для споров, борьбы мнений. Главное, чтобы выиграл в них больной. Чтобы он чаще слышал от хирурга: «Обойдемся без ампутации!»

Костный банк — хранилище запасных частей для человека. * А. С. Имамалиев и архитектор Г. И. Рабинович обсуждают проект нового корпуса клиники * В зале реабилитации * Изотопная лаборатория диагностики.

Олег ШМЕЛЕВ

ПОВЕСТЬ

Рисунки М. ПЕТРОВОЙ

Три черепахи

ГЛАВА X

БРЫСЬ РАССКАЗЫВАЕТ

2

То ли угадал Балакин мысли Серегина, то ли это случайно получилось, но Балакин сказал:

— Подкосило меня... Сам подумай... Ну, заложила меня та стерва, не заладилось с женитьбой — я про то забыл, и гори оно огнем. Но дочка, понимаешь... Детеныш... Я ж не зверь.— Балакин остановился, взмахнул рукой.— Нет, не то говорю. Зверь своих детенышей кормит. Как Игорь про дочку сказал, у меня в башке все перетряхнулось... Нет, я не про совесть и прочее. Я себя тогда жалел, первый раз о жизни своей пожалел... Смеяться будешь, а я детишек всегда любил. Что же выходит? Ну, Ольга — это ладно, потерял, забыл, ничего не попишешь. А Ольга и дочка — не тот вопрос. Ольга, и дочка, и я при них — мне б другого ничего и не надо... Захрапел Игорь, а я лежу, сам себе кино кручу — как бы оно все было, если бы да кабы и если б не та подлая баба. Попадись она тогда — раздергал бы на лоскуты. Считай, два раза ей повезло... А остыл — и злость прошла. Чего ж все на кого-то валить? Сам не зеленый, мог одуматься — времени хватало. И в Электроград после той посадки заглянуть кто мешал? На малинах со шлюхами коньяк пил, их бы серной кислотой поить, а там дочке из носовых платков кофточки шили... А теперь себя еще и жалеешь... Да-а, не располагал я, что взвыть могу, ан взвыл. Но локти кусать — проку мало, и я дело расписал... Расклад простой. На двоих было у нас с Чистым девятнадцать кусков, от тех двадцати трех. Оставляем себе по три, а тринадцать даю Игорю — он их Ольге отвезет... Утром говорю Чистому — он, конечно, на дыбы. Это, знаешь, понять можно. Мы-то, помнишь, как смотрели? Пить — так пить мадеру, любить — так королеву, а воровать — так сразу миллион. Да не все понашему думают. Развелся такой народец: пока деньга только еще светит, в кармане у тебя целковый, а у него вошь на аркане, так все пополам, а вот взяли куш, поделили — ты у него из пальцев клещами двугривенный не вырвешь, про всякое пополам ему слушать тошно, обижается. Но Чистый меня знал. И ящичек-то я разведал, я и ковырнул, а его мог бы и в стороне держать. Он охранника сшил, но за это половинная доля — хорошая цена, я с ним по-людски обошелся. Короче, пошебаршил, а деваться ему некуда, он передо мной — шестерка...

Дверь открылась, в кабинет вошел Марат Шилов с подносом. На подносе стояло два стакана чаю.

— Извините, товарищ полковник. Вот чай.

Балакин посторонился, давая ему пройти к столу. Марат поставил поднос на стол и вышел.

— Все-таки давай по стакашку,— сказал Серегин.— Не привыкнешь. Да и не такой уж он хороший, судя по цвету.

— Ну давай.— Балакин сел на стул, взял стакан. Чай был горячий, и он поддернул рукав пиджака на ладонь, подложил под донышко, размешал сахар, отпил половину и спросил: — Не уморился слушать?

— Брось ты.

— Тогда поехали дальше.— Балакин допил чай, поставил стакан на поднос. Но, прежде чем продолжить, расстегнул пиджак и сказал: — Жарко.

— А ты сними.

— И то правда.— Балакин снял пиджак, сложил его на коленях.— Ты учти, Анатолий Иваныч, оправданья не ищу, а сказать надо: я по мокрому никогда не ходил, а что охранника чуток тюкнули — нужда заставила, подругому нельзя было. Я Чистого тогда предупредил: оглуши, но чтоб очухался, а то самого удавлю. У Чистого кожаные перчатки были, в правую он свинцовый блин под подкладку заделал...

Серегин не выдержал:

— Гуманный метод, а? — Сказал и выругал себя, потому что Балакин посмотрел на него, как показалось Серегину, отстраненно, словно их разделяла решетка.

Но Балакин и после этих слов не желал видеть перед собой полковника Серегина, он видел Серьгу.

— Я не отмываюсь, да мне и не отмыться. Сам себя понять хочу.

— Не обращай внимания, Брысь. По-разному дышим. Во мне моя профессия сидит.

— Стало быть, и про охранника, и про Чистого, и про перчатку со свинчаткой — все в дело сгодится. Так что замнем...— Балакин встал, кинул пиджак на стул и опять начал ходить.— Не в том главное, мне главное — Игорь. Через меня ж он под свинчатку попал.

— Ты уверен, это Чистый?

— Ну говорю тебе, кто ж еще? — Балакин вдруг застонал.— Эх, дотянуться б до него.

— Найдем, не сомневайся.

— Вы-то найдете, а мне что? Разве, коль помилуют, в колонии свидимся.— Голос у Балакина подрагивал, будто он сдерживал рвущийся из горла крик.

— На тебе крови не было.

— Тут, Серьга, не вам рядить. Я этого козла на перо посажу, и чтоб напоследок частушку спел.

Серегин глядел на Балакина и в эту минуту понимал, почему именно умел он держать в узде самых отпетых уголовников по всем колониям, в которых ему доводилось отбывать срок. Но миновала минута, сник Балакин, опустились широкие плечи. И голос, когда он вновь заговорил, стал хрипловатым.

— Ну, слушай дальше... Мне бы надо все втихую обстряпать. Кому деньги, зачем деньги — Чистому знать не обязательно. Но это я сейчас смикитил, а тогда в открытую с ним шел, свой же человек, он даже знал, что Игорь в конце июля в гости к Ольге собирается... Короче, завернул тринадцать тыщ в газету, велел Чистому к соседу умотать и зову Игоря из кухни, он там что-то жарил. Объясняю — вот пакет, отвези Ольге. Спрашивает: сколько тут? А потом за сердце схватился и говорит: она не возьмет. Говорит: думаешь, я не понимаю, откуда эти деньги? И кто такие вы с Митей? Я ему: черт с тобой, понимай, что хочешь, а ей наври, скажи, честные деньги. Он говорит: это на полного идиота рассчитывать. Не возьмет. И тут, как тогда ночью, когда он про Любу сказал, хотел я ему по роже дать. Прав ты, Серьга, можно быть голубем, но что-то ж в жизни надо разуметь. Кто это от тринадцати тыщ откажется, когда дают?

Серегин взглянул на Балакина и неожиданно для себя почувствовал неприязнь к нему. Но сразу к неприязни примешалось что-то вроде соболезнования или, пожалуй, сострадания, а когда он задал вопрос, то в нем, кажется, звучала и насмешка.

— Ты полагаешь, нет таких людей, чтобы от краденых денег отказались, если все втихую?

— От тринадцати целковых и дурак откажется, а вот от тринадцати тыщ — навряд ли. А ты таких видал?

— Случая не было, но, думаю, есть.

Серегин понял, что их разделяет кое-что покрепче решетки.

Горько стало ему. Сейчас, глядя на Брыся, он впервые, может быть, с такой острой отчетливостью ощутил, какой большой кусок жизни прожит. Он не гляделся в судьбу Брыся, как в зеркало,— слишком разные сложились у них судьбы. Но ему вспомнился далекий тридцать седьмой год, вишневого цвета упряжная дуга с облупившимся лаком, из которой они с Эсбэ мастерили клюшки, вспомнилось, как Брысь учил их в сарае курить, как торговали свечками в подгородной деревне, как лихо крутил сальто Брысь и как беззаветно они с Эсбэ его любили. И воспоминания эти словно раздули покрытый толстым пеплом уголь, тлевший в груди у него,— уголь из костра давно погасшего, но когда-то гревшего одинаково их всех. Обезоруживающее теплое чувство ребячьей общности нахлынуло на Серегина, и нелепым показалось ему, что вот он, бывший Серьга, преклонявшийся перед Брысем, стал полковником, а Брысь, который на два года его старше, так и остался Брысем и через несколько недель или месяцев будет в седьмой раз приговорен судом — может быть, к смертной казни. И нелепо было тоже, что Игорь Шальнев, бывший Эсбэ, лежит сейчас бесчувственный и, в сущности, пока неживой, и его жизнь, если разобраться, составилась ненамного лучше, чем у Брыся. Все имеет начала и концы, и разумом соединить их не так уж трудно. Но какой ниткой свяжешь голубую отроческую мечту Брыся о морской службе с ограбленной им совхозной кассой? Как свяжешь неистребимую отвагу и неуныкаемость двенадцатилетнего Эсбэ с его жалкой беспомощностью и безволием перед какой-то наглой, ничтожной бабой, вообразившей себя олицетворением советской морали и чуть ли не всей Советской власти?

Бессмысленное озадачивание, наподобие того, как телевизионные репортеры с заученным придыханием и мнимо многозначительным подтекстом спрашивают кого-нибудь из предварительно выбранных собеседников: «Какую черту характера вы цените выше всего?»,— а интервьюируемый с серьезным видом отвечает: «Доброту» или «Смелость»... Все равно что спросить у леса, какое в нем дерево самое важное...

Балакин молчал. Серегин повторил свой вопрос, и теперь в голосе его уже не оста-

---

Продолжение. См. «Огонек» №№ 12—21.

лось ни неприязни, ни соболезнования, была одна лишь горечь:

— Полагаешь, нет на свете таких людей?

Но Балакин ничего не уловил — наверно, уши у него были с фильтром, о котором сам он и не догадывался. Балакин сказал:

— Один, может, и есть... Игорь... И то взял. С уговором, правда, но взял.

— И какой был уговор?

— Согласился он наврать Ольге... Ну, туфту про север. Совесть, мол, меня заела, решил вину загладить. А не примет денег — он оставит у себя, будет подарочки Любе делать. Это я его так просил, а он ежится, ежится — глядеть не могу. Из себя вывел, хоть на стенку лезь. Черт с тобой, говорю, не возьмет — придержи для меня. Спишемся, заеду, а не заеду — выбрось их, сожги, съешь, что хочешь делай. А в милицию, спрашивает, сдать можно? Ну что такому скажешь? Сначала, говорю, попробуй сдать их Ольге. Уломал, а теперь вижу: не надо было. Может, и получилось бы, да Чистого я не учел. Не раскусил гада.

Балакин умолк, и Серегин понял, что продолжения не будет. Да и что еще, собственно, мог он рассказать?

— Спасибо за откровенность, Брысь.

— Тебя этот политичный майор специально вызывал, со мной потолковать,— не то спрашивая, не то желая услышать подтверждение, сказал Балакин.

— Сам видишь, как сошлось. Черепашки нас троих свели. Это ведь я Игоря опознал, а то бы не скоро еще майор его личность установил.

— Игорь в порядке будет?

— Ты же ездил, смотрел. Теперь уж не помрет, а каков будет, кому известно?

Серегину показалось, что Балакину хочется о чем-то спросить, и он не ошибся.

— Слушай, Анатолий Иваныч,— сказал Балакин,— если можешь, растолкуй, ради христа, зачем Чистый ему в карман мой паспорт сунул?

— А ты как считаешь?

— За меня хотел его выдать? Но ты посуди — отпечатки. Я же у вас в картотеке. Минута работы — и вся липа наружу. Что ж он вас, за фраеров держит?

— Правильно мыслишь,— сказал Серегин.— Значит, не для этого паспорт твой...

— На меня наводил?

— Ничем другим не объяснишь. А Зыкова паспорт, между прочим, как у тебя оказался?

— А! — Балакин словно от мухи отмахнулся.— Чистый у него стянул. На карточке я похож... Мне все равно чужая ксива нужна была.

— А свой паспорт ему отдал, Чистому?

— Ну да.

— Неосторожно.

— Он сказал: на кухне над газом сжег. Я в тот день сильно бухой был.

— Вот тебе и Чистый.

— Молчу, Серьга. Кому поддался... Срам...

— А что вообще-то Чистый собой представляет?

Ответил Балакин не сразу, словно ему затруднительно было определить своего напарника «вообще», словно он никогда прежде об этом не задумывался.

— Котелок у него варит. Но жмот. Ненасытный. На этом и сгорел.

— То есть? — спросил Серегин.

— Он в Москве таксистом был. Сам знаешь, таксисты неплохие деньги имеют, а у Чистого семьи нет, одна мать. Но ему мало было. Завел он одну красотку и на нее, как на живца, бухариков ловил. Подъедут к гостинице, она зафалует командированного, в машине угостят винцом, а в винце снотворное. Потом оберут и в темном месте выбросят. Проще гвоздя.

— Ты говоришь, на жмотстве сгорел Чистый. А как это?

— Тут одно за одно цепляется. Работал бы себе, крутил баранку — чего еще? Ну, по бухарикам ударил. На мой метр, грязное дело, но они с этой девкой не брезговали — ну и жируй, пока на умного не нарвешься. Нет, ему не сытно было, хотя, гаденыш, на книжку складывал. Решил специальность менять, нашел какого-то амбала двухметрового в помощники, и начали они вместе с девкой квартиры грабить. Выбирали на прозвон. Чистый в машине сидит, а эти двое идут по этажам. Звонят. Если дома кто есть, она спрашивает: Петровы тут живут? Ах, извините, ошибочка. А если нету... Какие в новых домах двери? А попались они потому, что Чистый по натуре жлоб. Грабанули квартиру, амбал чемоданы в машину притащил и говорит: ковры там по стенкам висят, как у иранского шаха. Чистый послал его за коврами. А дело днем было, они всегда днем работали. И, оказывается, бабка из этой квартиры к соседям на минутку ходила. Пока амбал чемоданы таскал, она вернулась — смотрит, в квартире все вверх дном, перепугалась, конечно, опять к соседям, те по телефону в милицию, а отделение рядом. Бабки услышали, как амбал опять в квартиру вошел, шуровать начал, а что они могут? Валерьянку пить? Ну, амбала накрыли, когда он ковры в трубку скатывал. Чистый со своей красоткой смылся, да ненадолго. Заложил его амбал.— Балакин усмехнулся и добавил: — Мы с Чистым в колонии на одних нарах жили, бок о бок. Ложимся спать, и обязательно кто-нибудь да крикнет ему на ночь: «Эй, Чистый, ты бы коврик постелил, все мягше». Зубами скрипел.

— Где-то он сейчас гуляет...— задумчиво сказал Серегин.

— Есть один следок.

Серегин давно почувствовал: если Брысь знает хоть приблизительно о возможном местопребывании Чистого, то скрывать не захочет. А это для угрозыска сейчас главный вопрос.

Но, тронув самую горячую точку и убедившись, что не ошибся в своих предположениях, Серегин испытывал чувство, неподобающее, может быть, его служебному положению и вредное для высших интересов дела. Словно он пользуется слабостью человека, злоупотребляет своей властью над ним, властью, не основанной ни на чем, кроме общих для них двоих воспоминаний детства. Это очень большая власть.

Серегин поднялся с кресла.

— Слушай, Брысь. Я завтра улетаю домой, к себе в Сибирь. Так что, пожалуй, лет десять не увидимся.

Балакин посмотрел на него из-под бровей, хмыкнул.

— Десять, говоришь? У прокуроров мерки другие.

— А ты себя не отпевай, ты вот что... Майор Басков, между нами, парень очень приличный. И людей понимает, хотя намного нас моложе.

— А что майор? У меня за горбом столько намотано, да еще эта касса. Суд все сочтет.

— Не мне тебя учить. Суд не одно это сосчитает.

— Я с повинной не пришел.

— Ты майору все, что мне рассказывал, выложишь?

— Само собой. Что ж его морочить? Мне-то все равно крышка.

— Погоди. Заладил... Чистосердечное признание на суде тебе зачтется? Зачтется. С Чистым майору помоги — это поважнее всякого признания будет.

— Отпусти — сам найду.

Серегин улыбнулся.

— Ну вот, ты уже и шутишь. Значит, в порядке.

Опустив голову, Балакин спросил:

— У Эсбэ нянька была, помнишь?

— Ну как же. Матрена.

— Она говорила: все в порядке — огурцов нет, остались одни грядки.

— Ничего, какие наши годы? До свиданья пока.

— Прощай, Серьга.

На следующий день допрос был коротким. Басков сказал:

— Мне Анатолий Иванович кое-что передал из вашей беседы, но это мы пока отложим, это терпит. Давайте поговорим о Чистом.

— Спрашивайте,— сказал Балакин.

— У меня один вопрос: где он сейчас? У вас, кажется, адрес имеется.

— Дал мне Чистый один адресок, да теперь, думаю, пустой номер потянете.

— Почему же?

— Мы уговорились, эта хаза... как у вас называется?.. ну, почтовый ящик, что ли. Если ему меня или мне его сыскать потребуется — дать хозяйке знак.

— Так почему же пустой номер? — все еще не понимал Басков.

— А вы, гражданин майор, Игоря Шальнева за кем числите?

— За Чистым. Но могу и ошибаться.

— Не ошибаетесь. А коли так, он меня боится не меньше, чем вас. А может, больше.

— Похоже рисуете. А кто хозяйка?

— Любовь его. Письма в колонию писала.

— Это где?

— Недалеко. Станция Клязьма.

Басков зажег спичку, дал догореть до пальцев, перехватил другой рукой за обуглившуюся головку, и спичка сгорела вся, изогнувшись черным червячком.

— А он знает, что Шальнев должен в Харьков вам написать, как съездит в Электроград?

— Про это я не говорил.

Басков повеселел.

— Чистый встретил Шальнева двадцатого июля. Месяц прошел, всего месяц. Боится он вас — это понятно. Только как же вы могли про их встречу узнать?

Басков спрашивал больше у себя самого, поэтому Балакин молчал, не мешал ему.

Закурив, Басков задал вопрос Балакину:

— А вообще-то что вы в Харькове остановились, ему известно?

— Я на юг держал, а в Харькове буду или где — сам не ведал.

— У кого жили в Харькове?

— Так, случайно со старичком одним столковались, тридцатку за месяц.

— Почерк ваш Чистый узнать может?

— Откуда, гражданин майор? На одних нарах жили — переписываться не надо.

— Ну, это ничего. Давайте-ка составим ему письмецо.— Басков взял из стопки серой, газетного вида писчей бумаги один лист, сложил его пополам.— Садитесь поудобнее...

Балакин придвинулся к столу. Басков дал ему бумагу и шариковую ручку, спросил:

— Вы как друг дружку звали?

— По именам.

— Так. Значит, пишем: «Дорогой Митя...»

— Дорогой ни к чему,— перебил Балакин.

— Угу,— согласился Басков.— Знаете что, сочините сами, но чтобы смысл был такой: я, мол, отобрал у тебя в Ленинграде деньги, а теперь хочу компенсировать, наклевывается подходящее дело, решай, а если не хочешь, так я управлюсь и один. Жду ответа. И харьковский адрес.

Внимательно слушал его Балакин, а выслушав, положил ручку.

— Не клюнет он, гражданин майор.

— Неважно. Вы напишите, как лучше.

Расчет у Баскова был простой. Пусть Чистый и не видел никогда почерка Брыся, но о деньгах-то знают только они двое — стало быть, не засомневается Чистый, что письмо от Брыся. Брысь прав — он не клюнет, но не на этом строил свой план Басков.

Письмо в пять строчек далось Балакину нелегко. Но, испортив несколько листков, он в конце концов написал так:

«Митя я свой должок не забыл твои шесть с полтиной верну. Сосватал тут один домишко дорого просят но хозяев уговорить можно. Дай знать согласен ли. Жду. Саша». И внизу — харьковский адрес.

Писал Балакин грамотно, если не обращать внимания на отсутствие запятых.

— Еще один вопрос,— сказал Басков.— Вы у охранника пистолет сняли. Он у Чистого?

— Да.

— А стрелять Чистый умеет?

— В армии служил.

— Ну, хорошо, на сегодня довольно.

ГЛАВА XI

«БЕРЕМ ЧИСТОГО»

1

Еще до того, как клязьминская любовь Чистого получила письмо из Харькова, майор Басков знал о ней почти все, что можно выведать о человеке, не бросая на него тень расспросами людей, так или иначе с ним со-

прикасающихся. Она работала в Москве парикмахером в одном из новопостроенных салонов, в мужском зале, и была отличным мастером. Год рождения — 1949-й. Есть сын десяти лет, зовут Сергей (по отчеству Дмитриевич). Зинаида Ивановна Сомова никогда в браке не состояла. Владеет половиной дома, переписанной на нее ее матерью, ныне пенсионеркой. Что еще? В конфликт с законом не вступала. Марат Шилов, ходивший к Зинаиде Сомовой стричься, сказал: симпатичная женщина, правда, не в его вкусе, так как слишком объемиста, на что Басков мимоходом заметил: «Это не порок».

Басков не отказывал себе в удовольствии пошутить, но в целом было не до шуток. Если верить добытым сведениям, Чистый у Зинаиды Сомовой в промежуток между двадцать первым июля и двадцатым августа не показывался. Во всяком случае, соседи не видели, а они Чистого, судя по всему, хорошо помнили: на такси приезжал, за рулем. Известная вещь: сосед про соседа всегда больше знает, чем о себе самом. Если б Чистый даже ночью к Сомовым невзначай тихой сапой проник — все равно чей-нибудь бессонный зрак или чуткое ухо засекли бы постороннее явление. А тут — ни шу-шу...

Правда, Чистый мог навестить Сомову в салоне, но то, что он предпочел не показываться у нее дома, не сулило Баскову скорой удачи. Когда вор бежит от двух погонь сразу — от угрозыска и от собственного брата-вора,— такого бегуна быстро не настигнешь.

В Москве жила мать Чистого, пятидесятитрехлетняя женщина, работавшая в отделе технического контроля одного большого завода. Она занимала двухкомнатную квартиру, которую делила со своей дочерью, младшей сестрой Чистого, вышедшей замуж в то время, когда ее братец отбывал срок в колонии. На этой квартире Чистый тоже не появлялся. Мать и сестра вестей от него не имели.

Вся надежда была у Баскова на письмо. Получит его Сомова — что-то с ним делать надо. Щепетильная штука, конечно, если она его переправить почтой захочет по другому адресу. Но это ерунда, в таких случаях особенно щепетильничать не приходится: главное — чем быстрей, тем лучше, потому что преступник с «пушкой», и как он ее употребит, никому неизвестно.

За те трое суток, что Сомова находилась под наблюдением, ничего подозрительного заметить не удалось. Письмо, посланное Басковым, было получено на четвертые сутки утром. В тот день Сомова по графику работала во вторую смену — с 15 до 22 часов, но вышла из дому в десять, буквально через пять минут после ухода почтальона. Басков, получив сообщение об этом, вздохнул облегченно — кажется, надежда на письмо начинала оправдываться. Но оказалось, что Сомова спешила в Москву совсем по другой причине: чтобы встретить сына, которого привезли на автобусе из пионерского лагеря. Между прочим, десятилетний Сергей своим прямым носом и широко расставленными глазами очень похож на Чистого.

Радостная Сомова увезла сына домой на такси, а в половине второго снова покинула Клязьму и на электричке вернулась в Москву.

В пять часов она позвонила с работы по телефону подруге, которая в это время тоже была, вероятно, на службе, так как Сомова сказала в трубку: «Попросите, пожалуйста, Тарасову». А затем состоялся короткий деловой разговор. «Тоша, как дела?» — спросила Сомова. «Нормально». «Пьет?» «Вроде поменьше». «Скажи, пусть немного остановится. Ему свежая голова нужна. Я сегодня приеду». «Во сколько?» «Я же во вторую... Около одиннадцати буду. Еда у вас есть?» «Если чего прихватишь — не помешает».

После этого Сомова отправилась в расположенный неподалеку от салона продовольственный магазин, вошла в него через служебный вход и вскоре вернулась с увесистым свертком из плотной бумаги.

В начале одиннадцатого она вышла из салона, пересекла улицу и встала с вытянутой рукой. Вскоре возле нее затормозила «Волга» со служебным номером, она коротко поговорила с водителем и села в машину. «Волга» держала путь в сторону Дмитровского шоссе, а затем помчалась прямо и привезла пассажирку в Бескудниково.

Сомова вошла во второй подъезд пятиэтажного блочного дома, лифтов в котором не было, и поднялась на третий этаж. В этом доме она и заночевала.

Рано утром Баскову сообщили, что гражданка Тарасова живет в квартире № 23, квартира двухкомнатная, никто в ней больше не прописан.

Тарасова ушла из дому в восемь часов, а Сомова осталась.

Басков имел основания думать, что Чистый здесь. Взять его побыстрее — и конец. Но, зная за собой грех нетерпеливости, он вызвал инспекторов Сергея Фокина и Ивана Короткова, выделенных в его распоряжение, с которыми он брал в Харькове Брыся. Они люди основательные, неторопливые, они все уравновесят. Да и не считал он себя вправе самолично разрабатывать, хотя бы и вчерне, операцию по задержанию Чистого, вооруженного пистолетом, тем более что Короткову и Фокину предстоит в ней участвовать.

Самое неприятное заключалось в том, что Чистый окопался в большом, густонаселенном доме.

Марат Шилов ходил в соседний дом, точь-в-точь похожий на тот, где обитала Тарасова, в такую же квартиру, объяснив ее хозяевам, что собрался меняться с жильцами из квартиры этажом выше, а их не оказалось на месте. Марат, вернувшись на Петровку, начертил план, и выглядело это так: прямо против входной двери ведущий в кухню короткий узкий коридорчик, на левой стене которого две двери, в ванную и туалет; справа от входной двери — дверь в комнату, слева — еще один коридорчик и в конце его дверь во вторую комнату. Если Чистый пожелает открыть огонь, вошедшему придется худо, так как Чистый может стрелять с трех позиций — или из комнат, которых две, или из кухни.

О том, чтобы проникнуть в квартиру под видом слесаря-сантехника, или электрика, или кого-нибудь там еще, ни Басков, ни его помощники и не помышляли. Рассчитывать на наивность Чистого было бы глупо.

Есть, понятно, естественный вариант: объяснить все Тарасовой, приехать вместе с нею, она откроет дверь квартиры, а там — как получится... Вот именно как получится. А может получиться так, что Чистый начнет стрелять. А впереди тебя женщина, и вроде ты ею прикрываешься. Не годится... Можно просто взять у Тарасовой ключ от квартиры, войти, а остальное опять же, как говорится, на волю божью. Но затаившийся в своем убежище Чистый не настолько беспечен, чтобы принять вошедших за кого-нибудь, кроме милиции,— все равно откроет огонь. Да и дверь может оказаться на цепочке. И вообще Басков никак не хотел впутывать Тарасову, хотя с его стороны это было несколько непоследовательно: если у нее в квартире именно Чистый, она и так уже впутана...

Но что еще?

Ждать, авось он выползет на улицу? А зачем ему выползать, если две женщины еду и спиртное носят и даже личная парикмахерша на дому навещает. А главное, стрельба на улице совершенно исключалась — по улице люди ходят.

Ну, положим, когда-нибудь он оставит это гнездо, можно будет проводить его до удобного места, чтобы исключить риск для посторонних граждан, и там взять. Но когда ему надоест отсиживаться в Бескудникове? Сколько дней придется держать засаду? Себе дороже...

Нет, тактика пассивного ожидания не годилась. Коротков и Фокин были в этом согласны с Басковым.

— Хорошо,— сказал довольный их решением Басков.— Но надо все-таки потолковать с Тарасовой.

...Антонина Тарасова работала, как и ее подруга Сомова, парикмахером, но в другом салоне. Басков представился заведующей и попросил позвать Тарасову сейчас же, сию минуту. Та пришла с ножницами и расческой в руках — оставила клиента. Басков и ей показал служебное удостоверение, но она глядеть и не подумала — растерянна была, голубые глаза раскрыты широко и не мигают, словно у ребенка, которому рассказывают страшную сказку.

— Вы присядьте,— как можно приветливее пригласил Басков, когда любопытная заведующая вышла и прикрыла за собою дверь.

Тарасова села, опустила руки с ножницами и расческой на колени.

— Извините, Антонина...

Но Тарасова не уловила по паузе, что он не знает ее отчества, и Басков повторил:

— Антонина...

— Михайловна,— наконец, робко подсказала она.

— Вы не волнуйтесь, Антонина Михайловна, мы к вам за помощью.

— Пожалуйста.

— Кто у вас живет?

— Знакомый подруги, Зины Сомовой.

— Зовут его как?

— Митя.

— А фамилия?

Она смутилась, пожала плечиком.

— Да вот не знаю. Мы ведь с нею недавно дружим, она не говорила фамилию. Попросила просто, чтобы пожил. Мои сейчас на юге, до школы...

— А он кто?

— Честное слово, не знаю.

— Ничего странного не замечали?

Она понемногу пришла в себя.

— Пьяница, по-моему. И из дому ни ногой.

Басков достал из кармана три фотокарточки, на одной из которых был изображен Чистый, показал их Тарасовой. Она тотчас его узнала, ткнула в карточку расческой.

— Он.— Глаза у нее опять сделались большие и круглые.

— Вы ни о чем не беспокойтесь, но мне нужен ключ от вашей квартиры.

— В сумочке они.

Тарасова сходила за ключами и вернулась уже без ножниц и расчески.

— Я вас попрошу: после смены не уходите с работы, дождитесь, мы вам вернем ключи. Это нетрудно?

— Да нет, что вы.

Уже собравшись уходить, Басков спросил:

— У вас на двери цепочка есть?

— Нету, но он запирает замок на защелку.

— Ну, спасибо...

Было ровно 14.00, когда по рации сообщили, что Сомова покинула квартиру в Бескудникове. Басков пошел к начальнику, изложил план и получил одобрение. Через полчаса в его распоряжении была машина с телескопическим подъемником, из тех, что работают на ремонте трамвайных и троллейбусных силовых линий.

В группу захвата вошли сам Басков, Фокин, Коротков и Шилов. Прикрывать их будет ПМГ — подвижная милицейская группа. Басков попросил отрядить с ним врача из дежурной опергруппы, спокойного молодого человека с рыжеватыми усиками.

В 15.30 четыре машины, три легковые и ремонтная, выехали с 3-го Колобовского переулка.

Свою колонну Басков остановил метров за сто от дома.

— Значит, так,— сказал он.— Коротков и Шилов в подъезд, к квартире. Но тихо, себя не обнаруживать. Если Чистый станет прорываться — стреляйте, но чтоб не наповал. А так — ждите меня.

Коротков и Шилов ушли. Басков уточнил с экипажем ПМГ, как им действовать, если Чистый все-таки сумеет вырваться из дома. Врачу он велел ждать в машине, а сам вместе с Фокиным пересел в желто-красный ремонтный автоагрегат.

Все три окна квартиры № 23 выходили на одну сторону и смотрели на шоссе. Под окнами вдоль дома тянулась полоска кустов барбариса, не успевшего подняться еще и до высоты человеческого роста.

Басков показал шоферу окна, которые его интересовали, и попросил поставить машину с таким расчетом, чтобы корзина, когда она поднимется на телескопической своей шее, оказалась перед одним из крайних окон. Среднее окно — это кухня, а два окна по бокам — комнаты. Во всех трех окнах были открыты только форточки. Окна комнат задернуты тюлевыми занавесками.

Басков хотел своими глазами увидеть, что Чистый на месте.

Машина, тяжело качнувшись с боку на бок при съезде с асфальта, остановилась на траве. Водитель вылез из кабины, помог Баскову устроиться в сплетенной из железного прута корзине, вернулся за баранку и включил механизм, управляющий подъемником. Корзина с Басковым поднялась на высоту третьего этажа, и машина задом медленно двинулась вдоль стены дома...

На комбинацию с ремонтной летучкой натолкнул Баскова случай с соседом. У того жена была в санатории, а сам он, уходя утром на работу, забыл ключи в другом костюме. Он, не будь дурак, сговорил водителя летучки, подняли корзину до четвертого этажа, разбили стекло, и все в порядке, дверь ломать не пришлось...

Корзина застыла перед крайним окном квартиры № 23. Басков постучал согнутым пальцем по стеклу. С полминуты — никакого ответа...

Окончание следует.

УВЛЕЧЕНИЕ ПРОФЕССОРА КОВАЛЯ

Почти у каждого современного человека есть какое-то увлечение, не связанное с его профессией. Многие занимаются коллекционированием. Коллекции бывают разные. Есть сомнительно интересные коллекции спичечных этикеток или винных наклеек. Но есть и очень увлекательные. Многие собирают старые ключи, значки, открытки и т. д.

С давних времен люди использовали дерево. И уже давно были замечены природные, декоративные его качества. Твердый, вечный материал придает скульптуре крепость, цельность. Своеобразная фактура, цвет, специфическая обработка и строение материала вызывают у скульптора всевозможные поэтические представления, связанные с создаваемыми образами. Потому современные скульпторы, как и люди, наделенные чувством художественного вкуса, часто обращаются к дереву, мудро используя его естественные формы.

Борис Иосифович Коваль — профессор. Все свое свободное время он посвящает работе с деревом. Заниматься вырезыванием из дерева он начал в 1958 году. Гуляя со своей маленькой дочерью по парку, Борис Иосифович заметил на дороге сосновую ветку,— она напоминала наш первый спутник Земли. Из ветки почти сразу получился «настоящий» спутничек, который дома всем очень понравился. Так и пошло: фигурка за фигуркой создавались разные образы. Всего таких — больших и малых — фигур теперь около ста.

Темы, положенные в основу работ,— это мир и сказочный и реальный. Кажется, все, что волнует, трогает человека, нашло свое отражение в творчестве мастера. Каждая фигурка, сделанная руками Бориса Иосифовича,— разговор с человеком по душам... Создавая эти, на редкость цельные, законченные образы, художник-скульптор, безусловно, никогда не находит в корневище, ветке, кусочке дерева готовое, законченное изображение. Нет, он начинает поиски, часто очень долгие. Скульптор неутомим: он ищет новые и новые решения... «Это, пожалуй, больше всего и привлекает меня»,— говорит Борис Иосифович.

Сучья, переплетаясь друг с другом, образуют ничего не выражающие, но замысловатые узоры. И если посмотреть, имея воображение, на обыкновенную деревяшку,— сколько же совершенно неожиданного, интересного откроется в этом пока еще безжизненном куске дерева.

Все свое свободное время отдает Борис Иосифович любимому делу. Умеет он увидеть в причудливом изгибе сучка то притаившегося зверя, то летящую птицу, то сказочное существо. Нет, это вовсе не хобби! Это трудная, увлекательная и кропотливая работа.

И только поэтическое восприятие мира может одарить человека способностью создавать такие красивые вещи, радующие глаз и сердце.

Светлана **КОЛЫБЕНКО**

Фото М. Савина

Б. И. Коваль.

Джек Эббот (слева) и Норман Мейлер.

Владимир НИКОЛАЕВ

ИЗГОЙ

Недавно на литературном небосклоне Соединенных Штатов взошла новая звезда — Джек Эббот. «Исключительная личность, выдающийся литературный талант»,— писала о нем газета «Нью-Йорк таймс». «Удивительно! Книга, отмеченная мрачным величием»,— восклицала «Лос-Анджелес таймс». «Выдающееся произведение, героическое»,— восторгалась «Вашингтон пост». Известный американский писатель Норман Мейлер назвал Эббота «писателем самой высокой пробы». Выпустившее его книгу издательство получило много предложений из других стран о ее переводе на разные языки. Тут же, по американской традиции, зашла речь о фильме по этой книге, первые кинозвезды страны уже назывались претендентами на главные роли.

Правда, в общем хоре восхвалений звучала весьма необычная для таких случаев нота. Так, журнал «Тайм» сравнил выход книги Эббота с «громким грохотом двери, захлопывающейся в камере тюрьмы максимально строгого режима». Да и само название книги было не совсем обычным — «В пасти у зверя».

Что ж, пора сказать и об авторе книги. Джек Эббот родился в штате Мичиган в 1944 году. Его отец был алкоголиком с крайне неуравновешенным характером, его мать — проституткой. Родители Джека развелись в 1948 году, ему тогда было четыре года, и он со своей старшей сестрой, Фрэнсис, попал в детский приют. Восемь лет подряд они оба переходили из одного приюта в другой, «каждый новый был хуже предыдущего», свидетельствует пресса. Жестокие избиения детей, неслыханные издевательства над ними (моральные и физические) были в этих заведениях в порядке вещей. Такого рода «воспитание» быстро дало свои плоды: в 12 лет Джек попал в детскую исправительную колонию. Несколько раз он пытался бежать оттуда, и каждый раз его ловили и до беспамятства избивали. В своей книге он пишет:

«Я весь сжимаюсь в комок, сердце бешено колотится, глаза воспалены до боли. Я пытаюсь сдерживать дыхание, чтобы успокоиться... И вот я бегу, пересекаю запретную границу, бегу, чтобы спасти себя, свою жизнь. Я бегу так быстро, как только может мальчишка, и, конечно же, не успеваю убежать далеко. Я не преодолеваю и двадцати метров, как слышу сзади окрик: "Эй, ты! Стой!" И я уже знаю, что сейчас меня схватят, но все равно продолжаю бежать. Удара сзади кулаком я не чувствую, но тут же оказываюсь летящим в воздухе и затем качусь по грязи. Меня с силой вздергивают и ставят на ноги, одну руку мне заламывают за спину; мои рвущиеся от напряжения легкие обжигает холодный воздух. Но я все равно думаю только об одном — как бы уйти от неминуемого жестокого наказания».

С 12 до 18 лет Джек половину своих юных лет провел в одиночке. В восемнадцать оказался на улице, без образования, без денег, без крыши над головой. Попытался работать в парикмахерской, но вскоре попал за решетку за вождение автомашины в пьяном виде. Через три месяца его выпустили, и он решил поехать в штат Техас, к отцу. Но тот, почти все время пьяный, не хотел иметь никакого дела со своим сыном.

Тем временем пришла новая беда: Джек опять попал за решетку. На этот раз по обвинению в том, что при поездке в Техас «пользовался денежными чеками, которые не могли быть оплачены». Если это и так, то другой возможности, то есть денег на поездку к отцу, у него просто не было. Приговор гласил: от одного до пяти лет заключения.

В тюрьме один из заключенных донес начальству, что Джек якобы замешан в контрабанде. За это Джека бросили в карцер. Выйдя оттуда, он зарезал доносчика. Другой заключенный, пытавшийся остановить Джека, был тяжело ранен, но выжил. В своей книге Эббот пишет:

«Ты выхватываешь нож, острый, как бритва, заточенный с обеих сторон, длиной 8—10 дюймов (20—25 сантиметров.— **В. Н.**). Ты видишь перед собой только ту самую точку, цель между второй и третьей пуговицами на его рубашке... Легкий разворот правым плечом в его сторону, и весь мир переворачивается: ты всаживаешь нож ему в грудь по самую рукоятку... При этом все они всегда успевают прошептать одно и то же: «Пожалуйста». И остается странное впечатление, что они не просят тебя о пощаде, а умоляют сделать все как надо».

Эббота на 23 дня бросили в особую камеру, куда не проникал ни свет, ни звук. Там он едва не сошел с ума. На суде Джек швырнул в лицо судье и одному из свидетелей стакан с водой. Приговор гласил — 20 лет заключения. Эбботу тогда еще не было 21 года.

В тюрьме он с первых же дней отличался крайне буйным поведением, всячески бесил надзирателей. В результате попадал в карцер на недели и даже на целые месяцы. Он вспоминает:

«Время в карцере прихлопывает тебя, как крышка гроба, в котором ты лежишь. Ты лежишь и смотришь, как эта крышка медленно опускается. Когда не можешь ни думать, ни даже шевелиться, ты превращаешься в ничто, тебя уже нет... Стены сдавливают тебя со всех сторон. Ты пытаешься оттолкнуть их. Каждый вздох вызывает головокружение. Внутри тебя пустота. В желудке — вакуум. Тебя рвет. Ты умираешь. Тяжкой смертью. Такой, какая не торопится, играет с тобой».

Неожиданно к нему в тюрьму на свидание приходит мать. Она пытается внушить ему веру в бога. После нескольких разговоров с ней на эту тему Джек просит ее больше не приходить к нему. Вскоре надзиратель сообщает Эбботу о том, что его мать покончила с собой, выбросившись из окна.

Эббот вспоминает: «Я не знаю, что такое счастье. Никто не относился ко мне по-доброму. Все меня предавали. Не могли понять в силу своего невежества. Издевались надо мной. Этот мир — ничто, обман. Освобождение одно — смерть».

После семи лет заключения, в декабре 1971 года, Джек бежит из тюрьмы. Семь недель он провел на свободе. В один из тех дней он проснулся в холодном поту:

«Я забыл, что свободен, что убежал. Не мог понять, где я. Вижу себя в комфортабельной спальной с модной мебелью. В открытое окно смотрит солнце. И нет решеток. Стены оклеены дорогими обоями. Постель моя широка и удобна. Так все это странно! Я целый час сижу в постели, пока

до меня доходит, что я на свободе».

Джек поначалу направился в Канаду, потом перебрался в Нью-Йорк, затем — в другой американский город,— Денвер, где он с двумя сообщниками ограбил банк. Один из них выдал его полиции. В результате — снова тюрьма, в которой ему теперь было положено отсидеть еще 19 лет. И пошло его скитание по самым страшным тюрьмам страны. Его непокорный буйный нрав не изменился. «В моем деле,— пишет Джек,— записано столько нарушений режима, сколько нет ни у одного заключенного в США». Один из сидевших вместе с ним заключенных свидетельствует: «Джек был совсем не такой, как все мы. Он никогда не позволял надзирателям делать с ним то, что им вздумается. Каждый из нас так или иначе приспосабливался к тюремным порядкам, но только не Джек. Мы все время только одно и видели: его снова в наручниках волокут по коридору в карцер».

Однажды Эббот пытался покончить жизнь самоубийством. Его спасли. В госпитале он набросился на доктора, пытаясь ткнуть его шариковой ручкой. Когда он за это предстал перед судьей, то схватил последнего за горло. И снова его избивают и бросают в карцер. В который уже раз! А он пишет: «Даже если мне это будет стоить заключения до самой моей смерти, я все равно не смирюсь».

Но в кошмарной одиссее Эббота был один просвет — книги. Их доставляла в тюрьму его сестра Фрэнсис. Читал Джек запоем. Но никогда не увлекался просто чтивом, всерьез изучал Маркса, Гегеля, Эйнштейна. Свои мысли по поводу прочитанного Джек излагал в письмах. С 1973 года он начал переписываться с известным американским писателем Джерзи Косинским. В первом же своем послании к нему Эббот весьма нелестно отозвался и о порядках в стране и о творчестве самого Косинского. Тот заинтересовался судьбой заключенного, ответил ему, поразил писателя слог письма и высказанные в нем глубокие мысли.

В 1977 году Джек узнал, что писатель Норман Мейлер работает над книгой о приговоренном к смерти убийце Гэри Гилморе. Эббот написал Мейлеру. Тот ответил. Завязалась оживленная переписка. Мейлер говорит, что уже первое письмо от Эббота поразило его. Писатель вспоминает: «Я был потрясен, это было феноменально. У Эббота оказался свой голос, не похожий на другие. Ничего подобного я не читал». Весной 1980 года Мейлер показал письма Эббота в журнале «Нью-Йорк ревю оф букс», и там были опубликованы выдержки из них. Эта публикация заинтересовала нью-йоркского издателя, который и выпустил затем книгу Эббота.

С этим событием совпало и другое. В тюрьме, где он отбывал срок, произошли беспорядки. После них надзиратели вытаскивали из камер узников по одному и избивали. Эббот написал тогда сестре: «Если тебе сообщат, что я покончил с собой, не верь им. Если я умру, то, значит, они меня убили». Позже адвокат Эббота говорил, что Джек в то время был уверен, что с ним наконец разделаются.

Почти двадцать пять лет не сгибался Эббот, а тут дрогнул. Испугался смерти. Может быть, потому, что к нему пришла литературная известность? Он решился пойти на все, чтобы вырваться на свободу, и... выдал тюремным властям зачинщиков беспорядков. По американским законам содействие властям облегчает участь преступников, им уменьшают срок заключения, освобождают из тюрьмы и т. п. Тем временем Мейлер и другие влиятельные литераторы и издатели активно хлопотали об освобождении Эббота, и в результате пятого июня 1981 года он вышел на свободу.

Джека встретила его сестра Фрэнсис, и они вместе полетели на родину, на могилу матери. Затем он приехал в Нью-Йорк, где его стали опекать Мейлер и издатель Макдональд. Последний потом рассказывал о совместной прогулке с Эбботом по Нью-Йорку. Джек тогда сказал: «Вы знаете, что сегодня я прошел столько, сколько не проходил за все последние двадцать лет, вместе взятые».

Те, кто общался с Эбботом после его освобождения, вспоминают, что ему было трудно привыкнуть к нормальному образу жизни, в городе-гиганте он выглядел беспомощным, не знал, где и что купить, как и куда пройти, как себя вести в обществе. Из-за этого с ним произошло немало неприятных инцидентов, иногда приводивших его в ярость. Ко всему прочему в гостинице, где он остановился, его обокрали.

Но главная беда заключалась в другом—слишком дорогой для себя ценой купил Эббот свободу. Когда Мейлер узнал о том, что Джек донес в тюрьме на заключенных, Эббот сказал ему: «Боюсь, вы теперь меня больше не уважаете. Из-за того, что я натворил». Мейлер ответил: «Я вам не судья. Я не знаю, что бы я сделал на вашем месте. Я не сидел в тюрьме 25 лет».

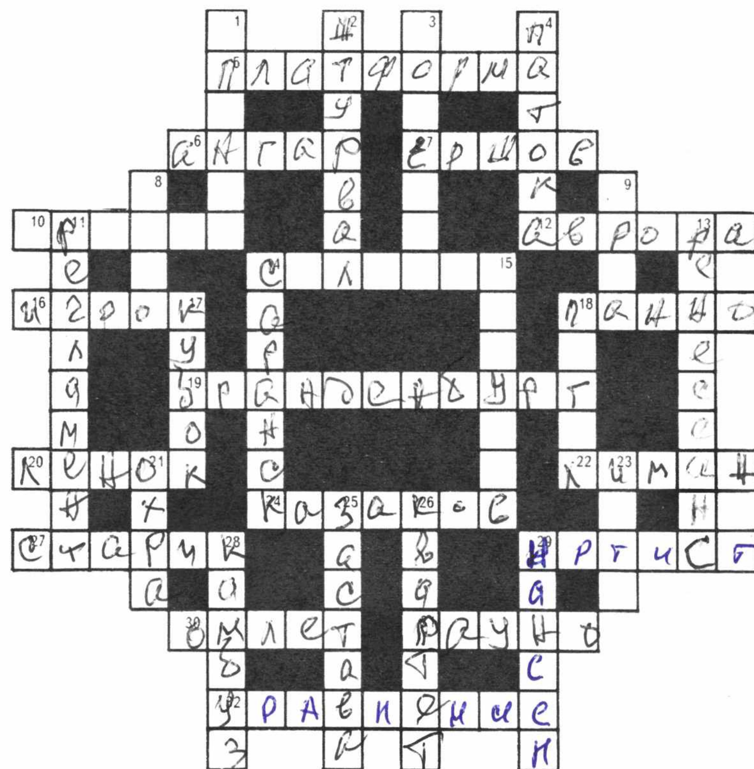
Мейлер и его друзья не отвернулись от Эббота, пытались всячески помочь ему. «Эти люди,— пишет Эббот в письме сестре,— действительно любят меня. Со мной такого еще не бывало». Но Джека, видно, замучила совесть. Он не мог больше писать, начал пить и дошел до наркотиков.

Конец был трагическим. В ресторанной ссоре он зарезал абсолютно незнакомого ему человека. Два месяца Эббот скрывался от полиции, но вел себя так, словно хотел, чтобы его схватили. Так и случилось. Теперь ворота тюрьмы захлопнулись за ним, вероятно, навсегда.

Изгой, отверженный, отринутый от общества, которое еще с малолетства растлило и сломало его. Неожиданное открытие в нем недюжинного таланта не спасло, а, наверное, утопило его еще глубже в том кошмаре, в котором он жил с колыбели.

Не успели Эббота водворить в тюремную камеру, как он получил письмо из редакции «Нью-Йорк таймс». В нем Джеку предлагается сотрудничать, писать в газету.

КРОССВОРД

По горизонтали: 5. Небольшая железнодорожная станция, полустанок. 6. Сооружение для обслуживания и ремонта самолетов. 7. Автор сказки «Конек-Горбунок». 10. Замысел, план. 12. Легендарный крейсер. 14. Персонаж повести А. С. Пушкина «Выстрел». 16. Опера С. С. Прокофьева. 18. Картина или рельеф, украшающие стену, потолок. 19. Город в ГДР. 20. Пресноводная лососевая рыба. 22. Система мелких заливов у берега Азовского моря. 24. Архитектор, один из основоположников русского классицизма. 27. Пьеса М. Горького. 29. Действующее лицо драматического произведения А. Н. Островского «Бесприданница». 30. Блюдо из яиц, муки и молока. 31. Период поединка в боксе. 32. Математическая запись задачи.

По вертикали: 1. Огородная культура. 2. Рулевое колесо судна, самолета. 3. Художник-передвижник. 4. Продукт осахаривания крахмала. 8. Картина А. А. Пластова. 9. Среднеазиатский можжевельник. 11. Порядок ведения заседаний, собраний. 13. Период Возрождения в Западной и Центральной Европе. 14. Столица АССР. 15. Советский геолог и географ, академик, Герой Социалистического Труда. 17. Спортивный приз. 18. Экваториальное созвездие. 21. Природная минеральная краска. 23. Река в Закавказье. 25. Подразделение пограничных войск. 26. Ансамбль музыкантов-исполнителей. 28. Судовая кухня. 29. Шведский естествоиспытатель XVIII века.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 21

По горизонтали: 3. Архипелаг. 5. Эхолот. 6. Ламарк. 9. Дурова. 10. Сургуч. 12. Кутузов. 15. Ламантин. 16 Некрасов. 17. Камерун. 18. Темиртау. 20. Интерьер. 22. Сардина. 25. Неодим. 27. Стрела. 28. Оливер. 29. Ростов. 30. Акватория.

По вертикали: 1. Пистолет. 2. Тепловоз. 3. Акоста. 4. Градус. 7. Зарема. 8. Лагуна. 9. «Декамерон». 11. «Чародейка». 12. Конкурс. 13. Углерод. 14. Винница. 19. Импорт. 21. Реверс. 23. Репортаж. 24. Инвертор. 26. Марица. 27. Статуя.

НА ПЕРВОЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: Лауреат премии Ленинского комсомола Туркменистана ансамбль танца Ашхабадского Дворца пионеров «Красная гвоздика». (См. в номере материал «Великое прстивостояние».)

Фото Л. Шерстенникова

НА ПОСЛЕДНЕЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: Один из корпусов кардиологического санатория «Переделкино» * В столовой санатория * В зимнем саду. (См. в номере материал «Отпуск, курорты и проблемы».)

Фото М. Савина

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.

Редакционная коллегия: Д. Н. БАЛЬТЕРМАНЦ, В. В. БЕЛЕЦКАЯ, С. А. ВЫСОЦКИЙ (заместитель главного редактора), И. В. ДОЛГОПОЛОВ (главный художник), Д. К. ИВАНОВ (ответственный секретарь), Н. А. ИВАНОВА, В. Д. НИКОЛАЕВ (заместитель главного редактора), Ю. С. НОВИКОВ, А. Г. ПАНЧЕНКО, Ю. П. ПОПОВ, Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: 101456, Москва, ГСП, Бумажный проезд, 14.

Оформление Е. М. КАЗАКОВА.

Телефоны отделов редакции: Секретариат — 212-23-27; Отделы: Внутренней жизни — 250-56-88; Международный — 212-30-03; Социалистических стран — 250-24-21; Искусств — 250-46-98; Литературы — 212-63-69; Военно-патриотический — 250-15-33; Науки и техники — 212-21-68; Юмора — 212-14-07; Спорта — 212-22-19; Фото — 212-20-19; Оформления — 212-15-77; Писем — 212-22-69; Литературных приложений — 212-22-13.

Сдано в набор 10.05.82. Подписано к печати 26.05.82. А 00372. Формат 70×108 1/8. Глубокая печать. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 11,55. Усл. кр.-отт. 18.20. Тираж 1 810 000 экз. Изд. № 1317. Заказ № 2345.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865, ГСП, Москва, А-137, улица «Правды», 24.

ГРАНИЦА НА ЗАМКЕ

Б. СОПЕЛЬНЯК,
фото А. НАГРАЛЬЯНА,
специальные корреспонденты «Огонька»

День клонился к вечеру, но жара стояла нестерпимая. На земле, поближе к Араксу, куда ни шло, а на вышке — похлестче, чем в горячем цехе. Эх, цех, родной цех! Это год назад ты казался и горячим и шумным, а сейчас отдал бы все на свете, чтобы почувствовать запах окалины, увидеть бег стружки, подержать в руках еще теплые, только что снятые с токарного станка ладные детали. Чуть больше года проработал на машиностроительном заводе выпускник Краснодарского ПТУ Станислав Зайцев, а привязался к нему крепко.

Нет, жара все-таки не по нему! Недаром в военкомате Станислав просился в морскую пехоту, тем более что и рост и сила, так сказать, соответствовали. Но ему сказали, что крепкие парни нужны и на границе. Что ж, на границе так на границе... Через полгода Станислав стал отличным стрелком, освоил многие премудрости пограничной службы, а комсомольцы заставы избрали его своим секретарем.

Сквозь знойное марево четко вырисовывался Арарат. Удивительно красивая гора! Особенно летом, когда склоны зеленые, а на макушке белая папаха. Стоп! Кажется, у подножия что-то мелькнуло. Станислав взял бинокль. Так и есть, к Араксу идет человек, к тому же с чемоданом. В пограничной зоне человек в гражданской одежде да еще с чемоданом — это подозрительно. Впереди небольшой овраг, потом дамба — и все, дальше граница. Человек исчез в овраге... Не появлялся он довольно долго, видимо, следил за тем, что делается на нашей стороне.

Станислав доложил старшему наряда. Тот принял решение тревожную группу пока не вызывать, а Станиславу приказал усилить наблюдение. Вдруг человек с чемоданом метнулся через дамбу и бросился в речку. А она в это время такая мелкая, что и плыть не надо.

Пока нарушитель перебегал Аракс, тревожная группа заняла такую позицию, чтобы ему, как говорится, ни вперед, ни назад. Встретили его, как и положено, спокойно, уверенно и бесшумно. Даже собака, будто понимая, что от нее требуется, мелко дрожала от возбуждения, но молча скалила желтоватые клыки.

— А что было дальше? — спросил я у ефрейтора Зайцева, когда мы поднялись на ту самую вышку.

— Дальше было самое приятное,— улыбнулся он.— Дали десятисуточный отпуск! То-то радости было и мне, и родителям, и заводским друзьям.

Вдруг Станислав насторожился:

— Что-то случилось. В нашу сторону едет тревожная группа.

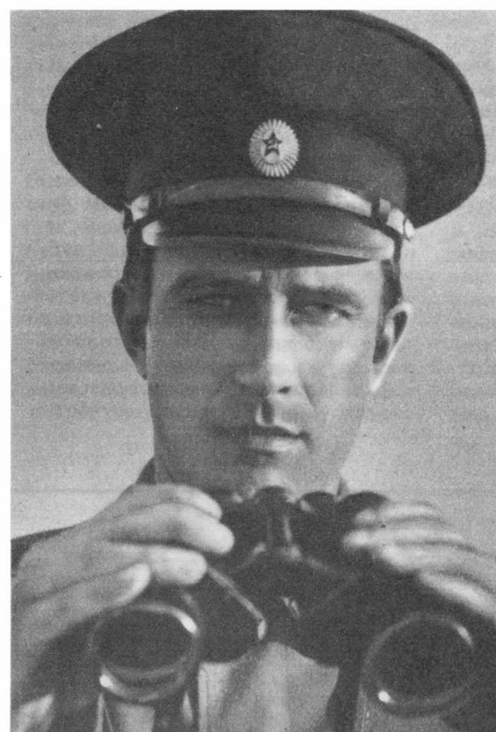
Ефрейтор Зайцев остался на посту, а мы стремглав спустились с вышки. Оказалось, что сработала сигнализация, а на контрольно-следовой полосе обнаружены непонятные следы.

— Очень даже понятные следы,— вздохнул начальник заставы старший лейтенант П. В. Крючков.— Кабаны прошли. У нас тут зверья достаточно: то змеи, то кабаны, то шакалы, а то и волчьи стаи шастают туда-сюда. Как-то ночью я проверял наряды и лоб в лоб столкнулся с таким матерым волком, что если бы он вздумал напасть, я бы и пистолет выхватить не успел... К сожалению, нас беспокоят не только четвероногие волки, но и двуногие хищники. Чаще всего они рядятся в овечью шкуру, при задержании юлят, лгут, изворачиваются, но мы их, как правило, изобличаем.

Этот год и для погранотряда и для всего Краснознаменного Закавказского пограничного округа юбилейный — ровно шестьдесят лет назад пограничники-закавказцы заступили на охрану и оборону Государственной границы СССР. Сколько за эти годы разгромлено всевозможных банд, задержано нарушителей, сколько отдано жизней молодых ребят в зеленых фуражках, которые принимали неравный бой, но не пропускали врага! Каждый, кто служит в Закавказье, знает о подвигах Андрея Бабушкина, Петра Сайкина, Тимофея Люкшина, Николая Голубницкого, Ивана Латыша, Александра Корякова, Петра Гужвина, Ивана Васюхно, Асена Илиева, именами которых названы заставы.

Еще в 1926 году по инициативе Ф. Э. Дзержинского был провозглашен лозунг: «Границу на замок!» Нынешнее поколение пограничников достойно продолжает традиции старших товарищей. Именно для того, чтобы этот замок был заперт крепко-накрепко, каждый день перед отправлением нарядов на всех заставах звучат полные глубокого смысла слова: «Приказываю выступить на охрану границы Союза Советских Социалистических Республик!»

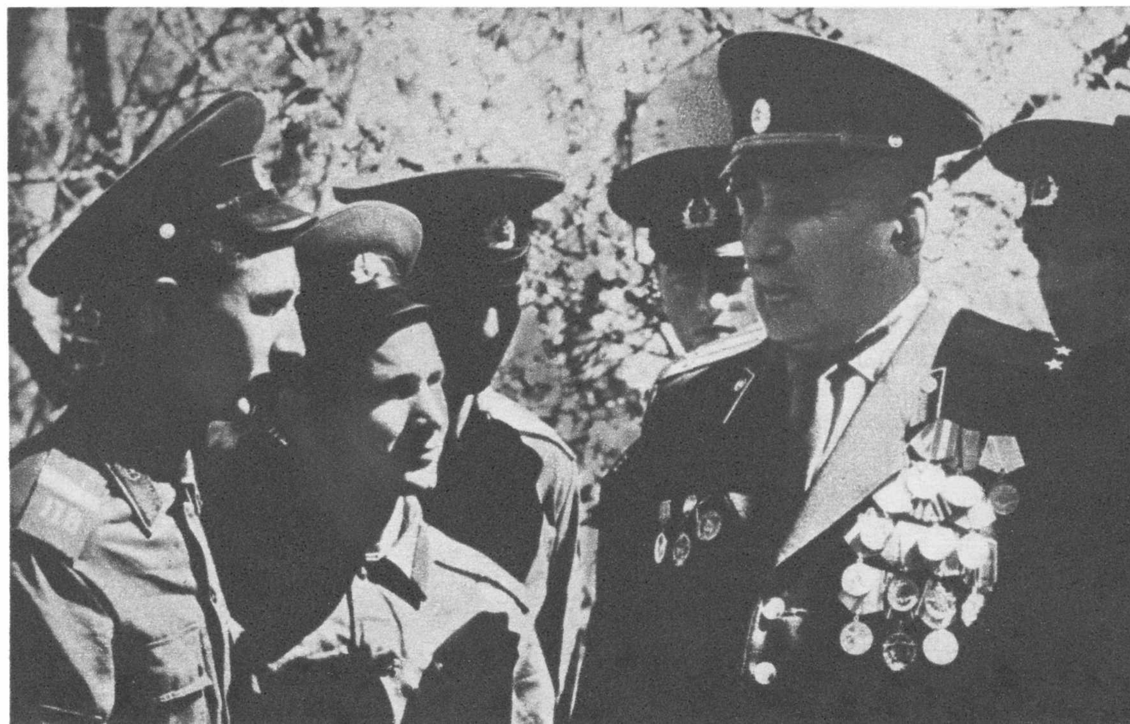

На задержание.

«Тревожная группа» действует.

Ветеран погранвойск подполковник Д. Варданян в гостях у молодых пограничников.

ISSN 0131—0097
Цена номера 40 коп.
Индекс 70663

